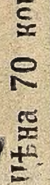
С. Щеголевъ.

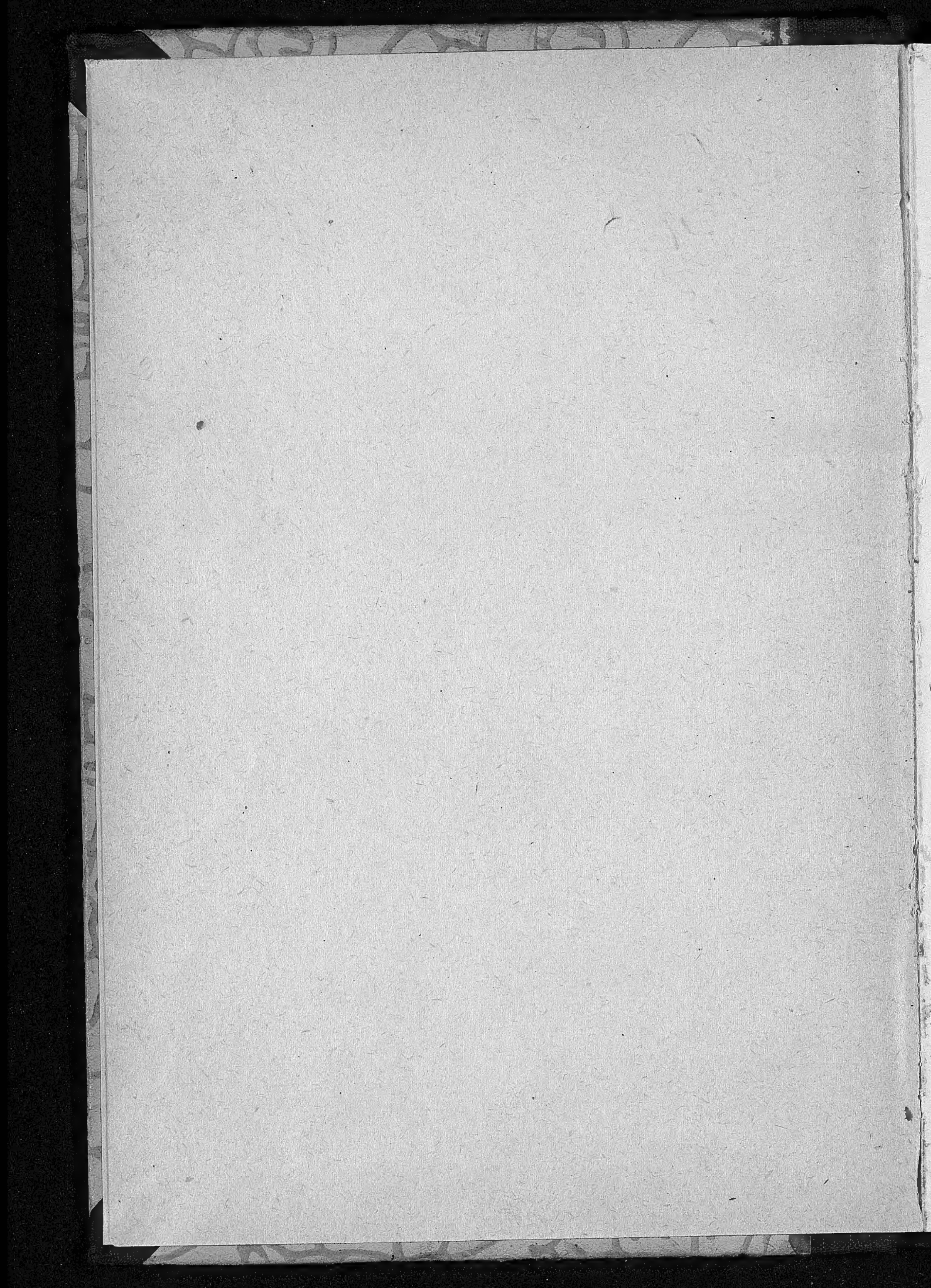
СОВРЕМЕННОЕ УКРАИНСТВО.

ЕГО ПРОИСХОЖДЕНІЕ, РОСТЪ и ЗАДАЧИ.



Шестая—седьмая тысяча экземпляровъ.

КІЕВЪ.
Типографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К⁰, Караваевская, № 5.
1914.



С. Щеголевъ.

СОВРЕМЕННОЕ УКРАИНСТВО.

ЕГО ПРОИСХОЖДЕНІЕ, РОСТЪ и ЗАДАЧИ.

Шестая—седьмая тысяча экземпляровъ.

Цѣна 70 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. ОГЛОБЛИНА.

КІЕВЪ, Крещатикъ 33.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Екатерин. 4.

КІЕВЪ
1914.

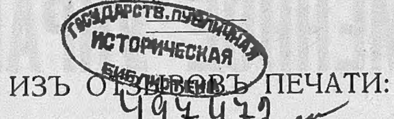
Продается въ книжныхъ магазинахъ

Л. ИДЗИКОВСКАГО и Н. Я. ОГЛОБЛИНА

КНИГА ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Украинское движеніе, какъ современный этапъ южнорусскаго сепаратизма.

Кіевъ, 1912. Стр. VII + 588. Цѣна 2 р. 50 к.



ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

„Книга, написанная живымъ языкомъ, обнаруживаетъ въ авторѣ большое знаніе вопроса, разработкой котораго онъ занялся, и по обилію и обстоятельности свѣдѣній о малорусскомъ нарѣчіи, по исторіи Малороссіи и по исторіи сепаратистскаго движенія въ Южной Россіи можетъ быть названа энциклопедіей „украинства". („Моск. Вѣд." 1912. 288).

„Появленіе капитальнаго труда С. Н. Щеголева надо привѣтствовать, такъ какъ онъ даетъ русскому обществу то, чего намъ до сихъ поръ такъ досадно недоставало... Книга полна захватывающаго интереса и заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны русскаго общества, она должна быть настольной книгой для всякаго русскаго національно-политическаго дѣятеля. Написана книга очень живо, выпукло и читается легко". („Кіевл." 1913. 20)

„Объемистая книга С. Н. Щеголева представляетъ первую и пока единственную въ русской литературѣ попытку написать своего рода энциклопедію украинскаго вопроса съ русской точки зрѣнія... Помимо краткаго историческаго очерка украинскаго литературно-украинскаго движенія и очень интересной характеристики нѣкоторыхъ формъ національнаго движенія въ Западной Европѣ (во Франціи, Германіи, Испаніи и Нидерландахъ), книга представляетъ обширнѣйшую сводку украинской литературы и публицистики, вышедшей въ Россіи и за границей за послѣднее семилѣтіе". („Русск. Мысль". 1913. III).

„Прекрасная и богато снабженная документами книга С. Н. Щеголева содержитъ... богатый, интересный и поучительный матеріалъ по украинскому движенію... Книга должна раскрыть глаза обществу, законодательнымъ палатамъ и правительству на это движеніе... Надо надѣяться, что русское общество прочитаетъ прекрасную книгу С. Н. Щеголева". („Россія". 1913. 2350).

КІЕВЪ.
Типографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, Караваевская, № 5.

Къ читателю.

Настоящая брошюра составлена по болѣе обширному труду, выпущенному нами въ свѣтъ въ концѣ прошлаго года подъ заглавіемъ „Украинское движеніе, какъ современный этапъ южнорусскаго сепаратизма“. По поводу такихъ нововявленныхъ и необычныхъ для русскаго уха выраженій, какъ „украинство“ или „украинское движеніе“, а равно и по поводу иностраннаго слова „сепаратизмъ“, мы должны дать нѣкоторыя поясненія.

Подъ южнорусскимъ сепаратизмомъ или отщепенствомъ мы разумѣемъ старыя и новыя попытки ослабить или порвать связь, соединяющую малорусское племя съ великорусскимъ. По тѣмъ средствамъ, помощью которыхъ сепаратисты стремятся къ достиженію своей цѣли, мы можемъ различать сепаратизмъ политическій, получившій бранную кличку „мазепинства“, и культурно-этнографическій или украинофильскій; украинофилами называли въ прошломъ столѣтіи тѣхъ образованныхъ русскихъ людей, которые поддѣлывались (въ рѣчи и письмѣ) подъ простонародный говоръ малороссовъ или, по крайней мѣрѣ, старались приблизиться къ нему.

Послѣ польскаго мятежа 1863 г., украинофильство было перенесено бѣглыми повстанцами въ Карпатскую Русь вмѣстѣ съ проповѣдью ненависти къ государственному русскому языку и къ великорусскому племени; проповѣдь эта велась въ Галиціи рядомъ періодическихъ изданій, гдѣ сотрудничали, кромѣ поляковъ и галичанъ, также нѣкоторые украинофилы изъ Россіи. Въ концѣ 80-хъ годовъ провозглашено было въ зарубежномъ Львовѣ новое, яко бы опирающееся на научныхъ данныхъ, положеніе о полной самобытности малорусскаго племени и о враждебности между его интересами и интересами крупнѣйшей великорусской вѣтви русскаго народа. Съ цѣлью подчеркнуть мнимую отчужденность малорусскаго племени отъ остальной Руси, для него придумали имя украинскаго народа, а всѣмъ мѣстностямъ въ Россіи, Австріи и Венгріи съ преобладающимъ малорусскимъ населеніемъ, присвоили названіе Украины. Въ польскомъ государствѣ украинами, т. е. окраинами, именовались всѣ рубежи,

независимо отъ племеннаго состава населенія; позднѣе терминъ „Украина“ присвоенъ былъ польской администраціей небольшой части нынѣшняго Юго-Западнаго края съ Кіевомъ, Овручемъ, Чигириномъ и воспѣтой Пушкинымъ Бѣлой Церковью. Украинофилы галицкіе купно съ южнорусскими не ограничились измышленіемъ вздорной и ненаучной терминологіи; они выработали планъ культурно-политическаго объединенія всѣхъ частей „украинскаго“ народа въ автономную единицу—Соборную Украину. Въ этомъ планѣ культурнымъ задачамъ отведена служебная роль для достиженія опредѣленныхъ политическихъ цѣлей.

Сепаратисты новой культурно-политической марки отвернулись съ презрѣніемъ отъ этнографическаго украинофильства, окрестили свое ученіе „украинствомъ“, пропаганду свою называютъ „украинскимъ движеніемъ“, а своихъ единомышленниковъ—„сознательными украинцами“. Партизаны украинства принесли въ 1905 году въ Россію вырабатываемый ими для малороссовъ особый книжный (украинскій) языкъ. Языкъ этотъ „сознательные украинцы“ примѣняютъ въ качествѣ орудія борьбы противъ роста русской (школьной и внѣшкольной) культуры въ средѣ южнорусскаго населенія, въ надеждѣ вытѣснить постепенно эту культуру на Югѣ Россіи и водворить новую культуру—украинскую.

Задача настоящей брошюры, какъ и предшествовавшаго ей нашего труда, заключается въ томъ, чтобы познакомить читателя съ работой навязчивыхъ и одностороннихъ „просвѣтителей“ малорусскаго народа и указать тѣ пути, по которымъ переходила отъ поколѣнія къ поколѣнію взлелѣянная мятежными гетманами идея государственной измѣны, и какъ, благодаря этой идеѣ, панургово стадо мечтателей-украинофиловъ превратилось въ стадо „сознательныхъ украинцевъ“.

Тѣ читатели, которые пожелали бы ознакомиться съ вопросомъ по болѣе обширному матерьялу и провѣрить степень доказательности текста настоящей брошюры, найдутъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ подъ литерами „У. Д.“ („Украинское движеніе“) ссылки на страницы нашего прошлогодняго труда. Брошюра раздѣлена, кромѣ главъ, на параграфы, что облегчитъ установленіе связи между отдѣльными частями различныхъ главъ.

5 сентября 1913 года.
Кіевъ.

Глава I.

Населеніе Южной Руси и его языкъ народный и книжный до возсоединенія Малороссіи съ Москвой.

§ 1. **Русскія племена и ихъ говоры.** Восточная или русская вѣтвь славянства дѣлится нынѣ на три разновидности или племени: бѣлорусское, великорусское и южнорусское. Южноруссы въ предѣлахъ Россіи называются малороссами; въ Австро-Венгріи мы различаемъ между ними, географически,— буковинцевъ, угроруссовъ и галичанъ. Всѣ эти русскія племена составляютъ, по удачному выраженію акад. Корша, тріединый русскій народъ. Племена, на которыя дѣлилась Русь на зарѣ своей исторіи, были болѣе многочисленны, но говоры этихъ племенъ всѣ принадлежали одному древнерусскому языку, который знаменитымъ ученымъ Ягичемъ разсматривается, какъ сумма всѣхъ этихъ говоровъ или разнорѣчій (діалектовъ); таково же мнѣніе и громаднаго большинства русскихъ лингвистовъ, а также украинофиловъ Потебни и Житецкаго. Дѣленіе древнерусскаго языка на говоры, до нѣкоторой степени, совпадало съ дѣленіемъ русскаго народа на древнія племена. „У. Д." 1–4.

Отдѣльную группу говоровъ составляли говоры кривичей (словенъ); это весьма родственные между собою говоры новгородскій, псковской и полоцко-смоленскій. Среднерусскій говоръ—говоръ вятичей и ихъ колонистовъ на обоихъ берегахъ верхней Волги—является родоначальникомъ современнаго великорусскаго нарѣчія; онъ раздѣлился на почти тождественные говоры сѣверные или окающіе и южные или акающіе. Старый западнорусскій или бѣлорусскій говоръ—говоръ дреговичей— былъ чрезвычайно близокъ къ среднерусскому говору.

Древній Кіевскій говоръ—говоръ полянъ—нынѣ исчезнувшій, относился, судя по древнимъ памятникамъ, къ среднерусской группѣ и, притомъ, къ той ея части, которая вошла позднѣе въ составъ великорусскаго нарѣчія. О древнемъ переяславско-черниговскомъ говорѣ—говорѣ сѣверянъ—ничего опредѣленнаго нельзя сказать. Можно лишь упомянуть, что

авторъ Несторовой лѣтописи видѣлъ въ сѣверянахъ племя родственное съ новгородскими кривичами („сѣверо отъ словенъ"), и что малороссы XVII вѣка видѣли въ коренныхъ жителяхъ Чернигова „московскихъ" людей.

Галицко-волынскій говоръ, т. е. говоръ дулѣбовъ-волынянъ,—предокъ современнаго малорусскаго нарѣчія. Немногочисленныя фонетическія особенности этого говора сближали его съ говорами бѣлорусскимъ, полоцко-смоленскимъ и даже новгородскимъ.

Главныя звуковыя особенности русскаго языка, свойственныя всѣмъ его современнымъ вѣтвямъ или нарѣчіямъ, блестяще подтверждаютъ единство языка и служатъ его характернымъ отличіемъ отъ всѣхъ западнославянскихъ и южнославянскихъ языковъ. Общія черты сближаютъ между собою русскія нарѣчія настолько, что сходство ихъ другъ съ другомъ замѣчается даже предубѣжденнымъ глазомъ. Давно замѣчены черты общія нарѣчіямъ бѣлорусскому и малорусскому. Близость южно-великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій столь велика, что не требуетъ никакихъ доказательствъ. Точно также давно обращено вниманіе на то обстоятельство, что сѣверная часть несомнѣнно малорусскихъ говоровъ ближе стоитъ, по фонетикѣ, къ сѣверновеликорусскимъ окающимъ говорамъ, чѣмъ, напр., къ украинскому и галицкому говорамъ своего же малорусскаго нарѣчія.

Кромѣ того, многія малорусскія, лучше сказать—древнерусскія, слова, не вошедшія въ современный книжный русскій языкъ, сохранились въ великорусскихъ народныхъ говорахъ. Такъ, въ архангельской губ. употребительны слова—*заробить, надѣя;* въ калужской—*казать, трохи;* въ костромской—*звычайно;* въ нижегородской—*нехай*; въ орловской—*посагъ*, въ пензенской—*вечерять, жалковать, заховать;* въ рязанской—*або, абы, жадать;* въ тамбовской—*добре, смажить, сподѣваться;* въ тверской—*дуже;* въ тульской—*купа, ледвѣ*, *яловка* и мн. друг.

„У. Д." 4—9. § 2. **Малорусское нарѣчіе.** Мнѣнія почти всѣхъ ученыхъ о возрастѣ малорусскаго нарѣчія близки между собою. Украинофилъ Житецкій говоритъ, что нарѣчіе это, по преимуществу,—историческое и стало типичнымъ лишь нѣсколько вѣковъ; происходя съ великорусскимъ нарѣчіемъ изъ одного общаго источника, малорусское нарѣчіе дифференцировалось лишь съ эпохи татарщины, а современную фонетику оно получило съ XV—XVII вѣковъ. Проф. Срезневскій и акад. Коршъ от-

носятъ появленіе малорусскаго нарѣчія къ XIII—XIV вѣкамъ. Въ общемъ малорусскомъ нарѣчіи рѣзче всего выдѣляются два поднарѣчія сѣверно-малорусское и южно-малорусское (украинско-галичское). Первое наблюдается въ сѣверныхъ уѣздахъ губерній волынской, кіевской, полтавской и черниговской и въ южныхъ уѣздахъ губерній минской и гродненской, а также въ Холмщинѣ. Южномалорусское поднарѣчіе занимаетъ всю остальную часть малорусской этнографической территоріи въ Россіи, а за рубежемъ—сѣверо-западную Буковину. Въ говорахъ Галичины встрѣчаются рядомъ сѣверно-малорусскія и южно-малорусскія черты. Тоже наблюдается и въ Угорской Руси: коренной чистый говоръ находится здѣсь въ ближайшемъ родствѣ съ сѣверно-малорусскимъ поднарѣчіемъ, хотя въ отдѣльныхъ діалектахъ наблюдаются и особенности поднарѣчія южно-малорусскаго.

Крайне важно то обстоятельство, что сѣверно-малорусскіе говоры представляютъ изъ себя промежуточныя звенья между тремя вѣтвями русскаго народа; большинство этихъ говоровъ—въ сущности говоры бѣлорусскіе или частью южновеликорусскіе, подвергшіеся сильному малорусскому вліянію.

Часть измѣненій въ фонетикѣ и въ словесномъ матерьялѣ (въ лексикѣ), вызвавшихъ постепенное превращеніе южнорусскихъ говоровъ въ малорусское нарѣчіе, можетъ быть отнесена на счетъ несомнѣнныхъ инородческихъ примѣсей къ южно-русск. населенію. Южно-русскія княжества окружены были (въ IX—XII вѣкѣ) съ юга полукольцомъ кочевыхъ тюркоиранскихъ племенъ: половцевъ или кумановъ, печенѣговъ, черкасовъ, торковъ, турпіевъ, берендѣевъ; еще южнѣе обитали, оттиснутые кочевниками къ Черному морю, южно-русскія племена тиверцевъ и улучей (участвовавшихъ въ твореніи южномалорусскихъ нарѣчій). Въ XII—XIII вѣкѣ мы видимъ въ степяхъ довольно многочисленныхъ русскихъ кочующихъ „бродниковъ", которые умѣли уживаться съ кочевниками-азіатами. Къ югу отъ Кіева непосредственно за рѣкой Росью—въ Поросьѣ—возникли въ XI вѣкѣ цѣлыя слободы, заселенныя наполовину русскими, наполовину торками. Съ появленіемъ у южнаго рубежа Руси въ XI вѣкѣ хищныхъ половцевъ, русскіе князья, ради политическихъ соображеній, часто вступали въ кровное родство съ половецкими ханами. Вѣроятно, не отставалъ отъ князей въ такихъ бракахъ и народъ, у котораго даже сложилось знаменательное присловье о „красныхъ дѣвкахъ половецкихъ". Подъ давленіемъ татарскимъ

(въ XII—XIII в.) толпы полуобрусѣлыхъ инородцевъ, бродниковъ и, быть можетъ, тиверцевъ вдвигались въ южно-русскую черту осѣдлости. Отъ этихъ народовъ и народцевъ остались на память потомству названія ихъ старыхъ поселковъ: село Печенѣжинъ въ В. Галичинѣ; три села Половецкихъ въ кіевской и волынской губерніяхъ, Торчинъ и Торковъ въ подольской губерніи, а также Торчица, Кумановка, Черкассы, Бердичевъ (изъ Берендичевъ), Турбовъ (изъ Турпіевъ) всѣ кіевской губерніи. Лыбопытно, что между прозвищами „мирныхъ" (осѣдлыхъ) половцевъ встрѣчаются совершенно тождественныя по конструкціи съ современными малорусскими фамиліями (Кунячукъ, Билюкъ). Ясно, что смѣшанное сожительство инородцевъ со славянами привносило новые элементы въ народную рѣчь. Уже переходъ русскихъ „бродниковъ" и, вѣроятно, тиверцевъ на полукочевую жизнь обнаруживаетъ ту, по меньшей мѣрѣ, нестойкость культуры, которая могла дѣлать ассимиляцію склонной на компромиссы. Могъ явиться промежуточный южно-русскій жаргонъ, который позднѣе привелъ къ малорусскому нарѣчію съ его удлинненными гласными, напоминающими протяжную рѣчь жителей Востока. Отъ сосѣдства и общенія съ татарами южно-русскія нарѣчія почти не пострадали ни въ фонетикѣ, ни въ морфологіи, унаслѣдовавъ лишь кое-что изъ лексическаго матеріала (отсюда, напр., малорусскія слова: бугай, кавунъ, тютюнъ, килимъ, люлька, баламутъ, булава, чумакъ и козакъ).

За 5—6 вѣковъ своего существованія (XIV—XX) малорусское нарѣчіе подвергалось многочисленнымъ и многостороннимъ вліяніямъ, способствовавшимъ дробленію его на діалекты и измѣненіямъ въ лексикѣ и морфологіи. Соприкосновеніе малорусскаго нарѣчія съ другими нарѣчіями русскаго языка привело къ тому, что въ настоящее время существуютъ даже діалекты малорусско-бѣлорусскіе и малорусско-великорусскіе; кромѣ того, много словъ русскаго книжнаго языка попадаетъ въ малорусскую деревню изъ городовъ и въ ней акклиматизируется.

Лексическія особенности, отличающія современное малорусское нарѣчіе отъ великорусскаго, теряются въ массѣ словъ, общихъ обоимъ нарѣчіямъ. Особенности фонетическія и морфологическія ($1^1/_2$—2 десятка) не рѣзки; часть ихъ принадлежитъ къ архаизмамъ, тождественнымъ съ церковно-славянскими словами и оборотами и, притомъ, не отличающимся стойкостью.

§ 3. **Языкъ западно-русской письменности.** Не взирая на послѣдовавшую за нашествіемъ монголовъ полную политическую разобщенность между Восточной и Западной Русью, духовная связь между обѣими половинами нашей родины не прерывалась, благодаря общему книжному языку. Еще въ XIV вѣкѣ книжный языкъ древней Руси (въ Галичѣ, Кіевѣ, Новгородѣ, Владимірѣ и Москвѣ) былъ одинъ; въ основу его легъ церковно-славянскій (старо-болгарскій) языкъ. Доказано даже, что многіе южно-русскіе памятники XVI и XVII вѣковъ писаны на томъ же языкѣ, на какомъ писали тогда въ Москвѣ, Новгородѣ, Вологдѣ и на Поморьи. Малорусское нарѣчіе дальше устнаго народнаго обихода не поднималось и не имѣло ни письменности, ни оффиціальнаго (государственнаго) значенія. Западно-русскій актовый языкъ заключалъ, однако, въ себѣ много малоруссизмовъ (въ томъ числѣ элементовъ сѣверно-малорусскихъ поднарѣчій) и бѣлоруссизмовъ, изъ коихъ первые преобладали въ XIV вѣкѣ, а послѣдніе—въ XV вѣкѣ. Полонизмы въ западно-русскомъ книжномъ языкѣ появились съ половины XVI вѣка (отъ Люблинской уніи); въ Галицкомъ воеводствѣ они появились гораздо раньше (XV в.) и въ значительно большемъ количествѣ. Къ половинѣ XVII в. книжный языкъ Западной Руси, подъ вліяніемъ польско-латинской школы и моментовъ общественно-политическаго характера, подвергся довольно рѣзкой полонизаціи какъ въ лексикѣ, такъ и въ морфологіи; не мало южно-русскихъ писателей перешло тогда совсѣмъ на польскій языкъ. „У. Д.“ 13—17.

Возсоединеніе Кіева (крупнаго научнаго центра) и восточной половины Малороссіи съ Великой Россіей было и началомъ возсоединенія западно-русскаго книжнаго языка съ восточно-русскимъ и постепеннаго сліянія ихъ въ одинъ общерусскій языкъ. Хотя антинаціональность русской государственной политики доходила до того, что еще въ XVIII в. читались на польскомъ языкѣ многія лекціи даже въ Харьковской коллегіи, т. е. тамъ, гдѣ и кости польской не было, тѣмъ не менѣе западно-русскій языкъ хирѣлъ и исчезалъ, растворяясь въ общерусскомъ руслѣ. Явленіе это было вполнѣ естественнымъ; сквозь выдыхавшіеся латинизмы и полонизмы въ книжномъ языкѣ Южной Руси блисталъ, какъ самоцвѣтный камень, здоровый русскій корень. По возсоединеніи Малороссіи съ Россіей двинулись на сѣверъ сперва въ Москву, а потомъ и на берега Невы ученые питомцы Кіевской Академіи, славнаго разсадника просвѣщенія на нашемъ югѣ; пришли они, не какъ

иностранцы, а какъ родные братья; понятною москвичамъ рѣчью заговорили они о плодахъ западной науки; какъ пчелы несутъ медъ въ соты роднаго улья, такъ приносили они питательные соки въ созидаемую русскимъ книжнымъ людомъ русскую книжную рѣчь.

По словамъ извѣстнаго писателя украинофила П. А. Кулиша, когда Южная Русь, или какъ обыкновенно ее называютъ, Малороссія, присоединилась къ Сѣверной или Великой Россіи, умственная жизнь на сѣверѣ тотчасъ оживилась притокомъ новыхъ силъ съ юга, и потомъ Южная Русь постоянно уже принимала самое дѣятельное участіе въ развитіи сѣвернорусской литературы. Извѣстно каждому, сколько малороссійскихъ именъ записано въ старыхъ лѣтописяхъ русской словесности. Люди, носившіе эти имена, явились на сѣверъ съ собственнымъ языкомъ и *ввели этомъ языкъ въ тогдашнюю русскую словесность, какъ рѣчь образованную.* Природные москвичи оставили языкъ своихъ разрядныхъ книгъ и грамотъ для этой рѣчи, и въ Россійскомъ государствѣ, мимо народнаго сѣверно- и народнаго южно-русскаго языковъ, *образовался языкъ, составляющій* между ними *средину* и равно понятный обоимъ русскимъ племенамъ.

Въ одобренномъ для галицкихъ школъ учебникѣ литературы А. Барвинскаго мы находимъ категорическое утвержденіе, что перенесеніе съ половины XVII ст. просвѣщенія и науки въ Московщину было для кіевскихъ ученыхъ тѣмъ болѣе легкимъ, что они писали, подобно тому какъ и въ Москвѣ въ ту эпоху, языкомъ, созданнымъ на Руси на церковно-славянскомъ фундаментѣ. Тотъ же педагогъ украинскаго лагеря не скрываетъ, что южно-русская литература и наука имѣли значительное вліяніе на Московскую Русь еще съ конца XVI и начала XVII вв., а именно произведеніями Зизанія, Смотрицкаго, Копыстенскаго и Петра Могилы. Въ концѣ XVII в. переселяются на сѣверъ кіевскіе ученые: Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, Димитрій Ростовскій, Феофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій (галичанинъ родомъ); они создаютъ въ Москвѣ постоянный кружокъ, въ которомъ концентрируется наука и *литературная* дѣятельность того времени. Въ XVIII вѣкѣ въ Кіевской академіи, несмотря на отдаленность ея отъ общерусскихъ литературныхъ центровъ, появляются произведенія, мало чѣмъ отличающіяся отъ сѣверно-русскихъ, какъ ода Левандовскаго и гимны Фальковскаго.

Весьма поучительно мнѣніе о воздѣйствіи Юга на Сѣ-

веръ, высказанное покойнымъ львовскимъ профессоромъ Огоновскимъ, ученикомъ Миклошича и защитникомъ идеи самостоятельности малорусскаго языка. „Лексическій и грамматическій матеріалъ русинскаго (т. е. малорусскаго) языка былъ въ XVIII и XIX ст.,—по словамъ Огоновскаго,—такъ *поглощенъ* московскимъ нарѣчіемъ, что новый языкъ принялъ даже названіе *русскаго*"... „Богатые запасы языка малорусской націи въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій были систематически эксплуатируемы въ пользу московскаго нарѣчія".

Такимъ образомъ, судьба южно-русскаго книжнаго языка, выразившаяся въ ассимиляціи его съ книжнымъ великорусскимъ, была почтенна и продуктивна: это была смерть сѣмени, попавшаго въ благопріятную почву и принесшаго добрый плодъ.

Глава II.

Польская интрига въ возсоединенной Малороссіи.

§ 4. **Литовско-польская Русь и Переяславская рада.** Къ половинѣ XIV вѣка удѣльныя княжества южнорусскія, подъ вліяніемъ внутреннихъ усобицъ и татарскихъ разгромовъ, утратили всякую связь съ новымъ Владиміро-Суздальскимъ центромъ и дошли до полной государственной дезорганизаціи. Отсюда былъ одинъ лишь шагъ до утраты самостоятельности. Въ 1360 году литовскій князь Ольгердъ присоединилъ къ Литвѣ Черниговское княжество, черезъ 3 года—Подолію и Кіевскую землю, а въ 1377 году—Волынь; въ 1386 году превратилась въ польскую провинцію Галицкая Русь. Литовско-русское государство уже въ началѣ XV вѣка стало въ лицѣ православныхъ бояръ какъ малорусскаго, такъ и бѣлорусскаго происхожденія—тяготѣть къ Москвѣ и искать у нея помощи. Это обстоятельство, не входившее въ расчеты бояръ-католиковъ (ополячившихся), ускорило заключеніе между Литвой и Польшей люблинской уніи 1569 г., по которой вся Литовская Русь превратилась фактически въ рядъ польскихъ провинцій. Къ тому времени на южномъ рубежѣ Подольской, Кіевской и Черниговской земель или, по старинной административной терминологіи, воеводствъ, образовались для отпора частымъ набѣгамъ крымскихъ татаръ, полувоенные поселки. Вооруженные люди, защищавшіе эту окраину или украину польскаго государства,

„У. Д." 11—12.

называли себя козаками подобно военнымъ пограничникамъ московскаго государства, поселенія коихъ (при Іоаннѣ Грозномъ) тянулись отъ г. Темникова (нынѣ тамбовской губерніи) до г. Рыльска и Путивля; польское государство, для борьбы съ Москвой, организовало на своей восточной границѣ отряды козаковъ витебскихъ. Самое слово „козакъ“ позаимствовано у татаръ, у которыхъ козаками называлось рядовое войско въ противоположность высшему военному разряду—уланамъ. Религіозный и экономическій гнетъ со стороны поляковъ вызвалъ въ Южной Руси рядъ бунтовъ, руководимыхъ православнымъ южнорусскимъ козачествомъ и извѣстныхъ подъ названіемъ козацкихъ войнъ. Уже черезъ 8 лѣтъ послѣ люблинской уніи часть козачества стала искать защиты и руководства у единовѣрной Москвы; король Стефанъ Баторій имѣлъ свѣдѣнія, что днѣпровскіе козаки или Низовцы уже съ 1577 г. находились въ соглашеніи съ московскимъ государемъ, который учредилъ даже должность Днѣпровскаго воеводы. Болѣе систематическія попытки козаковъ возсоединиться съ Москвой относятся къ 1625 г. Не прошло и ста лѣтъ отъ люблинской уніи, какъ предводителю козаковъ, гетману Богдану Зиновію Хмельницкому удалось освободить фактически восточную половину Южной Руси отъ польскаго владычества. По словамъ историка М. Драгоманова, въ это время въ южномъ козачествѣ была достаточно пробуждена національная сознательность, а потому Хмельницкому было не трудно въ 1654 г. на Переяславской радѣ начать возсоединеніе Южной Руси съ остальной Русью—Русью Московской.

Присяга Хмельницкаго Царю Восточному была, какъ справедливо говоритъ Драгомановъ, актомъ не только натуральнымъ, но и вполнѣ національнымъ тѣмъ болѣе, что этой присягѣ предшествовала массовая эмиграція южноруссовъ изъ-подъ Польши въ Московскія земли. Къ сожалѣнію, часть Южной Руси (Русь Галицкая) находится за нашимъ рубежомъ доселѣ. Волынь и Подолія вошли въ составъ русскаго государства лишь по 2-му раздѣлу Польши (1793 г.); царю же Алексѣю Михайловичу удалось удержать за собой на югѣ лишь воеводства Черниговское и Кіевское (по рр. Днѣпръ и Ирпень). Возсоединенныя земли вошли въ титулъ русскаго государя подъ именемъ „Малыя Россіи“; терминъ этотъ имѣлъ за собою право исторической давности. Въ XIV вѣкѣ галицко-волынскій князь Юрій I, въ грамотѣ, титуловалъ себя, какъ dux totius Russiae Minoris. Константинопольскіе патріархи

въ томъ же XIV вѣкѣ подъ именемъ Малой Россіи („ἡ Μικρὰ Ῥωσία") разумѣли всю Южную Русь въ противоположность Великой Руси—Московской.

§ 5. **Поляки и польскіе клевреты.** Съ момента возсоединенія лѣвобережной Малороссіи и Кіева съ русскимъ государствомъ и до нашихъ дней польское правительство, а позднѣе польскіе политическіе дѣятели и публицисты не переставали мечтать о реваншѣ. Нужды нѣтъ, что число поляковъ даже въ правобережной Малороссіи не превышало $3^1/_2$—$4^0/_0$, а въ лѣвобережной даже $1^0/_0$; нужды нѣтъ, что Малороссія сама отложилась отъ польской короны и *сама пожелала* принести присягу русскому государю; поляки не брезгали никакими способами въ стремленіи отколоть Малороссію отъ растущей не по днямъ, а по часамъ русской монархіи. Однако, рядовое козачество стояло слишкомъ близко къ простому народу, чтобы увлечься ненавистными для народа польскими идеалами, и лишь отдѣльные честолюбцы изъ козацкихъ старшинъ и ихъ потомковъ откликались на приваблиганіе польскихъ дипломатовъ. „У. Д." 19—30.

Войску козацкому или Запорожскому, постоянный военный лагерь котораго („сѣчь") находился на Днѣпрѣ ниже пороговъ, русскій государь даровалъ въ 1654 году, принимая населеніе Малороссіи въ русское подданство, большія привиллегіи не только экономическаго, но и политическаго характера; гетману, наприм., было даже дано право принимать иностранныя посольства (кромѣ польскаго и турецкаго). Ближайшее будущее показало всю непригодность и опасность такого государственнаго эксперимента. Уже въ 1658 году козацкій гетманъ Выговскій, польскій шляхтичъ, заключилъ въ Гадячѣ тайный договоръ съ эмиссарами польскаго короля объ отпаденіи Малороссіи отъ Россіи и объ образованіи изъ трехъ воеводствъ (Брацлавскаго, Кіевскаго и Черниговскаго) псевдоавтономнаго „Великаго Княжества Русскаго" во главѣ съ гетманомъ, назначаемымъ Польшей съ правами сенатора на варшавскихъ сеймахъ. Вожделѣнія Выговскаго и преданныхъ ему старшинъ и ополяченной шляхты не согласовались съ экономическими интересами козачества, не говоря уже о крестьянствѣ, а потому не нашли для своего осуществленія благопріятной почвы. Попытка Выговскаго не удалась. Къ началу XVIII в. Малороссія стала успокаиваться подъ ферулой талантливаго администратора гетмана Мазепы-Колединскаго. Иванъ Мазепа воспитывался при дворѣ польскаго короля. Сдѣлавшись гет-

маномъ Малороссіи, Мазепа снискалъ полное довѣріе Императора Петра I. Громадное тщеславіе его было, казалось, удовлетворено: достигнувъ зенита власти на своей родинѣ, онъ въ то же время былъ кавалеромъ русскаго ордена, даваемаго „за вѣру и за вѣрность", онъ носилъ на груди крестъ Андрея Первозваннаго „патрона всей земли русской". Но въ этой груди таилось сердце измѣнника. Мазепа былъ человѣкомъ польской культуры. На порогѣ полтавскаго боя онъ заключилъ тайные договоры съ польскимъ королемъ и со шведскимъ завоевателемъ Карломъ XII. По этимъ актамъ, вся Малороссія съ Кіевомъ, Сѣверщина съ Черниговомъ и Смоленскъ присоединялись къ Польшѣ, Мазепа же становился властителемъ воеводствъ полоцкаго и витебскаго съ титуломъ князя и на правахъ вассала Польши. Отъ тѣхъ козацкихъ старшинъ, коимъ Мазепа „довѣрился", текстъ договора былъ скрытъ, а цѣлью его указывалось освобожденіе Малороссіи отъ московской власти и образованіе изъ нея самостоятельнаго государства.

Полтавская викторія рѣшила судьбу и польской затѣи, и измѣнника гетмана. Мы, однако, позволимъ себѣ еще нѣсколько остановиться на дѣятельности Мазепы въ виду того „національнаго" ореола, которымъ окружается имя Мазепы со стороны „украинскихъ" сепаратистовъ. По остроумному замѣчанію писателя Ф. М. Уманца (малоросса), „Мазепа и его измѣна были необходимы для провѣрки дѣйствительнаго настроенія народа". „Гетманъ Мазепа", говоритъ его біографъ проф. Костомаровъ, „держался только могуществомъ московской власти; для малороссіянъ это былъ польскій панъ, который, добавимъ мы, для охраны своей вельможной особы держалъ полкъ польскихъ жолнеровъ. Выводы другого историка-украинофила А. М. Лазаревскаго сводятся къ тому, что „Мазепа имѣлъ въ виду протекторатъ Польши; народъ былъ равнодушенъ къ идеѣ независимой Малороссіи и видѣлъ въ совершавшихся событіяхъ лишь старшинскую затѣю, но и старшина относилась къ замыслу Мазепы несочувственно". „Если бы Мазепа (и Карлъ) побѣдили подъ Полтавой,—говоритъ французскій писатель де-Вогюэ,—то Мазепа лишь создалъ бы „вторую Польшу", управляемую безпорядочной олигархіей; это государство козаковъ чрезъ нѣсколько дней распалось бы или было бы подѣлено сосѣдями". Архи-украинофилъ М. Драгомановъ относительно національно-сознательныхъ элементовъ малорусскаго народа говоритъ очень недвусмысленно, что отъ самого митрополита Іова Борецкаго (начало XVII вѣка) вся

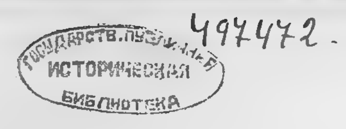
малорусская интеллигенція, въ томъ числѣ и козацкая, кланялась царямъ восточнымъ, какъ своимъ заступникамъ; Мазепа послѣдней эпохи и его сподвижники (Орликъ и Кость Гордіенко) были исключительными явленіями. Что рядовое козачество ни во время возсоединенія, ни позднѣе, никакой автономіи не желало, подтверждаетъ и польскій публицистъ Л. Василевскій.

Заслуга Мазепы предъ Россіей заключается въ томъ, что онъ раскрылъ правительству глаза на необходимость ликвидировать институтъ гетмановъ, могущій грозить цѣлости государства. Эта ликвидація протянулась до 1734 г. Затѣмъ администрація Малороссіи олицетворялась новымъ коллегіальнымъ „правленіемъ". Правда, съ 1750 по 1764 г. гетманство, въ лицѣ гр. Кирилла Разумовскаго, было возобновлено, но носило уже чисто бутафорскій характеръ. Постепенно Малороссія въ административно-судебномъ отношеніи уравнивалась съ прочими областями Имперіи. Такую нивеллировку можно только привѣтствовать какъ съ государственно-правовой точки зрѣнія, такъ и ради насущнѣйшихъ интересовъ малорусскаго крестьянства. Привиллегіи, полученныя Хмельницкимъ и старшинами на Переяславской радѣ, опирались не на исторической традиціи, а на моментѣ временной удачи козаковъ въ борьбѣ съ Польшей. Большинствомъ этихъ привиллегій козаки пользовались „безъ году недѣлю", доведя страну до состоянія весьма близкаго къ анархіи. Уже первыя десятилѣтія по „возсоединеніи" показали, что козацкіе старшины, подобно древнимъ преторіанцамъ, жили въ атмосферѣ политическихъ интригъ, крамолы, сутяжничества и клеветы; они эксплуатировали народъ и стремились къ автономной олигархіи для удовлетворенія своихъ аппетитовъ и своего тщеславія.

Параллельно съ уничтоженіемъ привиллегій, козацкая шляхта превращалась въ русскихъ дворянъ и обзаводилась приличнымъ числомъ крѣпостныхъ душъ, что ее съ судьбою и примиряло. Находились, однако, и во второй половинѣ XVIII вѣка поклонники малорусской автономіи. Черниговскій помѣщикъ Г. А. Полетика представилъ въ 1765 г. правительству меморіалъ, составленный яко бы на основаніи доставленнаго ему знаменитымъ писателемъ архіепископомъ Георгіемъ Конисскимъ текста лѣтописи подъ названіемъ „Исторія Руссовъ или Малой Россіи". Въ настоящее время наукой доказано, что эта исторія была написана, вѣроятно, самимъ Полетикой съ ясной политической тенденціей представить козаче-

ство и весь малорусскій народъ, какъ автономную единицу, которая съ Литвой, Польшей и, наконецъ, Россіей соединялась и должна быть соединена на основахъ „свободные со свободными, равные съ равными“. Доказана также наличность въ трудѣ Полетики цѣлаго ряда подложныхъ историческихъ документовъ. „Исторія Руссовъ“ была „передѣлана“ его сыномъ (питомцемъ Виленскаго польскаго университета) и въ началѣ XIX вѣка распространилась въ писанныхъ копіяхъ среди малорусскаго дворянства. На „Исторіи Руссовъ“ базировались также авторы исторіи Малороссіи: Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ, чѣмъ значительно обезцѣнивается научное значеніе этихъ трудовъ. Кромѣ „Исторіи Руссовъ“, существовала еще рукописная исторія, сочиненная Худорбой „очень вольно и противъ русскаго правительства“. Худорбы—черниговскіе дворяне „изъ *польской* шляхты“.

Въ 70-хъ гг. XVIII вѣка появился анонимный памфлетъ, подъ назв. „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей“, гдѣ Малороссія разсказываетъ свою исторію и перечисляетъ заслуги, оказанные ею русскому народу и государству и дающія ей *право на нѣкоторую автономію.* Малороссія ведетъ свой родъ *отъ* древнихъ козаровъ (*хозаръ*) и разсказываетъ, что она сначала *управлялась своими вождями,* потомъ подчинилась польскимъ королямъ и, наконецъ, добровольно отдалась подъ власть россійскихъ государей. Послѣдовательная исторія Малороссіи ведется только съ 1506 г., съ гетманства Леслава Лянцкоронскаго. За нимъ слѣдовали: Венжикъ Хмельницкій, Свирговскій, Богданко, Шахъ и Конашевичъ. *Всѣ эти гетманы дѣйствовали въ согласіи съ поляками и имѣли общіе съ ними интересы.* Такъ увѣряетъ насъ памфлетистъ. Столь тенденціозное начало исторической части памфлета съ опредѣленныхъ лицъ обнаруживаетъ въ авторѣ либо симпатіи къ полякамъ, либо польское вліяніе; не менѣе, если не болѣе тенденціозное допущеніе о различномъ этнографическомъ корнѣ для малороссовъ и великороссовъ дѣлаетъ „Разговоръ“ прототипомъ историческихъ гипотезъ поляка Духинскаго и нашего современника, львовскаго профессора Грушевскаго, съ сущностью и тенденціей которыхъ мы ознакомимся ниже. Здѣсь напомнимъ только, что историкъ XVIII в. Ригельманъ, въ своей „Лѣтописной Повѣсти о Малой Россіи“, также укорялъ малорусскихъ козаковъ въ сочиненіи своей родословной отъ народовъ Роксоланскихъ, Скифовъ и Кимвровъ, ибо они—козаки—„хотятъ себя усильно представить,



яко бы и до нынѣ были подлинно по тѣмъ древнимъ народамъ вольные и *ни къ кому не принадлежащіе*".

Въ 1791 г., предъ 2-мъ раздѣломъ Польши, извѣстный писатель Капнистъ (горячій малорусскій патріотъ, судя по его „Одѣ на рабство") совершаетъ таинственное путешествіе въ Берлинъ и, именуя себя уполномоченнымъ своихъ соотечественниковъ (малороссіянъ), обращается къ прусскому канцлеру Герцбергу съ вопросомъ, могутъ ли его земляки, доведенные до крайняго отчаянія тиранніей русскаго правительства, разсчитывать на помощь Пруссіи, чтобы сбросить русское ярмо и возстановить старый козацкій строй. Дипломатъ Герцбергъ, извѣстный иниціаторъ перваго раздѣла Польши, былъ незыблемымъ сторонникомъ прусско-русскаго сближенія, а потому отвѣтилъ Капнисту отказомъ. Ближайшее будущее показало всю безпочвенность самозванной авантюры Капниста, инспирированной, быть можетъ, его друзьями изъ польскихъ помѣщиковъ кіевской губерніи, по выбору коихъ онъ въ 1785—7 годахъ состоялъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Предпринятое въ концѣ XVIII вѣка Императоромъ Павломъ частичное возстановленіе старыхъ учрежденій гетманщины было встрѣчено малорусской интеллигенціей, уже отвыкшей отъ нихъ, очень холодно.

Свѣжая рана, нанесенная Польшѣ оторваніемъ отъ нея въ 1793 г. Кіевщины, Подоліи и Волыни, направляла въ XIX вѣкѣ политическія мечты польскихъ патріотовъ къ надеждѣ на реваншъ. Пропагандой идеи „Вольной Руси" особенно усердно занимался на грани XIX вѣка князь Августъ Яблоновскій. Въ 1812 году, когда Наполеонъ былъ предъ Смоленскомъ, польскій генералъ, князь Іосифъ Понятовскій предлагалъ ему выслать часть арміи въ Малороссію и обѣщалъ поднять тамошнее малорусское населеніе. Тогда (да и тогда ли только) среди поляковъ существовало убѣжденіе, что Россію легче всего побѣдить, если у нея будетъ отнята Малороссія.

Въ 1824 году представитель польскаго „Патріотическаго Союза" князь Яблоновскій велъ дѣятельные переговоры съ южнорусскими декабристами. Въ началѣ 1825 г. состоялся въ Житомірѣ съѣздъ польскихъ и русскихъ заговорщиковъ, подъ именемъ „славянскаго собранія". Изъ русскихъ были здѣсь, въ числѣ прочихъ, Сергѣй и Ипполитъ Муравьевы-Апостолы и поэтъ Рылѣевъ. Въ этомъ засѣданіи полякъ Ѳома Падурра доказывалъ необходимость „для дѣла общей свободы"

возстановить независимость Малороссіи, изъявивъ готовность въ такомъ направленіи вести пропаганду въ народѣ, напоминая ему его прежнюю „козацкую славу". Всѣ присутствовавшіе и поляки, и русскіе—одобрили эту мысль. За выполненіе ея принялся помѣщикъ-украинофилъ Вацлавъ Ржевусскій; вмѣстѣ съ Падуррой онъ принялся за распространеніе среди южнорусскаго населенія мысли о независимости Малороссіи.

„У. Д." 32—33.

§ 6. **Чарторійскій, Чацкій и Духинскій.** Въ правобережной Малороссіи само правительство русское, въ первой четверти прошлаго столѣтія, способствовало культурному отчужденію населенія отъ общерусскихъ идеаловъ постановкою просвѣщенія на антигосударственныхъ началахъ. Въ 1803 г. образованъ былъ Виленскій учебный округъ изъ областей, присоединенныхъ отъ Польши при раздѣлахъ послѣдней. Попечителемъ этого округа до 1823 года состоялъ личный другъ Императора Александра I-го князь Адамъ Чарторійскій, совмѣщавшій эту должность съ должностью министра иностранныхъ дѣлъ. Для характеристики этого высшаго сановника Россійской Имперіи достаточно указать, что въ 1805 году Чарторійскимъ былъ оффиціально выработанъ планъ возстановленія польско-литовскаго государства въ политической уніи съ Россіей; въ 1815 году этотъ „попечитель учебнаго округа" участвовалъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ въ качествѣ негласнаго защитника Польши; во время польскаго мятежа 1830 года мы видимъ его уже президентомъ революціоннаго ржонда. Изо всего этого видно, что Виленскій учебный округъ находился съ 1803 по 1823 годъ въ „надежныхъ" рукахъ. Ближайшимъ просвѣтителемъ правобережной Малороссіи былъ другъ попечителя Тадеушъ Чацкій, состоявшій визитаторомъ (ревизоромъ) училищъ въ губ. кіевской, подольской и волынской. Училищный уставъ былъ выработанъ Чацкимъ при участіи извѣстнаго польскаго террориста Гугона Коллонтая; въ 1805 году состоялось открытіе классической гимназіи въ г. Кременцѣ, переименованной въ 1819 году въ лицей. О національномъ характерѣ этого учрежденія можно судить по тому, что оно притягивало въ свои стѣны польскую учащуюся молодежь изъ Австріи и Пруссіи, а въ 1831 году, когда полученъ былъ указъ о закрытіи лицея, тамъ не нашли ни одного ученика: всѣ ушли въ повстанцы.

Изъ среднеучебныхъ заведеній Юго-Западнаго края непослѣднее мѣсто принадлежало въ ту эпоху базиліанскому (уніатскому) училищу въ г. Умани кіевской губерніи. Въ немъ

учителя-поляки учили, что Россія—за Днѣпромъ, а здѣсь Украина, населенная особой вѣтвью польскаго народа—украинской. Одинъ изъ учениковъ этого училища, ополяченный малороссъ Францъ Духинскій, выступилъ (какъ мы упоминали выше) съ цѣлой „научной" гипотезой; сплетенной изъ польскихъ политическихъ мечтаній.—По утвержденію Духинскаго, „москали" (великоросы) не принадлежатъ къ славянскому и даже къ арійскому племени, а составляютъ наравнѣ съ монголами отрасль племени туранскаго и напрасно присваиваютъ себѣ имя русскихъ, которое принадлежитъ по справедливости только малороссамъ и бѣлоруссамъ, близкимъ къ полякамъ по своему происхожденію. По Духинскому, естественная граница туранскаго племени—Днѣпръ, Двина и „рѣчки Финляндіи"; интересъ арійской Европы требуетъ возстановленія славянскаго польскаго государства, которое охватило бы родственныя полякамъ племена мало-и бѣлоруссовъ.

§ 7. **Масоны и „Братство народовой службы".** Попечителемъ другого учебнаго округа—харьковскаго, обнимавшаго лѣвобережную Малороссію и новороссійскія губерніи, состоялъ въ первой четверти прошлаго вѣка другой другъ Чарторійскаго графъ Северинъ Потоцкій, замѣщавшій кафедры юнаго харьковскаго университета профессорами-поляками. Согласно польскимъ источникамъ, въ эту эпоху „въ Харьковѣ и Полтавѣ у нѣкоторыхъ ожили *планы отдѣленія* лѣвобережной Малороссіи *отъ Россіи;* планы эти нашли себѣ выраженіе *въ полтавской масонской ложѣ* „Любовь къ истинѣ", основанной въ 1818 году; управляющимъ мастеромъ этой ложи былъ Новиковъ, правитель канцеляріи извѣстнаго малороссійскаго генералъ-губернатора князя Н. Г. Волконскаго, принявшаго фамилію Репнина и покровительствовавшаго позднѣе поэту Т. Шевченкѣ. Въ томъ же 1818 году основана была въ Кіевѣ масонская ложа „Соединенныхъ славянъ", предшествовавшая тайному декабристскому обществу съ тѣмъ же названіемъ. Самою характерною чертою кіевской ложи было желаніе объединить масоновъ, принадлежавшихъ къ двумъ славянскимъ народностямъ края: русской и польской. Знакомъ этой ложи былъ крестъ; на крестѣ была надпись на *польскомъ* языкѣ: „jedność słowiańska".

„У. Д". 31 и 49—50.

Нѣсколько позднѣе, послѣ польскаго мятежа 1831 года среди польскихъ эмигрантовъ въ Парижѣ возникъ для возстановленія Польши кружокъ „Братство народовой службы", въ программу котораго входила, между прочимъ, борьба съ пра-

вославіемъ и соединеніе поляковъ со всѣми другими славянскими народами, расположенными къ свободѣ. Къ этой партіи принадлежали: Янскій, Цѣлинскій (уроженецъ Волыни), Семененко (католикъ, сынъ православнаго гвардейскаго офицера, женатаго на полькѣ), Адамъ Мицкевичъ, Владиміръ Терлецкій и др. Душою этого кружка былъ сначала Янскій. Кружокъ Янскаго и Мицкевича (какъ его обыкновенно называли) нашелъ вскорѣ покровителей и въ Западной Руси, провоцировавшихъ мысль о созданіи литературнаго языка изъ малорусскихъ говоровъ. Мицкевичъ льстиво называлъ малорусскій языкъ самымъ пріятнымъ для слуха языкомъ и считалъ Украйну „землей неразгаданныхъ предназначеній, *посредницей между Польшей и Россіей*". Особенно стоялъ за этнографическую и политическую самостоятельность Малороссіи Семененко, надъ которымъ подшучивали, называя его изобрѣтателемъ „новаго русскаго народа". Въ Кіевѣ въ 40-хъ годахъ ходилъ по рукамъ малорусскій переводъ одного сочиненія Мицкевича, въ которомъ слово „Польша" замѣнялось словомъ „Украйна", и послѣдняя представлялась порабощенною „москалемъ"; изъ этого видно, что парижскій кружокъ имѣлъ вліяніе и на искаженіе этнографическихъ понятій въ Малороссіи.

Рядомъ съ этимъ шла своеобразная эволюція среди польскихъ писателей Западной Руси. Тѣ поляки, которые происходили изъ полонизованной западно-русской аристократіи и шляхты и не вполнѣ утратили связь съ массой населенія, объявляли себя (въ большинствѣ случаевъ—лицемѣрно) принадлежащими къ малорусской народности. Наиболѣе видными представителями польской украинской школы были писатели Антонъ Мальчевскій, Северинъ Гощинскій и Богданъ Залѣсскій; послѣдній недвусмысленно называлъ себя сыномъ „матки Украйны и отчизны Польши". Въ одномъ изъ стихотвореній Залѣсскій предсказывалъ, что Малороссія тогда лишь будетъ счастлива, когда поляне приднѣпровскіе побратаются съ привислянскими полянами. Историкъ польской литературы Третякъ характеризируетъ поэзію Б. Залѣсскаго, какъ „продолженіе старыхъ попытковъ къ политическому и религіозному братанію разноплеменныхъ элементовъ былой Речи Посполитой". По мнѣнію Третяка, эти попытки можно назвать „третьей уніей—поэтической".

Украинофильство польскихъ писателей соединялось съ чисто-польской точкой зрѣнія на прошлое малорусской народности. Козакъ польскихъ украинофиловъ былъ козакъ

на службѣ у Речи Посполитой. Увлеченіе малорусской народностью и козачествомъ создало среди поляковъ политическое направленіе, такъ называемое „козакофильство“ или „хлопоманію“. Это было демократическое теченіе, особенно развившееся среди польской молодежи передъ послѣднимъ польскимъ возстаніемъ.

Со многими конкретными проявленіями польской работы, направленной къ разрушенію единства русскаго народа, мы познакомимся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Глава III.

Украинофильство въ Россіи.

§ 8. **Этнографическое украинофильство.** На зарѣ XIX в. среди малороссовъ появился рядъ любителей, писавшихъ болѣе или менѣе удачныя литературныя произведенія на родномъ нарѣчіи. Собственно, уже съ XVIII вѣка могутъ быть отмѣчены такія попытки въ видѣ интермедій и виршей (поздравительныхъ, шуточныхъ, любовныхъ), но спросъ на такую литературу былъ не великъ, а лексическій ея багажъ крайне бѣденъ. Продолжателемъ малорусскихъ виршей явился И. П. Котляревскій, авторъ „Оды до князя Куракина“ и „Перелицованной Енеиды“, для которой онъ воспользовался готовой канвой и даже стихотворной формой русской „Энеиды на изнанку“ Осипова; въ своихъ драматическихъ опытахъ—„Наталкѣ Полтавкѣ“ и, особенно, „Москалѣ-чаривникѣ“—(подражаніе русской пьесѣ Курганова) онъ продолжаетъ, въ юмористическихъ роляхъ, традицію малорусскихъ интермедій. Въ виду того, что Котляревскому предоставляется позднѣйшими, да и нынѣшними украинофилами амплуа отца „новой“ малорусской (украинской) литературы, необходимо отмѣтить, что языкъ его „Энеиды“ богатъ русскими лексическими позаимствованіями и не свободенъ отъ русскихъ какъ этимологическихъ, такъ и синтаксическихъ подмѣсей. „Энеида“ появилась въ свѣтъ въ 1798 году. Подражателями Котляревскаго были харьковскіе поэты: В. Масловичъ, помѣщавшій съ 1816 года малорусскія стихотворенія въ имъ же издаваемомъ сатирическомъ журналѣ „Харьковскій Демокритъ“ и П. П. Гулакъ-Артемовскій (студентъ харьковскаго университета, впослѣдствіи рек-

„У. Д.“ 29—30 и 34.

торъ его), печатавшій съ 1818 года плоды своей малорусской музы въ харьковскомъ же періодич. органѣ „Украинскій Вѣстникъ". Большую популярность пріобрѣла басня Гулака „Панъ та собака", представляющая передѣлку двухъ стихотвореній польскаго писателя Красицкаго (Pan i pies" и „Pan nie wart sługi"). Поступивъ въ число студентовъ харьковскаго университета, Гулакъ-Артемовскій одновременно занялъ тамъ въ 1818 г. преподавательскую каѳедру польскаго языка и польской литературы. Произведенія позднѣйшихъ малорусскихъ писателей Квитки и Гребенки представляютъ нѣкоторый бытовой интересъ и отличаются чистотой народной рѣчи. Литературное значеніе ихъ ничтожно.

Читающая публика дала малорусскимъ писателямъ, изслѣдователямъ фольклора и собирателямъ народныхъ пѣсенъ кличку украинофиловъ. Къ этнографическому и литературному украинофильству сочувственно относились въ Россіи, съ одной стороны, романтики славянофильскаго оттѣнка, что дало поводъ менѣе дальновиднымъ наблюдателямъ опредѣлять украинофильство, какъ „малорусское славянофильство"; съ другой стороны, на сторону украинофильства сталъ въ 40-хъ гг. нарождающійся русскій соціализмъ. Извѣстное тайное общество петрашевцевъ, стремившееся перестроить Россію на соціалистическихъ началахъ, не выработало опредѣленнаго плана преобразованія Россіи, но, разрабатывая программу своихъ дѣйствій, предполагало опираться на инородческіе сепаратизмы и дѣйствовать рука объ руку съ финляндскими, прибалтійскими, сибирскими, *польскими и малороссійскими* сепаратистами. Это обстоятельство создало и въ украинофильствѣ политическое теченіе.

„У. Д." 34—48. § 9. **Украинофильскій псевдо-федерализмъ кирилло-мефодіевцевъ.** Наиболѣе видными изъ старшихъ представителей украинофильства были Костомаровъ, Шевченко и Кулишъ. Въ 1846 г. они образовали тайный панславистскій республиканскій кружокъ подъ имен. Кирилло-Мефодіевскаго братства и въ основу программы положили федерацію автономныхъ славянскихъ штатовъ изъ отдѣльныхъ русскихъ областей, Чехіи, Болгаріи, Сербіи и Польши. Для такой федераціи изъ Россіи предполагалось выкроить 14 штатовъ, въ томъ числѣ бѣлорусскій и два малорусскихъ. Всѣ столицы (не исключая Петербурга), по проекту, упраздняются; сеймъ собирается въ Кіевѣ. Насъ интересуетъ, конечно, не самый проектъ дѣлежа Россіи, а та эволюція „украинофильства", которая по-

вела его на путь политическихъ комбинацій во вкусѣ варшавскаго Народнаго Ржонда. Болгарія и Сербія были за тридевять земель; Чехія въ болѣе тѣсныхъ, чѣмъ нынѣ, нѣмецкихъ объятіяхъ; членомъ славянской федераціи предполагалось сдѣлать и Кавказъ, тогда еще непокоренный. Практически дѣло сводилось, очевидно, къ желанію дать автономію Польшѣ и состряпать два гегемонныхъ малороссійскихъ штата. При ликвидаціи тайнаго кружка пострадали болѣе прямодушные Костомаровъ и Шевченко; Кулишъ съумѣлъ выйти почти сухимъ изъ воды.

Кулишъ, количественно весьма плодовитый малорусскій писатель, въ началѣ 40-хъ гг. учительствовалъ на Волыни въ Луцкѣ и Ровно, городахъ чисто польской культуры; по переходѣ на службу въ Кіевъ, онъ очень близко сошелся съ польскими писателями Свидзинскимъ, Руликовскимъ, а главное,—съ Мих. Грабовскимъ; послѣдній—одинъ изъ питомцевъ Уманской базиліанской школы, былъ, по воззрѣніямъ, предтечею Духинскаго и твердилъ направо и налѣво о правѣ „украинскаго люда“ на автономію. Кулишъ называлъ себя только „литературнымъ“ малорусскимъ сепаратистомъ, но въ своихъ литературно-историческихъ трудахъ позволялъ себѣ чисто политическіе пріемы: такъ, въ своемъ малорусскомъ сборникѣ „Украина“, изданномъ въ 1843 году, онъ помѣстилъ малороссійскія думы изъ „Запорожской Старины“ Срезневскаго, при чемъ дѣлалъ *въ текстѣ думъ* измѣненія, дополненія и цѣлыя *вставки тенденціозно-политическаго характера*, принаровленныя къ политическому памфлету „Исторія Руссовъ“. Изъ дальнѣйшихъ его литературно-политическихъ упражненій можно упомянуть составленіе „Граматки“ (малорусскаго букваря), введеніе въ употребленіе своего правописанія („кулишовки“), коимъ искусственно рылся ровъ между малорусской и русской книгой, а также (весьма слабые) переводы на малорусское нарѣчіе западноевропейскихъ классиковъ. Къ этой же категоріи работъ относится переводъ Библіи. Переводъ появился во Львовѣ „на русько-украинской мовѣ“ и блещетъ вульгаризмами и многочисленными полонизмами; такъ, напр., высоко-поэтическое библейское выраженіе „Да уповаетъ израиль на Господа“ переведено у него чрезъ карикатурное „Хай дуфае Сруль на Пана“.

Гораздо интереснѣе другой кирилло-мефодіевецъ, талантливый народный лирикъ Тарасъ Шевченко; его малороссійскія стихотворенія извѣстны, болѣе или менѣе, всему рус-

скому читающему обществу, среди котораго онъ и раньше, и теперь насчитываетъ многочисленныхъ поклонниковъ и почитателей; и намъ думается, что къ такому отношенію есть вполнѣ достаточныя основанія, которыя будутъ намъ понятны, если мы оцѣнимъ языкъ и форму его поэтическихъ произведеній.

Другъ и литературный опекунъ Шевченка Кулишъ даетъ о поэзіи его такой отзывъ. „Малороссійскіе стихи Шевченка ближе нашихъ народныхъ пѣсень и ближе всего, что писано по-малороссійски, *подходятъ къ языку великорусскому*... поэтъ, черпая одной рукой содержаніе своихъ плачей, пѣснопѣній и пророчествъ изъ духа и слова своего племени, другую простираетъ къ сокровищницѣ духа и слова сѣвернорусскаго... сквозь безчисленныя варіаціи слова, порожденныя ненародными вліяніями, онъ видитъ слово русское въ его родномъ складѣ рѣчи и овладѣваетъ имъ по праву кровнаго родства съ сѣверно-русскимъ племенемъ. Но въ тоже время чудесный инстинктъ, свойственный только великимъ поэтамъ, заставляетъ его брать изъ другого языка только то, что составляетъ *общую собственность* того и другого племени. Вотъ почему языкъ его стихотвореній богаче, нежели у всѣхъ его предшественниковъ; вотъ почему этотъ языкъ больше понятенъ для великороссіянъ, нежели наши народныя пѣсни и сочиненія другихъ (малорусскихъ) писателей". Къ тому же выводу пришелъ въ 1862 г. ученый украинофилъ П. Житецкій, по словамъ котораго поэзія Шевченка является наслѣдіемъ прошлаго и свидѣтельствомъ настоящаго. Какъ далекое прошлое, когда малорусская народность еще не отдѣлилась отъ общаго славянскаго рода, такъ и то прошлое, когда она составляла *одно цѣлое* съ великорусской,—все это вошло въ поэзію Шевченка, какъ въ одинъ общій и широкій потокъ. Народность и безъискусственность лирики Шевченка общеизвѣстны.

Учитывая все вышеизложенное, мы поймемъ безъ объясненій и доказательствъ утвержденіе проф. Дашкевича, что малорусскій языкъ Шевченка понятенъ всѣмъ русскимъ, и подпишемся подъ протестомъ критика и публициста А. М. Скабичевскаго противъ переводовъ стихотвореній Шевченка на русскій языкъ, ибо Скабичевскій справедливо считалъ произведенія Шевченка общимъ достояніемъ всего русскаго народа. Что же дѣлалъ Шевченко, когда подъ перо его просились выраженія, труднопередаваемыя или непередаваемыя вовсе при помощи малорусскаго нарѣчія? Въ первомъ случаѣ

онъ пополнялъ свой лексическій запасъ словами церковно-славянскаго и литературнаго русскаго языка; во второмъ—онъ прямо переходилъ на послѣдній. На русскомъ языкѣ Шевченко написалъ количественно чуть ли не больше, чѣмъ по-малорусски, при чемъ на русскомъ языкѣ онъ писалъ во всѣхъ родахъ словесности: и поэмы, и повѣсти, и драмы. Изъ русскихъ произведеній Шевченка интересна мелодрама „Невѣста", гдѣ изображенъ малорусскій бытъ XVII вѣка *народнымъ великорусскимъ нарѣчіемъ*, но съ полнымъ *сохраненіемъ оборотовъ* роднаго *малорусскаго языка*. Здѣсь Шевченко выступаетъ въ роли новатора и ассимилятора различныхъ народныхъ нарѣчій обширной русской родины, въ каковой роли плодотворно работали до него Прокоповичъ и Яворскій, Ломоносовъ и Капнистъ, а послѣ него безсмертный Н. В. Гоголь, который развилъ и углубилъ всѣ прекрасные и здоровые элементы старинной малорусской литературы, а также ввелъ въ русскій языкъ много малорусскихъ словъ и оборотовъ.

По содержанію своему насъ интересуютъ изъ произведеній Шевченка лишь такія, гдѣ онъ проявлялъ *политическій* южно-русскій сепаратизмъ (въ сепаратизмѣ *литературномъ* онъ никогда грѣшенъ не былъ). Есть много основаній думать, что Шевченко при сочиненіи тенденціозныхъ произведеній жилъ въ значительной степени чужимъ умомъ. Такъ, малорусскій писатель Гребенка выправлялъ для печати первое изданіе „Кобзаря" (въ 1840 г.) и особенно много потрудился надъ „Тарасовой могилой". Позднѣе П. Кулишъ передѣлалъ такія крупныя пьесы Шевченка, какъ „Наймычка", „Назаръ Стодоля" и „Неофиты"; въ произведеніяхъ этихъ Кулишъ „додѣлывалъ недодѣланное"; еще болѣе важному (спеціально тенденціозному) искаженію подвергъ Кулишъ „Посланіе Шевченка къ Основьяненку", ставшее нынѣ боевымъ лозунгомъ украинской партіи; отдавая въ печать автобіографію Шевченка, Кулишъ вставилъ туда чуть ли не цѣлыя страницы тенденціозной отсебятины. Кулишъ знакомилъ Шевченка съ малороссійскими думами, имъ же, Кулишемъ, фальсифицированными; неудивительно, что на произведеніяхъ Шевченка отражается и излюбленная Кулишомъ „Исторія Руссовъ" псевдо-Конисскаго. Самъ поэтъ жаловался, „що дався пиддурити и писавъ *за чужою намовою* вирши поганы".

Не была свободна поэзія Шевченка и отъ польскихъ вліяній и даже воздѣйствій. Поэзія ранняго періода находится

въ тѣснѣйшей связи съ польской литературой, съ произведеніями, особенно революціонными: Мицкевича, Чайковскаго, Залѣсскаго и Гощинскаго. Вліяніемъ нѣкоторыхъ польскихъ писателей легко объясняется „антимосковское“ настроеніе Шевченка. Политическіе стихотворные памфлеты „Сонъ“ и „Великій Лёхъ“, а также многія мелкія стихотворенія Шевченка написаны подъ очевиднымъ вліяніемъ мицкевичевскихъ „Дзядовъ“ и „Книгъ пилигримства“. Читая „думы“ Шевченка, поражаешься близостью ихъ формы къ „думамъ“ польскихъ поэтовъ: Францишка Карпинскаго (1741—1825), Маврицiя Гославскаго и Генриха Яблонскаго (1818—1869). Находясь въ 1857 году въ Новопетровскомъ фортѣ, Шевченко познакомился и сдружился со ссыльными польскими писателями Сѣраковскимъ, Желиховскимъ (Антоній Сова) и Брониславомъ Залѣсскимъ. Можно думать, что это знакомство вызвало рѣшительный *поворотъ* въ идеяхъ и взглядахъ Шевченка. Такъ, въ поэмѣ „Гайдамаки“ онъ прославлялъ Гонту и Желѣзняка, какъ національныхъ богатырей, изображалъ „ляховъ“ причиной всѣхъ бѣдъ Украйны. Со времени же пребыванія въ Новопетровскомъ фортѣ, въ лирѣ Шевченка уже нѣтъ такихъ тоновъ; напротивъ, онъ высказываетъ негодованіе по адресу Хмельницкаго за то, что тотъ потянулъ Украйну на Востокъ, а не на Западъ.

Третій членъ Кирилло-Меѳодіевской троицы, знаменитый историкъ-этнографъ Н. И. Костомаровъ былъ самымъ талантливымъ и наиболѣе порядочнымъ изъ всей этой компаніи. Въ Харьковскомъ университетѣ, который до 1831 г. обслуживался профессорами и русскими, и польскими, Костомаровъ сошелся съ украинофилами Квиткой и Гулакъ-Артемовскимъ. Въ 1843—44 г., будучи учителемъ Ровенской гимназіи (на Волыни), онъ сблизился съ польскими націоналистами, которые всячески старались приручить юнаго историка-украинофила. Въ это время Костомаровъ очень увлекался сочиненіями Мицкевича. Особой любовью его пользовались „Dziady“. Въ 1846 г. Костомаровъ очень часто видѣлся со старикомъ-полякомъ Зеновичемъ, бывшимъ проф. Кременецкаго лицея, мечтавшимъ о всеславянской республикѣ. Наконецъ, недавно опубликовано содержаніе составленной Костомаровымъ „Книги Бытія украинскаго народа“. Это—своего рода философія исторіи, написанная *подъ сильнымъ вліяніемъ* „книги польскаго народа и польскаго пилигримства“ Мицкевича. Въ 1861 году Костомаровъ опубликовалъ сочиненіе „Двѣ русскія народности“, ко-

торое является евангеліемъ южнорусскаго сепаратизма по оцѣнкѣ какъ поклонниковъ, такъ и противниковъ этого движенія. Двѣ русскія народности сливались, въ глазахъ Костомарова, въ высшее національное, „единство русскаго народа". Дѣля русскую исторію на періоды, онъ отъ Кіевскаго періода переходилъ къ владимірскому и московскому, что съ точки зрѣнія современной украинской партіи является страшной ересью; въ своихъ характеристикахъ малорусскаго племени Костомаровъ неоднократно подчеркиваетъ его *неспособность къ политической жизни* и высказываетъ увѣренность, что возсоединеніе Малороссіи съ Россіей закончило навсегда самостоятельную политическую карьеру Малороссіи.

Въ юности Костомаровъ дѣлалъ жалкія попытки переводить на малорусскій языкъ чужихъ классиковъ (Байрона). Затѣю эту онъ скоро оставилъ, исходя изъ тѣхъ справедливыхъ соображеній, что русскій языкъ знакомъ малорусской интеллигенціи не хуже, чѣмъ родное малорусское нарѣчіе. Съузилъ онъ впослѣдствіи и взглядъ на малорусское печатное слово, признавая его жизнеспособность лишь въ качествѣ подлитературы русскаго языка, пригодной, по его выраженію, „для домашняго обихода". Статьи свои онъ писалъ исключительно по-русски и созданіе литературнаго малорусскаго языка признавалъ вредной утопіей.

§ 10. **Украинофильское народничество.** Въ половинѣ прошлаго столѣтія вся масса малорусскаго народа, по выраженію извѣстнаго украинофила Стешенка, двигалась, хотя и медленными шагами, къ сліянію въ одно цѣлое съ великорусской частью Россіи; первою опасностью для этой эволюціи явилась кучка малорусской интеллигенціи—„мефодіевцы". Послѣ разгрома „братства" мефодіевцы почти совсѣмъ притихли, но по обстоятельствамъ, отъ нихъ независѣвшимъ. На разсвѣтѣ реформъ александровскаго царствованія кружокъ воскресаетъ въ Петербургѣ, но, вмѣсто панславистскаго федерализма, проповѣдуетъ малорусское народничество, а въ первую очередь стремится къ школьному и внѣшкольному просвѣщенію малороссовъ не на русскомъ языкѣ, а на малорусскомъ нарѣчіи. Извѣстные уже намъ Кулишъ и Костомаровъ издаютъ въ 1861—62 гг. въ столицѣ партійный ежемѣсячникъ „Основу"; статьи въ журналѣ печатались какъ по-малорусски, такъ и на русскомъ литературномъ языкѣ. Руководящія статьи многоглаголиваго Кулиша дышали яркимъ обскурантизмомъ: онъ призывалъ интеллигенцію уподобиться образу (малорусскаго)

„У. Д." 55—59.

простолюдина; онъ доказывалъ, что въ Малороссіи экономическое положеніе народа такъ идеально хорошо, что не нуждается въ улучшеніи; онъ ратовалъ противъ „чугунокъ“, которыя-де народу совершенно не нужны.

Въ 1861 году кружокъ „Основы“ задумалъ облагодѣтельствовать малорусскихъ крестьянъ оффиціальнымъ изданіемъ „Положенія 19 февраля“ на малорусскомъ нарѣчіи. Хлопоты Кулиша (имѣвшаго связи) увѣнчались успѣхомъ, и 15 марта 1861 г. воспослѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на переводъ. Работа закипѣла: Кулишъ, при сотрудничествѣ Костомарова, Маркевича, Бѣлозерскаго и друг., выработалъ (т. е. сочинилъ) юридическую терминологію. Печатаніе перевода не пошло, однако, дальше корректурныхъ листовъ, представленныхъ на одобреніе Государственнаго Совѣта; послѣднему стало ясно, что переводъ никуда не годенъ. Вмѣсто непонятныхъ крестьянину юридическихъ терминовъ и другихъ выраженій оффиціальнаго (русскаго) текста, которые могъ ему легко растолковать любой мѣстный интеллигентъ (священникъ, мировой посредникъ) въ малорусскомъ „перекладѣ“ кишмя-кишѣли и полонизмы, и исковерканные руссизмы, смыслъ которыхъ составлялъ секретъ изобрѣтателей и ни для какой степени грамотности читателя-малоросса не могъ быть вразумительнымъ. Основяне должны были отказаться отъ своего смѣлаго, но фантастическаго плана заговорить къ народу новыми и въ тоже время понятными словами. Работа осталась незаконченной.

Судьба „Основы“ была также печальна: просуществовавъ менѣе двухъ лѣтъ, журналъ прекратился и, притомъ, „не отъ злоключеній, а отъ истощенія силъ“. Кромѣ журнала, предназначеннаго для интеллигенціи, украинофилы занялись въ Петербургѣ и въ Кіевѣ изданіемъ популярныхъ брошюрокъ на малорусскомъ нарѣчіи, которыя они называли „метеликами“ (мотыльками). Нѣкоторые украинофилы, съ сумкою на плечахъ ходили изъ села въ село и продавали, а то и даромъ раздавали эти брошюры. Въ 1859—60 гг. появились и малорусскіе школьные учебники: букварь Шевченка, граматка Кулиша и „щотныця“ (ариѳметика) Конисскаго. Присосались украинофилы и къ появившимся на югѣ воскреснымъ школамъ, гдѣ повели преподаваніе на малорусскомъ нарѣчіи. Министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ склонялся даже къ допущенію малорусскаго преподаванія во всѣ низшія школы юга Россіи. Съ цѣлью (соотвѣтственнаго) подготовленія народныхъ учителей была въ Кіевѣ открыта „Временная педа-

гогическая школа“. Параллельно со школою организовалось въ Кіевѣ „Общество Друзей Народа“, члены котораго бесѣдовали другъ съ другомъ только по-малорусски, а педагогическая школа не только „не жахалась“ (не боялась) малорусской рѣчи, но даже отпечатала на казенный счетъ малорусскія басни („Байки“) Глѣбова. Вѣроятно, къ этому періоду относится и разсылка правительствомъ десяти тысячъ малорусскихъ букварей по сельскимъ школамъ.

Неудивительно, что аппетиты украинофиловъ разыгрались: нѣкоторые изъ нихъ стали добиваться введенія малорусскаго языка въ школы на югѣ Россіи уже не какъ вспомогательнаго, а какъ главнаго предмета. Головнинъ шелъ и этому преступному требованію на встрѣчу, но честь народнаго просвѣщенія была спасена другими вѣдомствами. На благословеніе Св. Синода представленъ былъ малорусскій переводъ Евангелія, исполненный Морачевскимъ; Синодъ благословенія на печатаніе перевода не далъ, ибо нашелъ такой переводъ излишнимъ при наличности русскаго перевода, вразумительнаго и для малороссовъ. Кіевскій генералъ-губернаторъ Анненковъ призналъ самую затѣю „опасной и вредной“ потому, что существованіе особой малорусской литературы, дозволеніе которой вытекаетъ изъ дозволенія Св. Писанія на малорусскомъ языкѣ, повлечетъ за собою ослабленіе связей Малороссіи съ Россійской державой. Мысль, высказанная Анненковымъ, не осталась подъ спудомъ, и 20 января 1863 года состоялось Высочайше одобренное распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ Валуева о пріостановкѣ печатанія книгъ религіозныхъ, популярно-научныхъ и учебныхъ на малорусскомъ языкѣ, такъ что примѣненіе этого языка оказалось разрѣшеннымъ лишь для изящной словесности. На протестъ со стороны украинофильствующаго Головнина Валуевъ писалъ, что, по его мнѣнію, *замыслы малороссовъ* (склонныхъ къ литературному сепаратизму) не только *совпадаютъ съ намѣреніями поляковъ*, но и чуть ли не *вызваны польской интригой.* Въ другой бумагѣ Валуева высказывается подозрѣніе, что украинское движеніе инспирируется „политическими замыслами Польши“ и базируется на *„сочиняемомъ“* нѣкоторыми малороссіянами такъ называемомъ *украинскомъ языкѣ.*

Въ томъ же 1863 году послѣдовало запрещеніе малорусскаго преподаванія въ народныхъ школахъ. Относительно воскресныхъ школъ и „Временной педагогической школы“ выяснено было, что тамъ подъ видомъ просвѣщенія шла война

противъ русской культуры нерѣдко рядомъ съ сѣяніемъ революціонныхъ демагогическихъ идей. Учрежденія эти были, поэтому, постепенно ликвидированы.

„У. Д.“ 50—52. § 11. **Польскій мятежъ 1863 г.** Въ началѣ 60-хъ гг. усилились со стороны поляковъ попытки разжечь въ юго-западной Руси украинофильское движеніе для использованія его въ своихъ польскихъ цѣляхъ. Готовясь къ мятежу, поляки усердно культивировали южно-русскій сепаратизмъ, ибо знали свое слабосиліе и разсчитывали руками и боками малороссовъ побороть Россію и возстановить Польшу. Повстанческій генералъ Мирославскій взывалъ къ единомышленникамъ полякамъ: „Бросимъ пожаръ и бомбы за Днѣпръ и Донъ, въ сердце Россіи. Пускай уничтожатъ ее. Раздуемъ ненависть и споры въ русскомъ народѣ. Русскіе будутъ рвать себя собственными когтями, а мы будемъ рости и крѣпнуть“. Въ Малороссіи же, преимущественно правобережной, распространялись поляками прокламаціи, трактовавшія о совмѣстныхъ судьбахъ „историческаго трилистника“ (Польши, Литвы и Западной Руси). Распространяя въ 1863 г. въ Западной Руси революціонную „Золотую Грамоту“, польскій Народовый Ржондъ соблаговолилъ въ ней признать національную самобытность южноруссовъ и всѣ ихъ права, а также „даровалъ (?) народу южнорусскому всѣ общественныя и политическія права, за которыя этотъ народъ боролся цѣлыя столѣтія“.

Польскія заигрыванія съ малороссами кончились для поляковъ, какъ извѣстно, плачевно. Народъ самъ принялся усмирять польскій мятежъ, да и украинофилы отъ поляковъ отвернулись, чему могло быть нѣсколько причинъ. Украинофилы, зная настроеніе крестьянской массы, могли предвидѣть провалъ польской затѣи; могли они и бояться данайскихъ даровъ, зная, по опыту своихъ предковъ, цѣну польскимъ обѣщаніямъ и посуламъ; не чувствовали они, наконецъ, симпатій къ польскимъ помѣщикамъ и за тѣ доносы, коими послѣдніе засыпали русское правительство по поводу соціалъ-демократической пропаганды лѣвыхъ украинофиловъ въ селахъ.

„У. Д.“ 62—63. § 12. **Кіевская Громада.** Послѣ правительственныхъ „veto“ и репрессій 1863—64 гг. украинофильство не замерло, а лишь притаилось и, приспособляясь къ новому правительственному курсу, приняло новыя формы. Кіевская „Громада“ (такъ называлъ себя организованный г. Михальчукомъ кружокъ украинофиловъ, преимущественно студентовъ и педагоговъ) имѣла въ своей средѣ къ началу 70-хъ гг. нѣсколько талантливыхъ

партизановъ, которые, запасшись научными дипломами, посвятили весь животъ свой защитѣ и пропагандѣ гипотезы-теоріи польскаго эмигранта Духинскаго въ той ея части, которая отрицала у малороссовъ общность происхожденія съ великороссами, а въ рѣчи малороссовъ—родственную близость съ великорусскимъ языкомъ, т. е. „громадяне“ ученые стремились доказать самобытность малорусскаго племени и его „языка“. Сплотились вокругъ этого знамени профессора́ исторіи В. Антоновичъ (изъ ополяченной малорусской семьи) и М. Драгомановъ, филологи Житецкій и Михальчукъ, а также этнографъ Чубинскій. Въ 1873 г. кіевская громада открыла „Юго-Западный отдѣлъ“ русскаго географическаго общества. Отдѣлъ, нося вывѣску научнаго учрежденія, былъ, въ сущности, генеральнымъ штабомъ политическаго украинофильства. По словамъ публициста Франка, кіевское украинофильство этого періода не было заключено въ тѣсныя рамки партикулярныхъ усилій кабинетныхъ ученыхъ: оно развивалось въ болѣе или менѣе живой связи съ либеральными элементами русскими и *польскими*. Послѣ поѣздокъ молодого проф. Драгоманова въ Австрію въ „научныя“ командировки, имъ созданы были украинофильскіе очаги во Львовѣ и въ Вѣнѣ, гдѣ стали печатать (для подпольной пропаганды въ Россіи) малорусскія соціалистическія брошюры популярнаго характера; русскимъ правительствомъ установлена была связь между этой литературой и дѣятелями кіевской „громады“. „Юго-Западный отдѣлъ“ своеобразныхъ „географовъ“ былъ закрытъ; малорусская печать была подвергнута, по указу 18 мая 1876 года, строгимъ и весьма цѣлесообразнымъ ограниченіямъ, а Драгомановъ вынужденъ былъ покинуть Россію навсегда.

Недюжинная личность и кипучая дѣятельность М. Драгоманова оставила рѣзкіе слѣды на украинофильскомъ движеніи, а потому платформа этого публициста заслуживаетъ вниманія. Драгомановъ былъ съ юныхъ лѣтъ до могилы соціалистомъ-федералистомъ; отсюда логически вытекали постулаты его о политической автономіи Польши, Литвы, Бѣлоруси, Малороссіи, и т. д. На украинофильство, въ смыслѣ національномъ, онъ смотрѣлъ лишь, какъ на орудіе своей пропаганды. Такъ, въ концѣ 60-хъ годовъ онъ, идя по стопамъ педагоговъ Ушинскаго и Водовозова, отстаивалъ національзацію малорусской низшей школы будто бы по чисто педагогическимъ соображеніямъ, но уже въ 1877 г., сидя въ Женевѣ, раскрылъ свои карты, и доказалъ, что *національзація народ-*

ныхъ училищъ малорусскихъ необходима для федераціоннаго распада Россіи, для уничтоженія единства и сплоченности *русскаго народа, какъ великодержавной единицы въ Европѣ.* Автономію національную безъ политической самостоятельности онъ считалъ абсурдомъ, а для завоеванія политической автономіи совѣтовалъ малороссамъ войти въ союзъ съ „недержавными націями" въ Россіи. Въ чувствахъ и интересахъ національныхъ украинофиламъ, по убѣжденію Драгоманова, безполезно искать руководящихъ идей для общественной работы, и „украинское движеніе не можетъ имѣть серіознаго общественнаго значенія, пока не станетъ на политическую почву; это нужно такъ и знать и не дурить ни себя, ни другихъ". Со своимъ, нужно признаться, чисто академическимъ безпристрастіемъ, прямолинейный Драгомановъ рисуетъ украинофиламъ ту благодѣтельную роль, какая выпала на долю русскаго правительства въ строеніи историческихъ судебъ Малороссіи. Московское царство, поясняетъ Драгомановъ, выполняло и наши національныя задачи, съ тѣхъ поръ какъ исторія сложилась такъ, что мы сами для себя не могли ихъ выполнять; такими задачами были освобожденіе нашего края отъ ига татарско-турецкаго и отъ подданства польскаго. „Я прошу кого угодно, иронически восклицаетъ женевскій эмигрантъ, представить себѣ культурную Украйну съ набѣгами татаръ за ясыремъ (на полтавщинѣ это было еще въ 1739 году), съ турками въ Азовѣ и на лиманахъ, безъ Одессы, Таганрога и т. д.... А если такъ, то нужно же признать, что *московское царство выполнило* элементарную *географически-національную задачу Украйны*".

„У. д." 64—65. 68—69. **§ 13. Цензурныя правила 1876 и 1881 гг.** Закономъ 18-го мая 1876 года наложены были на малорусскую письменность слѣдующія ограниченія: 1) воспрещенъ ввозъ малорусскихъ книгъ и брошюръ изъ-за границы; 2) воспрещено печатаніе и изданіе малорусскихъ произведеній и переводовъ, кромѣ а) историческихъ документовъ и памятниковъ (съ соблюденіемъ правописанія подлинниковъ) и б) произведеній изящной словесности (безъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія) и 3) воспрещены малорусскія представленія и чтенія, а также слова при нотахъ.

Указъ 1876 года явился планомѣрнымъ государственнымъ актомъ, стремившимся удержать малорусскую письменность въ возможной близости къ малорусской народной рѣчи и воспрепятствовать искусственному введенію въ эту письменность

неологизмовъ и употребленію правописанія, отличающагося отъ изучаемаго въ государственной школѣ. Къ сожалѣнію, система, принятая правительствомъ, не была имъ проводима съ достаточной послѣдовательностью. Въ октябрѣ 1881 года снятъ былъ запретъ съ малорусскихъ спектаклей и чтеній, по ходатайству двухъ генералъ-губернаторовъ: харьковскаго и кіевскаго, изъ коихъ послѣдній добивался въ своей докладной запискѣ полнаго снятія ограниченій съ малорусскихъ литературныхъ произведеній. Кіевская молва приписывала авторство этой записки проф. В. Антоновичу, который съ 1863 г. по 1880 г. состоялъ при начальникѣ края. Вредъ отъ такихъ „некоординированныхъ движеній“ русской государственной политики, забывающей сегодня то, что вчера еще казалось установленнымъ принципіально, самъ по себѣ великъ, но онъ еще болѣе усугублялся отъ различныхъ снисхожденій и поблажекъ, а также отъ различнаго толкованія ограничительныхъ правилъ (иногда приближавшагося къ попустительству) со стороны отдѣльныхъ органовъ правительственной власти.

Правилами 1881 года сюжеты малорусскихъ пьесъ были поставлены въ извѣстныя рамки. Къ представленію разрѣшались только пьесы, гдѣ выводились дѣйствующія лица изъ народа, и запрещались всѣ произведенія, гдѣ выводились лица изъ интеллигенціи (такъ называемыя „сюртучныя“ пьесы); не пропускались цензурою и пьесы со сколько-нибудь замѣтною національно-политической окраской. Эти ограниченія, которыя къ эпохѣ „свободы слова“ (1906 г.) постепенно ослабѣвали, были созданы инстинктомъ государственнаго самосохраненія: для „сюртучныхъ“ персонажей украинофилы-драмодѣлы должны ковать сотни несуществующихъ „украинскихъ“ словъ, должны создавать новый „украинскій языкъ“, ибо на малорусскомъ нарѣчіи ни одинъ интеллигентъ діалоговъ не поведетъ. Пропаганда же искусственнаго „украинскаго языка“ являлась и является краеугольнымъ камнемъ національно-политическаго сепаратизма.

§ 14. **Малорусская литература конца XIX вѣка.** Малорусская беллетристика за тридцатилѣтіе (1876—1906 г.) развивалась въ предѣлахъ Россіи вяло и имѣла ограниченный кругъ читателей—партизановъ украинофильства. Тенденціозные беллетристы и украинофилы-публицисты, по цензурнымъ условіямъ, оказались на родинѣ лишенными слова и печатались (какъ это мы узнаемъ въ слѣдующей главѣ) за кордономъ—во Львовѣ. Языкъ украинофиловъ-беллетристовъ былъ тѣмъ „**У. Д.**“ 70—73 и 75.

болѣе дикимъ и произвольнымъ, чѣмъ болѣе удалялись они подобно драматическимъ авторамъ сюртучныхъ пьесъ отъ бытописанія крестьянства и мелкаго мѣщанства. Если у беллетриста хватало примитивной честности на то, чтобы держаться малорусской народной рѣчи, не прибѣгая къ „ковкѣ“ новыхъ „украинскихъ словъ“, то получался удивительный результатъ: они писали по-русски на малорусскій ладъ. Особенно замѣтно это обстоятельство у поэтовъ, какъ, напр., у плодовитаго Кониcскаго и у талантливаго харьковца Як. Щеголева.

Въ погонѣ за быстрымъ обогащеніемъ пакгауза малорусской литературы украинофилы нерѣдко прибѣгали къ переводамъ съ чужихъ языковъ, не считаясь ни съ ничтожнымъ спросомъ на такія произведенія, ни съ необходимостью сочинять новыя слова, непонятныя даже ближайшему кружку единомышленниковъ переводчика. Наглость этихъ горе-культурниковъ дошла до того, что появились даже переводы съ русскаго языка.

„У. Д.“ 72—75. **§ 15. „Кіевская Старина“ и школа Антоновича.** Съ 1882 г. въ Кіевѣ началъ издаваться на русскомъ языкѣ ежемѣсячный журналъ „Кіевская Старина“, посвященный южно-русской исторіи, археологіи и этнографіи. Иногда въ этомъ изданіи, просуществовавшемъ почти 25 лѣтъ, помѣщались весьма цѣнныя монографіи выдающихся мѣстныхъ профессоровъ, но это были лишь оазисы среди тенденціозной украинофильской стряпни. Подборъ матеріала дѣлался какъ будто и въ интересахъ науки, но лишь постольку, поскольку выводы авторовъ не противорѣчили партійнымъ заданіямъ украинофильства. Редакціонный комитетъ „К. Старины“, руководителями котораго былъ самъ Антоновичъ и его другъ филологъ П. Житецкій, служилъ цитаделью для кіевскихъ „громадянъ“, но была у нихъ и лабораторія, откуда пополнялись кадры украинофильства новыми работниками. Такой лабораторіей служили долгій рядъ лѣтъ приватные курсы (южнорусской исторіи), которые проф. Антоновичъ читалъ для молодежи въ своей частной квартирѣ, въ конспиративной обстановкѣ. Собирались тамъ немногіе изъ его университетскихъ слушателей, а также гимназисты и, особенно, семинаристы старшихъ классовъ. Изъ „слушателей“ Антоновича болѣе выдающіеся попадали на кафедры, какъ талантливый профессоръ Д. Багалѣй (въ Харьковѣ), профессоръ М. Грушевскій (сперва въ Кіевѣ, потомъ во Львовѣ); другіе (какъ В. Науменко) сѣяли просвѣщеніе въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, третьи становились

пастырями духовными, публицистами, народными учителями. Такъ украинофильство распространялось, если и не въ глубь, то въ ширь.

Съ 1887—8 гг. южнорусскіе украинофилы слились со своими единомышленниками въ Галиціи въ одну политическую „украинскую“ партію подъ знаменемъ „Соборной Украины“, послѣ чего съ обѣихъ сторонъ послѣдовало въ 1893—1905 г. нѣсколько политическихъ выступленій. Исторія происхожденія украинской партіи требуетъ предварительнаго ознакомленія съ культурной жизнью Червоной Руси въ XIX вѣкѣ.

Глава IV.

Народничество и украинофильство въ Восточной Галиціи.

§ 16. **Полонизація русскаго населенія и галицкое народничество.** Наши земляки въ предѣлахъ Австро-Венгріи составляютъ почти сплошное сельское населеніе Восточной Галиціи, западной Буковины и 3 уѣздовъ (комитатовъ) сѣверо-восточной Венгріи. Занимаемую территорію они зовутъ Русью, а себя—русскими или руснаками; синонимомъ слова „русскій“ иногда служитъ слово „русинъ“, употребляемое только въ единственномъ числѣ. Языкъ свой наши братья зовутъ также не иначе, какъ русскимъ. Въ старыхъ латинскихъ актахъ Польши слово „русскій“ переводилось черезъ ruthenus; этотъ терминъ облюбовали, въ примѣненіи къ русскому населенію, австрійскіе, а за ними и другіе нѣмцы, называя малороссовъ рутенами или рутенцами. Поляки, вздорно ухватившись за упомянутое слово „русинъ“, придумали такія абсурдныя выраженія, какъ „русинскій“ народъ или „русинскій“ языкъ, что филологически соотвѣтствовало бы такимъ словечкамъ, какъ „датчанинскій“, „англичанинскій“ или „славянинскій“. **„У. Д.“ 76—83.**

Восточная Галиція, находясь съ 1386 г. подъ властью Польши, перешла въ 1772 г. подъ скипетръ Габсбурговъ. Высшіе классы населенія восточной Галиціи къ концу XVIII вѣка были ополячены. Остались вѣрны русской народности только мелкіе ремесленники, крестьяне и сельское духовенство. При императорѣ Іосифѣ II, въ 1787 г., во львовской уніатской семинаріи и богословскомъ факультетѣ университета польскій и

нѣмецкій языкъ преподаванія былъ замѣненъ церковно-славянскимъ. Все это длилось недолго. Съ 1790 г. снова усиливается антинародное настроеніе интеллигенціи, и польскій языкъ звучитъ повсемѣстно; въ 1808 г. славяно-русское преподаваніе изгоняется изъ учебныхъ заведеній. Постепенно іезуитско-шляхетское направленіе стало охватывать и низшее духовенство. Первые проблески дремавшей національной идеи обнаружились въ г. Перемышлѣ, гдѣ каноникъ Иванъ Могильницкій пытался въ 1816 году основать научно-просвѣтительное общество; это общество, одобренное правительствомъ, не вошло въ жизнь вслѣдствіе интригъ поляковъ. Вскорѣ австрійская администрація всецѣло перешла на сторону поляковъ. Галицкій намѣстникъ Ганеръ, подъ вліяніемъ епископа (поляка) Анквича рекомендуетъ замѣнить употреблявшуюся тогда (до 1850 г.) при печатаніи русскихъ книгъ кириллицу польскимъ абецадломъ. Здѣсь, конечно, играли исключительную роль опасенія, питаемыя правительствомъ по поводу возможнаго культурнаго сближенія червоноруссовъ съ остальнымъ русскимъ народомъ. Такія же неудачныя попытки пропагандировать латинскую азбуку въ галицко-русской письменности имѣли мѣсто въ 1835 и 1859 гг.

Въ 1820-хъ гг. Галиціи коснулась эпоха т. наз. славянскаго возрожденія, которая у поляковъ совпала съ подготовкой мятежа 1831 г., а у русскихъ проявилась въ борьбѣ противъ полонизма, въ попыткахъ отмежевать духовные интересы своего племени отъ польской культуры. Люди зрѣлаго ума, далекіе отъ политики (червоноруссы Зубрицкій и Левицкій) работали надъ постепеннымъ переносомъ на галицкую почву общерусскаго языка и письменности; другимъ путемъ пошелъ кружокъ учащейся львовской молодежи во главѣ съ Марк. Шашкевичемъ, Як. Головацкимъ и Варгилевичемъ („Русская Троица“); кружокъ этотъ, подъ вліяніемъ чтенія польскихъ поэтовъ украинской школы, сдѣлалъ въ началѣ 30-хъ гг. попытку создать литературу на народномъ нарѣчіи. Попытка была задушена австропольской администраціей. Сближенію галицкой интеллигенціи съ русской письменностью много способствовали поѣздки во Львовъ знаменитаго русскаго историка М. Погодина. Нашлись и противники этого сближенія, сочувствовавшіе кіевскимъ кирилло-мефодіевцамъ. Такъ, въ 1846 г. львовскій уніатскій епископъ Яхимовичъ и Як. Головацкій совѣтуютъ австрійскому правительству опереться на русиновъ

или рутеновъ, могущихъ вліять на малороссовъ въ Россіи,— въ цѣляхъ антирусской политики.

Въ 1848 г. правительство, разойдясь временно съ поляками, создало во Львовѣ „Головную (южно)русскую Раду“. Рада эта, въ которой участвовало много уніатовъ-канониковъ изъ монастыря ст. Юрія, получила прозвище „святоюрской“; ей поручено было, по Высочайшему повелѣнію, вводить въ народныя и среднія училища „рутенскій“ преподавательскій языкъ; учреждена была во львовскомъ университетѣ каѳедра этого языка; повелѣно было печатать на томъ же (червонорусскомъ) языкѣ „Вѣстникъ законовъ“. За отсутствіемъ „рутенскаго“ языка, мандатъ остался невыполненнымъ. По закрытіи „Рады“ въ 1851 г. русская интеллигенція во Львовѣ сплотилась вокругъ основанныхъ Радою просвѣтительнаго издательства „Галицко-Русской Матицы“ и „Народнаго Дома“ съ его библіотекой-читальней, собственной газетой „Зоря Галицкая“ и собственной типографіей.

§ 17. **Украинофильство во Львовѣ.** Борьбу съ національными русскими тенденціями святоюрцевъ предпринялъ еще въ 1848 г. прибывшій изъ Франціи во Львовъ польскій эмигрантъ Генрихъ Яблонскій, родомъ изъ Малороссіи, хорошо знакомый съ тогдашнимъ украинофильскимъ движеніемъ. Онъ убѣждалъ поляковъ, что они неразумно поступаютъ относительно галичанъ и что вмѣсто того, чтобы отрицать ихъ національность, лучше *прививать* у нихъ *сознаніе національной отдѣльности отъ великороссовъ* для солидарной дѣятельности противъ Россіи. Образовалась партія „Соборъ Рускій“ изъ польскихъ помѣщиковъ и нѣкоторыхъ галичанъ, именовавшихъ себя „Gente Rutheni, natione Poloni“. Издаваемая партіей на малорусскомъ языкѣ, но латинскимъ шрифтомъ газета проповѣдывала борьбу противъ москалей. Партіи не повезло. Въ 50-хъ гг., послѣ русско-венгерской компаніи, растетъ въ Галиціи русское національное движеніе; для борьбы съ нимъ уніатскій митрополитъ, вышеупомянутый Яхимовичъ пишетъ въ 1860 г. пастырское посланіе противъ „великорусскихъ“ выраженій въ проповѣдяхъ и школѣ во избѣжаніе „духовнаго общенія католическаго и вѣрноподданнаго галицкорусскаго народа съ народомъ, который враждебно относится къ котолической церкви и къ общему составу нашего отечества“.

„У. Д.“ 85—93.

Въ началѣ 60-хъ гг. австрійское правительство и поляки получили, въ своей борьбѣ противъ русскаго движенія въ Га-

лиціи, помощь съ востока. Въ 1861—2 гг. во Львовѣ появились книжки петербургской „Основы“, „Кобзарь“ Шевченка и другія мелкія произведенія русскаго украинофильскаго рынка. Началось слѣпое подражаніе кіевскимъ украинофиламъ, увлеченіе воскресными школами, малорусскими (яко бы популярными) брошюрами и т. п. Молодежь складывалась въ кружки—„громады“, распѣвала думы о козачествѣ, а часть ея мечтала даже о самостоятельной козацкой республикѣ. Юноши щеголяли въ козацкомъ платьѣ, при чемъ, никогда не видѣвъ настоящихъ козаковъ, копировали ливрею панскихъ лакеевъ (гайдуковъ или козачковъ). Въ вопросѣ о языкѣ галицкіе украинофилы совершаютъ каррикатурный скачекъ. Бросаютъ свои прежнія заботы о мѣстномъ нарѣчіи, такъ какъ это де языкъ „хлоповъ“, и пытаются писать на малорусскомъ нарѣчіи (довольно отличномъ отъ діалектовъ галицко-русскихъ)—потому только, что это былъ языкъ „благородный, на которомъ говорило когда-то гетманство“. Такимъ образомъ, „малорусскій“ языкъ кіевскихъ и харьковскихъ писателей былъ на галицкой почвѣ явленіемъ искусственнымъ и пропагандировался далеко не по демократическимъ соображеніямъ.

Съ 1862—4 гг. въ Галиціи появилась малорусская пресса, гдѣ сотрудничали украинофилы изъ Россіи (Кулишъ, Конисскій) и польскіе бѣглецы-повстанцы. Развилось и мѣстное антирусское украинофильство. Малороссы, пишетъ (62 г.) галичанинъ Климковичъ, должны протестовать противъ тождества съ москалями, имѣя на востокѣ Европы особую миссію: западные славяне вмѣстѣ съ малороссами отбросятъ сѣвернаго опекуна къ Пекину. Славянская Австрія, пишетъ сынъ Марк. Шашкевича Владиміръ, отброситъ Москву,—опаснѣйшаго врага прочихъ славянъ,—на Сѣверъ. Малорусская газета поляка-эмигранта Свѣнцицкаго „Siolo“ (1864—5 гг.) осыпаетъ Россію площадной бранью и вводитъ терминъ „украинско-рускій“—какъ суммарное понятіе о малороссахъ и галичанахъ. Въ 1868 г. галицкое нарѣчіе входитъ на правахъ оффиц. языка въ школы. Тренія между галицкими украинофилами (народовцами) и поляками сглаживаетъ въ 1867—8 гг. пріѣхавшій во Львовъ Кулишъ и кладетъ начало львовской „Просвітѣ“—украинофильскому просвѣтительному обществу. Въ 1873 году возникаетъ во Львовѣ такое же литературное „общество имени Шевченка“—на деньги изъ Кіева, послѣ переговоровъ галицкихъ поляковъ съ Антоновичемъ въ 1870 г. чрезъ Драгоманова. До конца 80-хъ гг. эти учрежденія чахли, а русскій націонализмъ

въ Галиціи неудержимо росъ. Львовская Просвита имѣетъ задачей изданіе популярныхъ книгъ и брошюръ и организацію библіотекъ-читаленъ по селамъ. Получивъ отъ своихъ фундаторовъ хорошую антирусскую закваску, она вѣрно придерживается старыхъ лозунговъ и доселѣ. Такъ, приведенныя нами цитаты изъ „творовъ“ Климковича и В. Шашкевича покажутся многимъ современнымъ читателямъ безумнымъ бредомъ или случайной поэтической вольностью зарвавшихся юныхъ-писакъ. Между тѣмъ, заимствованы онѣ изъ изданія львовской „Просвиты“, имѣвшаго мѣсто въ 1911 г., при чемъ „Просвита“ выдаетъ авторамъ такой аттестатъ объ себя: „Климковичъ вразъ (вмѣстѣ) зъ Володиміромъ Шашкевичемъ... приготовили грунтъ до дальшой, успишнийшой роботы на народнымъ поли“.

§ 18. **Ростъ русской культуры въ Галиціи и ея разгромъ.** „У. Д.“ 90—91 и 474.
Украинофильству, какъ явленію въ Галиціи безпочвенному, грозило культурное банкротство и смерть отъ худосочія; подъ недвусмысленнымъ давленіемъ общественнаго мнѣнія народовцы, въ началѣ 70-хъ годовъ, отказались даже въ своихъ изданіяхъ отъ фонетической кулишовки и перешли къ (прежнему) этимологическому правописанію. Старающіеся подлаживаться къ польской администраціи украинофилы или народовцы получили прозвище „мягкихъ“, русской же національной партіи достался эпитетъ „твердыхъ“, т. е. непримиримыхъ. Изолированное положеніе дало этой партіи вѣру въ свои силы, а учрежденное ею въ 1875 г. „Общество имени М. Качковскаго“—антагонистъ львовской Просвиты—пріобрѣло большую популярность въ селахъ. Душою русской партіи былъ талантливый популяризаторъ и кооператоръ свящ. Наумовичъ. Его дѣятельности обязаны своимъ существованіемъ почти всѣ читальни, возникшія въ Галиціи между 1871—78 гг. Вообще изъ 160 читаленъ, основанныхъ по селамъ за этотъ восьмилѣтній періодъ, только шесть было устроено народовцами. Просвита за первое пятилѣтіе своего прозябанія имѣла только двухъ членовъ крестьянъ, тогда какъ въ „Обществѣ Качковскаго“ въ первые же три года (1875—77) было 1645, 4791 и 6123 члена—преимущественно крестьяне.

Формальный и безпощадный походъ противъ русской культуры въ Галиціи, рѣзко поднявшій фонды еле прозябавшаго украинофильскаго народничества, начатъ былъ австрійскимъ правительствомъ послѣ берлинскаго конгресса 1878 г. Австрія и Германія заключили тайный договоръ противъ Россіи, и Австрія принялась искоренять въ своихъ восточныхъ

областяхъ „русскую опасность“. Изъ Вѣны во Львовъ прислали нѣмца Лебля съ экзекуціонно-диктаторскими полномочіями. Вскорѣ арестованы были редактора всѣхъ (шести) русскихъ газетъ во Львовѣ и тысячи крестьянъ и чиновниковъ по всей Галиціи. Митрополитъ Іосифъ и многіе русскіе дѣятели были изгнаны; другіе—лишены должностей. Митрополія, консисторія, школы, монастыри оказались въ рукахъ іезуитовъ и украинофиловъ-народовцевъ.

Глава V.

Украинство въ Галиціи.

„У. Д.“ 95—99. § 19. **Бадени и Антоновичъ. Бисмаркъ и „Правда“.** Въ концѣ 80-хъ гг. глава кіевской Громады, проф. Антоновичъ разочаровался въ наличныхъ плодахъ своей украинофильской, почти тридцатилѣтней пропаганды и пришелъ къ заключенію, что подпольное украинофильство на Югѣ Россіи чахнетъ подъ широкимъ потокомъ общерусской культуры; отсюда явился логическій выводъ сдѣлать ареной открытыхъ выступленій и систематической публичной проповѣди сосѣднюю Галицію. Имѣя связи съ польской аристократіей Юго-Западнаго края, Антоновичъ вступилъ въ переговоры съ польскими правящими сферами Галиціи; переговоры имѣли цѣлью соглашеніе (угоду) поляковъ съ народовцами; послѣднимъ было уступлено поляками полдюжины креселъ въ вѣнскомъ рейхсратѣ и обѣщана поддержка украинофильскаго движенія съ тѣмъ, чтобы украинофилы стали въ вопросахъ религіозныхъ на римско-католическую почву, а въ вопросахъ національно-политическихъ на почву федераціи народностей бывшей „исторической Польши“. Угода, жало которой направлено было обѣими сторонами противъ Россіи и русской культуры, состоялась въ 1890 г.; подготовка угоды велась газетой „Правдой“ съ членомъ кіевской Громады Конисскимъ въ качествѣ редактора. Инспирировалась „Правда“ намѣстникомъ Галиціи Казиміромъ Бадени и германскимъ канцлеромъ Бисмаркомъ; по инициіативѣ послѣдняго и, очевидно, подъ звонъ прусскихъ марокъ, газета выступила даже съ проектомъ самостоятельнаго *кіевскаго королевства* подъ *польскимъ* скипетромъ.

Кіевскіе режиссеры галицкихъ маріонетокъ приступили немедленно къ использованію тѣхъ „культурныхъ“ подачекъ

какія Украина-Русь выпрашивала себѣ отъ австро-польскихъ покровителей. По инаціативѣ Антоновича и К° львовское „О—во имени Шевченка" реорганизовалось и съ 1892 года превратилось, съ разрѣшенія польской администраціи, въ „Научное". Годомъ раньше появились научныя „Записки" о—ва. Первый томъ былъ составленъ главнымъ образомъ *въ Кіевѣ*, средства на изданіе дали также „земляки изъ Украйны". Въ 1894 году при львовскомъ университетѣ открыта была кафедра исторіи Южной Руси, „съ преподаваніемъ на руско-украинскомъ языкѣ"; это нововведеніе было также слѣдствіемъ соглашенія между кіевской громадой и австрійскими поляками; кафедра была предоставлена русскому подданному и питомцу кіевскаго университета (любимому ученику Антоновича) Михаилу Сергѣевичу Грушевскому, который немедленно занялся: 1) созданіемъ книжнаго „украинско-рускаго" языка, 2) реформой южнорусской (украинско-руской) исторіи и 3) созданіемъ новой „украинско-руской" политической партіи.

§ 20. **Новый языкъ.** За выработку украинско-рускаго языка принялось „Научное общество имени Шевченка", въ предсѣдатели коего г. Грушевскій попалъ фактически съ перваго же года своего пребыванія во Львовѣ. Имѣя своимъ заданіемъ эволюціонировать вплоть до украинско-руской академіи наукъ, Общество ни однимъ изъ готовыхъ языковъ не могло воспользоваться, ибо въ результатѣ получилась бы нѣмецкая, русская или польская академія. Оставалось выдумать такой языкъ, который бы обслуживалъ территорію „отъ Тиссы до Кубани". „Записки", а съ 1898 года и основанный г. Грушевскимъ во Львовѣ же „Літературно-Науковий Вістник" имѣли половину сотрудниковъ (если не болѣе) изъ Россіи. Казалось бы естественнымъ, поставить на первую очередь заботу о нуждахъ малороссовъ (большинства) и подчинить такому постулату интересы галичанъ (меньшинства). Реформаторы, однако, справедливо опасались приближенія къ литературному общерусскому языку, которое, идя параллельно со школьной и соціальной культурой народа, превратило бы всю работу новыхъ просвѣтителей въ ребяческую и безплодную затѣю. Учитывая это, они приналегли на червонорусское нарѣчіе, а для выраженія сложныхъ и отвлеченныхъ понятій черпали полной рукой изъ польскаго языка.

„У. Д." 99—106 и 249.

Говоры Галиціи подводятся учеными подъ три главныхъ діалекта: подгорскій, гуцульскій и лемковско-бойковскій. По обѣимъ сторонамъ Днѣстра тянется центральный галицкій

діалектъ подгорскій, легшій въ основу „украинско-рускаго“ искусственнаго языка; къ Западу и Югу онъ граничитъ съ гуцульскимъ и бойковскимъ діалектами. Нами указано было, что въ говорахъ Галичины встрѣчаются рядомъ сѣверномалорусскія и южномалорусскія черты, и что первыя изъ нихъ являются историческимъ мостомъ къ говорамъ бѣлорусскимъ и великорусскимъ. Наукой доказано нынѣ, что даже въ первой половинѣ XVII в. всѣ говоры Галичины принадлежали къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію, и лишь во время козацкихъ войнъ туда привнесены были южно-малорусскіе элементы.

Въ діалектѣ подгорскомъ, и въ горскихъ діалектахъ сохранились примѣты древняго звукового строя (звуковые архаизмы). Кромѣ того, въ горскихъ діалектахъ очень много архаизмовъ морфологическихъ: прошедшее описательное, старинный творительный падежъ множеств. числа. Во всей Галиціи распространено отдѣленіе мѣстоимѣнія „ся“ отъ глагола („ся бою“), энклитическія формы мѣстоимѣній („ми, ти, си“) и т. п.

Горскіе діалекты, защищенные природой отъ иноязычныхъ вліяній, интересны и въ лексическомъ отношеніи. Легко убѣдиться, что здѣсь народъ сберегъ, почти на протяженіи тысячелѣтія многія дравне-русскія слова, утерянныя современной малорусской рѣчью, но сохранившіяся, болѣе или менѣе неизмѣнно, въ нарѣчіи великорусскомъ.

При наличности такихъ, правда, стирающихся ежегодно архаизмовъ народной рѣчи въ Карпатской Руси, стремленіе послѣдней къ выросшимъ на церк.-славянской основѣ русскому слову, русской наукѣ и русской культурѣ должно быть признано природнымъ и даже инстинктивнымъ, а отнюдь не навѣяннымъ извнѣ и не случайнымъ; можно заушать, оплевывать и душить это движеніе, какъ это дѣлаютъ австрійскіе нѣмцы, поляки и партія Грушевскаго, но объяснять его „русскими рублями“ было бы филологическимъ невѣжествомъ. Партія, напр., жалуется на Лемковщину, которая, со своимъ горскимъ діалектомъ, является неприступной „москвофильской“ твердыней для „украинскихъ“ политическихъ и культурныхъ организацій. Этотъ обездоленный край частично ословачивается и ополячивается, т. е. денаціонализируется, но къ „украинско-руской мовѣ“ симпатій все-таки не обнаруживаетъ; дѣти Лемковщины, за отсутствіемъ молока русской матери, питаются грудью кормилицы, но отворачиваются отъ искусственной питательной смѣси, фабрикуемой по руско-украинскому рецепту.

Рецептъ этотъ довольно сложенъ. Въ основаніе украинскаго языка, какъ упомянуто выше, положенъ подгорскій діалектъ, говоры котораго наиболѣе засорены польскими и нѣмецкими словами. Подмѣсь малорусскихъ діалектовъ—подольско-волынскаго и украинскаго, къ чему сотрудники львовскихъ изданій изъ Россіи были весьма склонны, допускалась съ большими предосторожностями: каждое малорусское слово или фраза, въ коихъ замѣчаемы были общерусскіе признаки, либо браковались, либо подвергаемы были калѣченію. Охотнѣе всего руско-украинскіе реформаторы перекраивали на свой ладъ готовыя польскія слова и постепенно превратили свой языкъ, быть можетъ и неожиданно для самихъ себя, въ польско-галицкій жаргонъ. Образцами заимствованія польскихъ словъ могутъ служить самое названіе общества (Наукове Товариство), а также слова: часопись (журналъ), штука (искусство), складачъ (наборщикъ), аркушъ (листъ бумаги), вплывъ (вліяніе), ви́дмо (призракъ), зго́ла (совсѣмъ), половичный (половинный), уставичный (безпрестанный). Нерѣдки слегка измѣненныя польскія слова: книгарня (księgarnia), пріемне вражинне (przyjemne wrażenie), потягъ (pociąg), видродженне (odrodzenie), варунокъ (warunek), вынятокъ (wyjątek), попудъ (popęd), потваръ (potwarz), скутокъ (skutek) и. т. д. Вотъ, напр., цѣлая фраза изъ статьи проф. Грушевскаго. Украинцамъ, по его мнѣнію, *„потрибна тыльки діяльнисть, витривалисть, поважанье до себе й до свого народу“*. Въ переводѣ на польскій языкъ эта „украинская“ фраза звучала бы такъ: *„potrzebna tylko działalność, wytrwałość, poważanie do siebie i do swego narodu“*. Морочитъ ли г. Грушевскій въ своихъ попыткахъ писать на „родномъ“ языкѣ только читателей или и себя вмѣстѣ съ ними, судить не беремся. Приводимъ также отрывокъ изъ открытаго письма на двухъ языкахъ (польскомъ и украинскомъ), помѣщеннаго галичаниномъ д-ромъ Триліовскимъ въ 1906 г. въ краковскомъ журналѣ „Krytyka“:

Jak kolosalnie szkodzą sprawie postępu, sprawie szerżenia kultury te... oburżające szykany, jak na przykład zakaz (noszenia) odznak siczowych, prześladowanie za pochody i t. d., na które ukraiński naród we wschodnej Galicyi jest narażony.

Як кольосально шкодять справі поступу, справі ширеня культури те... обурюючи шикани, от як на приклад закази відзнак січових, переслідуване за походи и т. ин., на які український народ е нараженим у східній Галичині.

Записки львовскаго „общества имени Шевченка“ уже съ 1892 г. стали помѣщать статьи съ такъ наз. фонетическимъ правописаніемъ, и одновременно же Общество совмѣстпо со львовскимъ педагогичнымъ товариствомъ возбудило ходатайство предъ правительствомъ о введеніи фонетики въ школы и оффиціальныя изданія. Среди галицкой интеллигенціи вопросъ этотъ поднялъ цѣлую бурю; большинство (русская партія) стояли за „историческое“ (этимологическое) правописаніе. Петиціи протеста противъ фонетики собрали 50.000 подписей, но угода съ поляками принесла и здѣсь пользу народовцамъ: польскіе дѣятели похлопотали въ Вѣнѣ, и съ 1895 г. фонетическая орѳографія признана министерствомъ народнаго просвѣщенія за оффиціальное правописаніе для Галиціи и Буковины. Ходатайства о фонетикѣ мотивированы были не столько научными и педагогическими *соображеніями,* сколько *политическими*; между послѣдними прямо указывалось, что для Галицкой Руси „и лучше, и безопаснѣе не пользоваться тѣмъ самымъ правописаніемъ, какое принято въ Россіи“. Виновники этой реформы, повидимому, не подумали о томъ, какія грустныя послѣдствія она должна имѣть. Фонетическое правописаніе внесло расколъ въ малорусскую литературу Галичины и Буковины, такъ какъ многіе патріоты и ученыя общества отказались принять фонетику и продолжаютъ печатать малорусскія книги (для простого народа) старымъ этимологическимъ правописаніемъ. Кромѣ того, правописная реформа сдѣлала вообще книжную малорусскую рѣчь менѣе понятной для тѣхъ галичанъ, буковинцевъ и угро-руссовъ, говоры которыхъ представляютъ характерныя звуковыя отличія отъ подгорскаго діалекта, лежащаго въ основѣ литературнаго языка. Наконецъ, парализующее вліяніе галицкой фонетики на элементарное знакомство съ церковно-славянскимъ чтеніемъ, а, слѣдовательно, и со старинной южнорусской литературой, освѣщено въ статьѣ украиномана галичанина Франка, появившейся въ прошломъ году. Къ аномаліямъ нашего школьнаго образованія, говоритъ Франко, относится ужасное небреженіе къ изученію нашей старины, неразрывно связанному со знаніемъ церковно-славянскаго и древнерусскаго языка. *Введеніе фонетики,* какъ обязательнаго правописанія въ галицкихъ школахъ, *повело* несомнѣнно *къ тому, что* наша молодежь выноситъ изъ средней школы гораздо *меньше знакомства съ* древними формами и *древней письменностью* нашего *народа,* чѣмъ прежде. Другими словами, такой знатокъ южнорусской лите-

ратуры, какъ Франко, признаетъ фонетическое писанiе *факторомъ антинацiональнымъ* или, правильнѣе сказать,—*денацiонализирующимъ*.

Маститый литераторъ-украинофилъ Нечуй-Левицкiй считаетъ фонетику подражанiемъ правописанiю *польскому* и сербскому. По аттестацiи г. Левицкаго, галицкая ороографiя—смѣшна, диковинна и не покоится на какихъ-либо научныхъ основанiяхъ; эту глупость премудрую, эти ребусы наименовали фонетическимъ правописанiемъ.

§ 21. **Реформа южнорусской исторiи.** Если созданiе языка возложено было кiевской громадой на коллегiальную львовскую институцiю, лишь руководимую г. Грушевскимъ, то заботы о реформѣ исторiи ввѣрены были предсѣдателемъ громады, историкомъ Антоновичемъ, непосредственно М. Грушевскому, который и талантливостью и партiйной энергiей, по меньшей мѣрѣ, не уступалъ своему руководителю. Задача сводилась не только къ тому, чтобы доказывать самобытность украинско-рускаго (южнорусскаго) народа и отдѣльность его отъ другихъ русскихъ племенъ (бѣлоруссовъ и великороссовъ), но и къ провозглашенiю его возможно большей абсолютной древности и относительнаго старшинства (надъ прочими русскими племенами), его, наконецъ, *гегемонiи* (военной и культурной) надъ этими племенами въ прошломъ. Такъ именно представлялъ себѣ южнорусскую историческую схему непосредственный предшественникъ Грушевскаго Антоновичъ, который отъ себя отклонялъ честь ея опубликованiя, ибо считалъ это дѣломъ преждевременнымъ въ виду громадныхъ пробѣловъ изъ-за недостаточности матерiала и т. п. Такiе пустяки г. Грушевскаго не остановили. Въ 1898 году онъ опубликовалъ I томъ своей „Исторiи Украины-Руси“, напутствуя этотъ трудъ девизомъ „Познайте (увѣсьте) истину, и истина освободитъ вы“, позаимствованнымъ у кирилло-меѳодiевцевъ, у которыхъ этотъ девизъ красовался на печати братства. Эмблема эта предупреждаетъ читателя, что авторъ принадлежитъ къ защитникамъ южно-русской федералистической идеи, и что онъ пишетъ свое сочиненiе для практическихъ (партiйныхъ) цѣлей. Исторiи выпущено доселѣ въ свѣтъ $7^1/_2$ томовъ.

„У. Д“. 108—114.

По мѣткому отзыву польскаго историка Ф. Равиты-Гавронскаго, г. Грушевскiй уже въ заглавiи, не считаясь съ данными исторической науки, выступилъ съ совершенно произвольной терминологiей. Онъ игнорируетъ то обстоятельство, что не было никогда государства, которое бы именовалось

Украиной-Русью; этимъ онъ заявляетъ историческія претензіи и къ Россіи, и къ Австріи, и къ былой Речи-Посполитой, такая тенденція смѣшна, преждевременна, необоснована и расходится съ истиной. Желая импонировать объемомъ своего труда, авторъ началъ свою исторію чуть ли не отъ Адама. Онъ притягиваетъ на сцену скифовъ, невровъ, меланхтоновъ, антовъ, готовъ, алановъ, будиновъ, фракійцевъ и хозаръ; чуть ли не всѣ эти бродячіе народы и народцы обрисовываются, какъ „щирые украинцы" или, по крайней мѣрѣ, какъ предки послѣднихъ. Дойдя до временъ историческихъ, историкъ принимается совершенно серьезно за исторію Украины-Руси, хотя со временъ Карамзина (да и раньше бывали смѣльчаки), каждый историкъ категорически утверждалъ, что та эпоха была началомъ исторіи современной Россіи. Въ смѣшное положеніе ставитъ себя человѣкъ, который съ великимъ трудолюбіемъ старается свить веревку изъ песку.

Краеугольнымъ камнемъ исторіи г. Грушевскаго является тезисъ, будто кіевское государство (княжескій періодъ), его законы, бытъ и культура были созданіемъ не русской, а „украинской" національности, а у великорусской народности эти законы и культура являются лишь подражаніемъ, и отчасти, продолженіемъ „украинской" культуры. Началомъ исторической эпохи для своего украинскаго народа, профессоръ принимаетъ IV вѣкъ нашей эры; появленіе княжеской власти въ Кіевѣ относитъ къ началу VIII вѣка или къ еще болѣе ранней эпохѣ; подъ Русью онъ разумѣетъ украинское государство, столицей коего—украинскій городъ Кіевъ. Не трудно догадаться, какая скромная роль отграничивается въ исторіи бѣлоруссамъ и великороссамъ при такомъ украинскомъ имперіализмѣ автора. Характерно, что полякъ Равита-Гавронскій, не взирая на свое руссофобство, обвиняетъ г. Грушевскаго въ субъективности, доведенной до крайнихъ предѣловъ, вслѣдствіе чего описываемые факты и событія пріобрѣтаютъ очень часто характеръ *фантазіи на историческія темы*, а ихъ интерпретація переходитъ либо въ публицистику, либо въ подчиненіе исторіи политикѣ.

Изъ любезности къ нѣмцамъ и, быть можетъ, изъ благодарности къ Бисмарку за проектъ кіевскаго королевства, профессоръ выпустилъ часть своего труда въ нѣмецкомъ переводѣ; результатомъ былъ хвалебный отзывъ извѣстнаго отрицателя русской національной культуры, берлинскаго проф. Брикнера. Печаталъ г. Грушевскій и популярныя перера-

ботки своего труда, а также издалъ въ 1902 г., на русскомъ языкѣ „Очеркъ исторіи украинскаго народа". Большинство рецензентовъ „Очерка" не находятъ возможнымъ согласиться съ выводами автора. Такъ, въ „Вѣстникѣ Европы" помѣщена была благопріятная и дружественная рецензія И. Житецкаго, который, однако, говоритъ опредѣленно, что тезисъ г. Грушевскаго о созданіи „украинской національностью" кіевской государственности и культуры высказанъ черезчуръ рѣшительно и смѣло, чтобы не сказать болѣе, и связать этотъ тезисъ съ выводами многихъ серьезныхъ русскихъ изслѣдователей (напр., Ключевскаго или Милюкова)—совершенно невозможно. Самъ Грушевскій сознается, что, выпуская свой „Очеркъ", онъ ожидалъ болѣе рѣзкой оппозиціи, нежели это послѣдовало. Случилось нѣчто иное: „Очеркъ", гдѣ изложеніе популярно и аргументація отсутствуетъ, былъ удостоенъ со стороны Императорской Академіи Наукъ Уваровской преміи.

Для характеристики г. Грушевскаго добавимъ, что онъ въ своихъ трудахъ не брезгаетъ прибѣгать къ некрасивымъ дѣйствіямъ, именуемымъ подлогами. Такъ, въ популярномъ изданіи его Исторіи Украины цитируются, подъ видомъ подлинныхъ былинъ (Владимірова цикла), рифмованныя передѣлки ихъ или, лучше сказать, поддѣлки подъ какую-то *славяно-малорусскую* рѣчь. Мы отлично понимаемъ, что подлинный языкъ русскаго былиннаго эпоса непріятенъ гг. Грушевскимъ, какъ живой укоръ и обличеніе ихъ гипотетичныхъ доктринъ, но удобно ли давать вмѣсто подлиннаго текста свой кустарный суррогатъ подъ фигурой умолчанія и, притомъ, называя эти образцы то былинами, то *пѣснями*, т. е. тѣмъ, что будто бы когда-то пѣлось?

§ 22. **М. Грушевскій—политикъ.** Въ концѣ 1890-хъ гг. **„У. Д."** 120—124.
галицкая интеллигенція дѣлилась на четыре партіи: приблизительно равныхъ по силѣ народовцевъ (украинофиловъ) и русскихъ (руссофиловъ), а также радикаловъ, разбившихся на кружки, и нарождающихся соціалъ-демократовъ (соціалистовъ). Отъ неправдъ и обмановъ, чинимыхъ поляками, „угода" расползалась по швамъ, и въ 1897 г. предъ выборами въ парламентъ народовцы заключили съ русской партіей блокъ. Такое сближеніе грозило и кружку М. Грушевскаго, и стоящей за его спиной кіевской громадѣ весьма вѣроятными сюрпризами. Лучшія, болѣе молодыя силы русской партіи не хотѣли мириться съ пассивностью стариковъ („рутенцевъ"), считавшихъ червоноруссовъ за особое племя „рутеновъ"; молодежь

открыто признавала своихъ земляковъ за часть единаго русскаго народа, принялась за изученіе литературнаго русскаго языка, стала пропагандировать его въ публицистикѣ. Кружокъ М. Грушевскаго, вся антирусская дѣятельность котораго въ Галиціи покоилась на насажденіи въ народныхъ школахъ „украинско-рускаго“ языка и сохраненіи тамъ фонетики, отлично понималъ, что союзъ реформирующейся русской партіи съ народовцами опасенъ и украинско-рускому языку, и школьной фонетикѣ — двумъ китамъ, легшимъ въ основаніе платформы г. Грушевскаго и его единомышленниковъ. Слѣдовательно, вопросъ о расторженіи союза народовцевъ съ русской партіей былъ вопросомъ жизни и смерти для дѣла г. Грушевскаго.

Чтобы подогрѣть украинофильство народовцевъ, профессоръ устраиваетъ въ 1898 г. празднованіе 100-лѣтней годовщины выхода въ свѣтъ „Энеиды“ Котляревскаго, провозглашая эту дату за юбилей „литературнаго возрожденія Украины“. Грушевскій шлетъ, по случаю этого празднества, въ Россію тучу приглашеній отъ имени „обиженнаго исторіей украинско-рускаго народа, второго по численности въ славянщинѣ, который поднимается изъ своего униженія“. Львовскую демонстрацію почтили адресами изъ Россіи, между прочимъ, второе отдѣленіе академіи наукъ, Харьковскіе университетъ и историко-филологическое общество и Черниговское земство. Львовскія торжества послужили поводомъ къ сближенію Грушевскаго съ галицкими радикалами.

Въ концѣ 1898 года кіевская громада пробовала спасти положеніе кружка Грушевскаго, склонивъ поляковъ въ Галиціи къ новому сближенію съ украинофилами-народовцами. Съ этой цѣлью украинофилы торжественно отпраздновали въ Кіевѣ юбилей поэта Мицкевича; шагъ этотъ оказался безплоднымъ, и уже съ 1899 г. М. Грушевскій принялся за организацію новой политической партіи въ Галичинѣ, которая приняла имя національно-демократической. Въ программу партіи входили: борьба съ поляками въ Галиціи за равноправіе, полный непримиримый разрывъ съ „руссофилами“ и, наконецъ, унаслѣдованіе заповѣди Драгоманова *о содѣйствіи федеративнымъ и автономическимъ стремленіямъ въ Южной Россіи.* Послѣдній тезисъ былъ формулированъ г. Грушевскимъ такъ: „Нашимъ идеаломъ должна быть *независимая* Русь-Украина, въ которой бы всѣ части нашей націи соединились въ одну современную культурную *державу*, мы (поэтому) будемъ среди россійскихъ украинцевъ поддерживать

такія стремленія, которыя ведутъ къ преобразованію россійской державы изъ самодержавной и централистической въ державу конституціонно-федералистическую, основанную на автономіи народностей".

Новая партія явилась сліяніемъ народовцевъ съ радикалами; г. Грушевскій и его единомышленники присвоили ей имя украинской или все-украинской; имя украинофиловъ оставлено, какъ презрительная кличка для литературныхъ сепаратистовъ, не требующихъ политической автономіи. Терминъ Украина (вмѣсто прежняго Украина—Русь) г. Грушевскій ввелъ для обозначенія всей территоріи, гдѣ живетъ въ Европѣ южнорусское племя: Малороссіи, Новороссіи, Галичины съ Буковиной и Угорской Руси. Само собою разумѣется, что украинскимъ онъ сталъ звать и тотъ украинско-рускій языкъ, который вырабатывался подъ эгидой львовскаго „научнаго общества". Лозунгомъ г. Грушевскаго явилось литературное, культурное и политическое возрожденіе того фантастическаго украинскаго народа, который еще съ IV вѣка управлялся, будто бы, своими украинскими князьями; Польша и Россія были, съ его точки зрѣнія, въ равной мѣрѣ узурпаторами украинской государственности и поработителями „украинцевъ". О русской культурѣ онъ писалъ (въ 1898 г.), что ею „обличье Украины нынѣ загрязнено и обезображено, но настанетъ свѣтлый, прекрасный день, когда на украинской землѣ не будетъ *врага-супостата*".

§ 23. **Сѣчи, Сокола́ и культъ ирредентизма.** Съ 1900 г. „**У. Д**". 127—134.
галицкіе радикалы организуютъ по селамъ пожарныя дружины „Сѣчи", которыя Грушевскій правильно считаетъ политическими клубами. Сѣчевики костюмируются на манеръ запорожцевъ, а на сборахъ поютъ пѣсни съ укорами Богдану за то, что онъ отдалъ Украйну „поганымъ москалямъ" и съ клятвами „создать свободную, самостоятельную Украину отъ Тиссы до Кубани". По мѣстечкамъ и городамъ націоналъ-демократы организовали сокольство. На знамени львовскаго сокола съ одной стороны гербъ Галиціи съ надписью „Все вперед", а съ другой гербъ Кіевскаго воеводства и подпись „Борітеся—поборете". Сокольскій маршъ призываетъ галичанъ къ походу на берега „батьки Днѣпра".

Въ томъ же 1900 году организовался во Львовѣ главный штабъ революціонной украинской фракціи, издававшей газеты „Гасло" и „Селянин" и переправившей въ 1903—04 гг. въ Южную Россію 50 пудовъ агитаціонной литературы.

Въ 1902 году члены фракціи стояли во главѣ крестьянскихъ волненій въ полтавской и харьковской губерніяхъ. Съ 1905 г. фракція приняла программу „автономіи Украины“, а въ 1906 г. издавала въ Петербургѣ мѣсячникъ „Вільну Украину“.

Галицкіе соціалъ-демократы, въ теоріи космополиты чистѣйшей воды, выступили еще въ мартѣ 1899 года съ публичной программой украинскаго ирредентизма (на Бернскомъ съѣздѣ). „Они знаютъ, что въ Австріи живетъ лишь часть украинскаго народа, а за кордономъ значительное большинство его терпитъ національное безправіе, а потому они, украинскіе соціалъ-демократы, домогаются національной свободы для своей націи, чтобы *объединенный* и освобожденный украинскій народъ сталъ въ ряду народовъ въ качествѣ равноправнаго члена“. Въ партійной пѣснѣ галицкихъ соціалъ-демократовъ есть куплетъ: „Двинется и наша родина, *одна* сильная, свободная Украина“.

Въ послѣдніе годы систематическую проповѣдь ирредентизма и культа Мазепы (мазепинства) ведетъ въ своихъ народныхъ изданіяхъ львовская „Просвита“. Въ календарѣ ея на 1910 годъ составители не хотятъ описывать полтавскихъ торжествъ 1909 года, ибо „у нихъ сердце щемитъ и болитъ при одномъ воспоминаніи объ этомъ“, ибо „это былъ юбилей 200-лѣтняго издѣвательства надъ украинскимъ народомъ“; календарь съ удовольствіемъ отмѣчаетъ что въ Галиціи день полтавскаго юбилея былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ посвященъ чествованію памяти Мазепы. Въ путеводителѣ по Кіеву „Просвита“ восхваляетъ Мазепу и грозитъ Россіи отпаденіемъ Малороссіи. Въ изданной „Просвитою“ брошюрѣ о гетманѣ Мазепѣ измѣна его называется „борьбой за святое дѣло“, а самъ измѣнникъ именуется „благодѣтелемъ своего народа“. Календарь „Просвиты“ на 1911 г. сожалѣетъ, что малороссы не поняли своего великаго гетмана Мазепу и не поддержали его въ борьбѣ противъ россіянъ—своихъ *вѣчныхъ враговъ*; при чемъ одинъ изъ поэтовъ пророчествуетъ, что великая Сѣчь воскреснетъ отъ Дону до Карпатъ. Наконецъ, календарь на 1912 г. поучаетъ галичанъ, что „Россія—царство рабства для украинскаго народа“, и приглашаетъ ихъ (галичанъ) вмѣстѣ съ братьями (малороссами), стоять, не щадя живота и не пугаясь мученій и кандаловъ, за возвратъ Украйнѣ святой свободы. Въ послѣдніе годы проповѣдь украинскаго ирредентизма распространяется и въ православной Буковинѣ. Такъ, въ народномъ календарѣ „Товариш“ на 1911 г. Украина и бывшая сто-

лица украинскаго государства Кіевъ призываются къ освобожденію отъ московскаго ярма. Брошюра „Русини а Москали“ (съ польскимъ союзомъ „а“ вмѣсто „и“ въ заголовкѣ) предназначена для простонародья, которое ею поучается, что есть на свѣтѣ „четыре отдѣльныхъ народа“: 1) русины-украинцы, 2) бѣлоруссы, 3) новгородцы и 4) москали; что „днѣпровское козачество возникло для защиты украинцевъ отъ москалей“, и что „Украйну нужно освободить отъ московской наглости“.

Вліятельный львовскій публицистъ и поэтъ Франко, въ гимнѣ „Не пора“ призываетъ малороссовъ „перестать служить москалямъ и не щадить жизни въ упорномъ бою, чтобы завоевать Украйнѣ свободу“; въ другой пѣснѣ Франко поетъ, что Украйна отъ Дона до Сана и Буга полна ренегатовъ, но народъ украинскій встряхнетъ Кавказомъ, опояшется Карпатами, прокатитъ по Черному морю кличъ свободы и почувствуетъ себя хозяиномъ въ своемъ домѣ и на своемъ полѣ. Въ недавнемъ трудѣ своемъ Франко называетъ Полтавскій бой „погромомъ Украины“, но утѣшаетъ себя тѣмъ, что „автономныя козацкія традиціи ведутъ къ новому возрожденію всего украинскаго народа“.

Въ позапрошломъ году членъ рейхсрата Сѣнгалевичъ заявилъ въ публичной рѣчи, что украинцы стоятъ теперь исполинской толпой въ *тридцать милліоновъ,* оживленные однимъ огненнымъ лозунгомъ „Свободная Украина“. Огонь разгорается по всей Украинѣ... у всѣхъ есть непреклонная вѣра въ будущность народа во *всеукраинской совокупности и объединеніи.* Товарищъ Сѣнгалевича по палатѣ проф. Днѣстрянскій на другомъ митингѣ повѣдалъ, что „украинцы“ стремятся съ помощью австрійскаго правительства, исправить ошибку великаго Богдана, именно—оторвать Украину отъ москалей и основать свое особое украинское королевство.

Глава VI.

Походъ украинства на державную Русь.

§ 24. **Пособничество академіи наукъ.** Превращеніе украинофильства въ „сознательное украинство“ не ограничилось, разумѣется, предѣлами Галиціи; расплодилось немало „сознательныхъ украинцевъ“, т. е. партизановъ украиноманіи, и у „У. Д.“ 138—156.

насъ въ Россіи. Начало XX вѣка дало имъ возможность не только вылѣзть изъ подполья, но и обзавестись неожиданнымъ могучимъ союзникомъ. Дѣло въ томъ, что недавнее смутное время на Руси ознаменовалось тремя принципіальными выступленіями академіи наукъ въ защиту украинскаго языка и присвоенной ему орѳографіи. Агитація, поднятая сторонниками украинской партіи въ Россіи, выразилась въ рядѣ петицій объ отмѣнѣ цензурныхъ ограниченій 1876 и 1881 гг.; петиціи были приняты очень благосклонно предсѣдателемъ комитета министровъ графомъ Витте. Послѣдній запросилъ и получилъ въ началѣ 1905 г. благопріятное заключеніе академіи наукъ. Тогда же во Львовѣ вышелъ украинскій переводъ записки особой академической комиссіи, работавшей по этому вопросу. Въ Россіи подлинный текстъ записки опубликованъ лишь въ 1910 г. Комиссія состояла изъ 3 филологовъ (г.г. Корша, Фортунатова и Шахматова), 2 археологовъ и 2 біологовъ. Записка является сплошной апологіей южно-русскаго литературнаго сепаратизма. По своей непродуманности или пристрастности этотъ удивительный (хотѣлось бы думать—апокрифическій) документъ является сплошнымъ недоразумѣніемъ. Записка объединяетъ подъ понятіе „малорусскаго языка“ три совершенно различныхъ объекта: языкъ западно-русскихъ актовъ, языкъ Шевченка и новый украинскій языкъ. Записка опирается на авторитетъ филологовъ Лаврова и Соболевскаго, труды коихъ, въ дѣйствительности, противорѣчатъ предпосылкамъ авторовъ записки. Записка ставитъ тезисъ, будто русскаго языка нѣтъ, а есть лишь литературный великорусскій языкъ, т. е. пригодный для однихъ великороссовъ. Между тѣмъ, не трудно убѣдиться, что данное положеніе далеко не является безспорной аксіомой. Проф. Ламанскій (защитникъ украинофиловъ) заявилъ, что русскій литературный языкъ, „по своему происхожденію и образованію, есть общее достояніе Великой, Малой и Бѣлой Руси; мысль о немъ, какъ будто онъ есть чисто великорусскій, есть *мысль ложная*“. Славистъ Будиловичъ, характеризуя русскій „образованный“ языкъ, констатируетъ, что „взаимодѣйствіе *всѣхъ областныхъ* разнорѣчій въ выработкѣ этого языка составляетъ важное его преимущество передъ другими, имѣющими болѣе узкую діалектическую почву; правда, количество вкладовъ *въ общій* языкъ, сдѣланныхъ съ XVIII вѣка разнорѣчіями великорусскими, несравненно больше, чѣмъ со стороны разнорѣчій малорусскихъ, благодаря чему и самый типъ нашего языка, значительно

ближе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ; но эта близость не доходитъ до тождества и не исключаетъ важности услугъ, оказанныхъ общему языку бѣлоруссами и малоруссами: они имѣютъ вслѣдствіе того полное право называть этотъ языкъ плодомъ и своихъ усилій на поприщѣ общественно-литературномъ. Забыты запиской и признанія украинофила Кулиша. См. § 3. Другой тезисъ записки касается фонетическаго правописанія, будто бы неизбѣжнаго въ малорусской письменности; между тѣмъ, Житецкій клеймитъ это правописаніе, какъ „плодъ борьбы литературныхъ партій", а формула Булича гласитъ, что „всѣ системы правописанія имѣютъ только практическое, а не научное значеніе" (жизнь же говоритъ противъ тезиса записки). Записка убѣждена, что такія, напр., слова, какъ „лобъ" и „мельникъ" непонятны малороссамъ, а между тѣмъ, первое фигурируетъ въ малорусскихъ поговоркахъ, какъ напр., „чужій лобъ скубши, треба и свого наставиты", а слово „мельникъ" — популярное фамильное произвище въ тысячахъ южныхъ селъ. Записка, давая цитату словъ *ксендза* изъ комедіи Бомарше, наводитъ читателя на ложное предположеніе, что комедіи Бомарше писаны не для парижской, а для варшавской или краковской сцены. Всѣ эти филологическія красоты записки блѣднѣютъ предъ попыткой авторовъ ея сойти съ дороги умозаключеній на путь совѣтовъ и экспериментовъ. Записка требуетъ „свободы самоопредѣленія": „свободное развитіе малорусской письменности,—говоритъ записка, — въ лучшемъ случаѣ выработаетъ одинъ общій для всѣхъ малорусовъ литературный языкъ; въ худшемъ, малорусы, не сознавъ своего литературнаго единства, погубятъ свою письменность въ безплодныхъ несогласіяхъ и раздорахъ". Такой „біологическій" способъ, способъ эксперимента есть вивисекція юной народной души, вивисекція еще болѣе юной народной грамотности: „пусть, молъ, паны дерутся, а у хлопцевъ пусть чубы болятъ"! Еще одинъ упрекъ по адресу авторовъ записки: послѣдовательность должна была заставить ихъ добиться, чтобы Академія съ 1905 г. именовала свое II отдѣленіе „Отдѣленіемъ", по меньшей мѣрѣ „двухъ русскихъ языковъ" (великорусскаго и украинскаго), разъ само „Отдѣленіе русскаго языка" признало, что такого языка нѣтъ.

Другое проявленіе активнаго украинофильства со стороны нашей академіи выразилось въ 1904 г. въ допущеніи вторымъ ея отдѣленіемъ въ свой „Славянскій Сборникъ" трехъ статей г. Грушевскаго на ново-украинскомъ языкѣ, при новой же

ороографіи, чѣмъ какъ бы предрѣшалась отмѣна ограниченій 1881 г. Еще болѣе значенія имѣетъ „научное“ заступничество академіи предъ Св. Синодомъ въ пользу необходимости распро-
См. § 10. страненія малорусскаго перевода евангелія, сдѣланнаго Морачевскимъ и редактированнаго комиссіей при академіи наукъ, а также Подольскимъ, нынѣ Тульскимъ владыкой Парфеніемъ. За время 1906—1912 гг. изъ синодальной типографіи выпущено болѣе 200 тыс. экземпляровъ этого перевода съ примѣненіемъ, по инициативѣ 4 академиковъ, и фонетическаго правописанія. Внесеніемъ двойственности въ ороографію ученое учрежденіе наше открыло этотъ, по истинѣ, „крестовый походъ“ противъ элементарной педагогики, не говоря уже о пропагандѣ культурнаго раскола. Въ смыслѣ языка переводъ сдѣланъ весьма неудовлетворительно.

Вся эта многогранная инициатива, проявленная нашимъ высшимъ ученымъ ареопагомъ и выразившаяся въ составленіи Записки, въ допущеніи въ академическій Сборникъ статей М. Грушевскаго на украинскомъ языкѣ, въ содѣйствіи появленію украинскаго Евангелія и въ легализаціи фонетическаго правописанія въ Россіи, имѣла мѣсто на протяженіи одного полугодія (осень 1904 г.—весна 1905 г.). Для украинской партіи, о существованіи которой академія могла и не подозрѣвать, научная санкція украинофильства оказалась какъ нельзя болѣе кстати.

„У. Д.“ 157—158. § 25. **Появленіе украинской прессы.** Законъ о свободѣ печати (24 ноября 1905 г.) создалъ въ Россіи десятки мыльныхъ пузырей—органовъ украинской прессы (не только на югѣ, но и въ столицахъ); даже украинскій клубъ (громада) второй Гос. Думы издавалъ украинскую газетку подъ назв. „Рідна Справа. Вісти з Думы“. Большинство этихъ органовъ не дожило до нашихъ дней и погибло отъ худосочія и без-
См. § 23. денежья. Революціонные органы, какъ „Вільна Украина“ въ Петербургѣ, „Хліборобъ“ въ Лубнахъ (на Полтавщинѣ) умерли насильственной смертью; одинъ изъ нихъ газета „Громадська Думка“ въ Кіевѣ воскресла подъ другимъ именемъ („Рада“).

„У. Д.“ 159—162. § 26. **Агитація львовскаго гастролера.** Въ 1906 г. вступилъ въ Петербургъ увѣнчанный академическими лаврами и симпатіями профессоръ Грушевскій; трибуной ему служилъ основанный партизанами „Украинскій Вѣстникъ“, гдѣ профессоръ излагалъ программу украинской партіи. По его словамъ, Россія—тюрьма народовъ, и добровольныхъ жителей въ ней

меньшинство, а большинство состоитъ изъ угнетенныхъ народностей. Сохраненіе единства русскаго народа, точнѣе—созданіе такого единства, никогда не существовавшаго, является безнадежнымъ дѣломъ. Старый стягъ православія, самодержавія и народности погнилъ. Реформа украинскихъ земель требуетъ переустройства Россіи въ свободный союзъ народовъ на началахъ національно-территоріальной автономіи. Украинскія земли должны имѣть свои органы областнаго законодательства и самоуправленія, свой украинскій сеймъ, свое церковное управленіе; украинскія дисциплины должны войти въ курсъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а народная школа должна быть украинизирована. Сопричисливъ украинцевъ въ Россіи къ „покореннымъ народамъ", г. Грушевскій указываетъ на „неубѣдительность увѣреній представителей этихъ народностей, что онѣ останутся вѣрными единству и нераздѣльности Россіи; неосновательны такія заявленія и со стороны сочувствующихъ имъ представителей русскаго общества. Клятвы на кандалахъ, даваемыя невольниками предъ ихъ выпускомъ на свободу, не внушаютъ довѣрія; жизнь стихійно возьметъ верхъ надъ трактатами и формулами". Въ заключеніе, лидеръ украинства наставительно подчеркиваетъ: „Полная самостоятельность и независимость является послѣдовательнымъ логическимъ завершеніемъ вопросовъ національнаго развитія и самоопредѣленія всякой народности".

Такова была платформа украинства при первыхъ выступленіяхъ его предъ русской аудиторіей.

§ 27. **Натискъ на русскую школу.** Въ „дни свободъ наши доморощенные „сознательные украинцы" стали вводить у насъ реформу школы по австро-галицкому шаблону. Въ 1906—07 гг. были явочнымъ порядкомъ введены курсы „украинской" литературы въ университетахъ Кіева, Харькова и Одессы. Въ двухъ послѣднихъ лекціи читались, притомъ, на украинскомъ языкѣ: великороссомъ Сумцовымъ и прив.-доцентомъ А. С. Грушевскимъ, братомъ профессора-агитатора. Вокругъ легализаціи украинскихъ каѳедръ по литературѣ, исторіи и языку поднята была большая шумиха и украинской партіей со своими мѣстными поддужными и вообще оппозиціонными элементами. Часть студентовъ сплотилась при этомъ въ партійно-украинскіе кружки; въ Кіевѣ солидарно шумѣли и всѣ студенты-поляки.

„У. Д." 163—168.

Вопросъ объ украинскихъ каѳедрахъ очень раздувался въ прессѣ проф. Грушевскимъ. На дѣлѣ все сводилось лишь

къ митинговой и газетной рекламѣ для привлеченія освободительно-настроенной толпы въ ряды украинской партіи.

Появились на украинскомъ языкѣ элементарные учебники. Были попытки, вскорѣ пресѣченныя, ввести украинское преподаваніе въ народныя школы (въ подольской, полтавской, харьковской, херсонской и черниговской губ.). Въ Кіевѣ, Одессѣ и Каменецъ-Подольскѣ въ средне-учебныхъ частныхъ школахъ пробовали преподавать украинскій языкъ, но родители учащихся не пошли этимъ пробамъ на встрѣчу, хотя учебники (въ Одессѣ) были снабжены разрѣшительной грамотой попечителя округа. Въ Подольской епархіи духовенство, управляемое украинофиломъ епископомъ Парфеніемъ, испросило у Св. Синода въ ноябрѣ 1907 г. разрѣшеніе преподавать украинскую грамматику (?) во всѣхъ школахъ епархіи; такое разрѣшеніе, нынѣ отмѣненное, послѣдовало относительно Винницкой церк.-учит. школы и епархіальной семинаріи, гдѣ украинскій языкъ, литература и исторія преподавались еще въ 1908 году.

Глава VII.

Современная пресса украинской партіи въ Россіи.

„У. Д.“ 173—184. § 28. **Повременныя изданія на украинскомъ языкѣ.** Періодическая печать въ Россіи на львовской мовѣ насчитываетъ нынѣ 14 органовъ; изъ нихъ 12 изданій кіевскихъ и 2 иногороднихъ; правописаніе во всѣхъ—фонетическое. По признанію одного органа этой печати, качества ея невысоки. Языкъ газетныхъ и журнальныхъ статей „кованный“; онъ не можетъ удовлетворить читателей, знакомыхъ съ красивой малорусской рѣчью; для выраженія многихъ понятій не хватаетъ словъ, а въ другихъ случаяхъ существующія слова незнакомы писателямъ. Почти всѣ сознательные украинцы состоятъ сотрудниками хотя одного органа своей печати и, въ качествѣ сотрудниковъ, получаютъ даровые экземпляры изданія; *безплатно же* шлются эти изданія политическимъ *ссыльнымъ*, уроженцамъ юга Россіи (а иногда, прибавимъ мы, *и въ народныя школы*). Изъ всего тиража „украинскихъ“ періодическихъ изданій на удовлетвореніе „настоящихъ“ платныхъ подписчиковъ идетъ такое ничтожное количество экземпляровъ, что собираемой

подписной платой не окупаются и расходы по пріобрѣтенію бумаги для печатанія органа. То обстоятельство, что украинскія періодическія изданія все-таки держатся, объясняется исключительно матеріальной поддержкой состоятельныхъ людей—*меценатовъ* своего рода. Кромѣ того, нѣкоторые украинскіе органы, предъ началомъ новаго подписного срока, обращаются къ подписчикамъ со слезными воззваніями о присылкѣ пожертвованій.

Наиболѣе распространеннымъ органомъ является ежедневная газета „Рада“, выходящая съ конца 1906 года; она явилась прямымъ продолженіемъ соціалъ-революціонной „Громадской Думки“, погибшей насильственной смертью; нынѣ „Рада“ буржуазно-украиноманскій органъ; сверхъ того, она пропитана систематическимъ юдофильствомъ и склонна иногда къ блоку съ русскими поляками. Къ вопросамъ религіознымъ она вполнѣ индифферентна, но не прочь, ради краснаго словца, попугать русскую церковь римскимъ папой. Такъ, она написала однажды завѣдомую неправду, будто *„унія съ Римомъ* находитъ для себя на Югѣ Россіи все больше и больше сторонниковъ среди украинскихъ интеллигентныхъ классовъ и даже въ простомъ народѣ“. Исторію Кубанскаго козачества газета рисуетъ также своеобразно. „На протяженіи полувѣка,—говоритъ „Рада“,—*козакамъ приходилось защищать свой край* не только отъ чечни, но и *отъ поползновеній чужого государства россійскаго,* которое по временамъ останавливало свой, быть можетъ, черезчуръ благосклонный взглядъ на хлѣбородныхъ кубанскихъ поляхъ“. Въ нынѣшнемъ году газета (№ 72) выдала любопытную аттестацію „сосѣднимъ“ культурамъ россійской и польской; обѣ онѣ, на украинскій масштабъ, оказываются „измѣнчивыми“ (?), неклассичными, незаконченными и шаткими, не нашедшими еще своей дороги“, а формы этихъ культуръ „слабы“ (!) и „невыработаны“.

Съ 1907 г. въ Кіевѣ же издавалась еженедѣльная соціалъ-демократическая гусеница „Слово“, изъ нея вышла, подъ опекой М. Грушевскаго, куколка „Село“, переименовавшаяся въ „Засів“; въ нынѣшнемъ году изъ куколки вылетѣлъ ежемѣсячный мотылекъ „Дзвін“—органъ сознательныхъ украинскихъ марксистовъ, отличающійся отъ прочихъ 13 украинскихъ собратовъ сравнительной чистоплотностью и прямодушіемъ.

Въ 1906 году въ подольской губерніи стала выходить еженедѣльная газета „Світова Зірниця“ (Утренняя Звѣзда),

перенесенная позднѣе въ Кіевъ. *Издавалась она на деньги польскихъ помѣщиковъ;* редакторъ-издатель ея также полякъ. Газета посвящаетъ часть статей сельской кооперацiи, часть—беллетристикѣ изъ народнаго быта. Языкъ нѣкоторыхъ статей близокъ къ народному и содержитъ много словъ книжныхъ общерусскихъ; другія статьи засорены коваными словами по львовскому рецепту.

Появленіе въ послѣдніе годы значительнаго числа крестьянскихъ сельскохозяйственныхъ обществъ послужило для украинской партіи толчкомъ къ созданію еженедѣльной народной газеты „Рілля“. Выходитъ она съ 1910 г., посвящая половину статей прикладной агрономіи, а остальныя боевому украинскому націонализму со злобными выступленіями противъ общерусской культуры и общерусскаго слова.

Еженедѣльная газета „Рідний Край“, возникшая въ Полтавѣ въ бурные дни (конецъ 1905 г.), по переносѣ въ Кіевъ стала понемногу отставать отъ политики, осмѣлилась помѣстить пару статеекъ, гладящихъ евреевъ противъ шерсти, и пріобрѣла привкусъ украинофильства добраго стараго времени. Если бы не фонетическій маскарадъ буквъ, то многіе разсказы въ ней (изъ народнаго быта) можно было бы читать не безъ удовольствія; по чистотѣ языка она, въ этихъ случаяхъ, стоитъ на недосягаемой для другихъ украинскихъ органовъ высотѣ.

Левіафанъ украинской журналистики, мѣсячникъ „Літературно-Науковий Вістник“ насчитываетъ уже 16-й годъ жизни; съ 1898 года онъ издавался во Львовѣ, а въ 1907 году перенесенъ въ Кіевъ. Какъ органъ М. Грушевскаго, онъ отражалъ всѣ потуги сепаратизма и ирредентизма. Выйдя въ послѣднее время изъ-подъ ферулы львовскаго профессора, журналъ не нашелъ ему талантливаго замѣстителя. Этика органа упала, а нечистоплотность возросла. Такъ, въ мартѣ настоящаго года журналъ въ хроникѣ пустился на шантажъ: взявъ изъ стенограммы засѣданій Гос. Думы фразу объ „интересахъ русскаго народа, литовскаго и латышскаго племени“, журналъ выбросилъ изъ этой фразы запятую и тѣмъ превратилъ эту фразу въ безсмыслицу съ тою цѣлью, чтобы автора фразы (русскаго націоналиста) обозвать, какъ вамъ понравится,—„безнадежнымъ идіотомъ“.

Литературно-научный журналъ „Українська-Хата“ выходитъ съ 1909 года. Соборную Украину журналъ исповѣдуетъ, но политикой мало занимается, а увлекается литературнымъ модернизмомъ. Обслуживается онъ молодыми силами, а такъ

какъ молодежи свойственна искренность, то журналъ за свою правду, которая „колетъ очи“ фарисействующимъ лидерамъ украинства, состоитъ не въ чести у „Вістника“ и „Рады“.

Украинскій педагогическій (!) журналъ „Світло“ выходитъ съ 1910 года. Въ программу свою журналъ поставилъ пропаганду „просвѣщенія“ на украинскомъ языкѣ и всѣхъ практическихъ способовъ для проведенія этого нововведенія въ жизнь. Всѣмъ намъ извѣстно,—писала „Рада“—насколько нуженъ намъ этотъ журналъ: онъ *объединяетъ* проводниковъ народнаго просвѣщенія *учителей и указываетъ имъ путь* къ настоящему просвѣщенію нашего люда. Мы склонны считать журналъ „Світло“ наиболѣе вреднымъ изъ всѣхъ органовъ украинской партіи въ Россіи. Построенная на софизмахъ, критика южнорусской школы и программа ея украинизаціи лишены и вѣскости, и доказательности; но журналъ стремится попасть въ руки народнаго учителя, человѣка не всегда съ достаточно-глубокимъ критеріемъ. Отнимая у учителя вѣру въ святость выполняемаго долга, онъ толкаетъ его на путь подпольнаго служенія антигосударственной культурѣ. Одна изъ книжекъ журнала уничтожена по судебному вердикту за призывъ къ организаціи тайныхъ школъ съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ и по украинскимъ учебникамъ.

Дѣтскій журналъ „Молода Украина“, издаваемый съ 1908 г. при газетѣ „Рідний Край“, исходитъ изъ того же преступнаго положенія, что и журналъ „Світло“; цѣлью обоихъ изданій является желаніе отстранить юное малорусское поколѣніе отъ русской книги. Въ родителяхъ этого поколѣнія такая затѣя нашла себѣ вполнѣ справедливую оцѣнку: тиражъ журнала весьма мизеренъ.

О „Запискахъ“ украинскаго научнаго общества въ Кіевѣ, **См. §§ 54 и 57.** равно какъ и о спеціальномъ еженедѣльникѣ „Наша кооперація“, существующемъ нѣсколько мѣсяцевъ, мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Съ декабря 1910 г. выходитъ въ Екатеринославѣ двухнедѣльная газета „Дніпрові Хвилі“. Изданіе это предназначено для народа, которому систематически втолковывается, что малороссы отдѣльный народъ, а Украйна есть *край, порабощенный* сперва поляками, а потомъ *московщиной.*

Въ текущемъ году народилось 3 новыхъ изданія: полтавскій народный медицинскій журналъ „Життє і Знаннє“, издаваемый о-вомъ фельдшеровъ и акушерокъ и обѣщающій „возродить“ своихъ подписчиковъ; кіевскій иллюстрированный

журналъ „Сяйво“, который „кохается въ штукѣ“, т. е. обѣщаетъ нарядить древнегреческихъ музъ въ плахты и запаски, и, наконецъ, еженедѣльникъ „Маяк“. Малорусское слово „Маяк“ соотвѣтствуетъ не реальному сооруженію, красующемуся на обложкѣ журнала, а понятію—призракъ. Призрачны, дѣйствительно, задачи журнала, публикующаго „Украинскій катехизисъ“; призрачны и его обѣщанія „звертать увагу“, т. е. обращать вниманіе „на мову“. Для обогащенія „мовы“ журналъ занимается плагіатами, и напечатавъ *русскія* присловья фонетической орфографіей, именуетъ ихъ уже „украинскими присливьями“; таковы, напр., присловья, помѣщенныя въ №№ 18, 23 и 30: „Любовь зла—полюбишь и козла“, „Птицу красятъ перья—человѣка разумъ“, „Коротко да ясно, оттого и прекрасно“ и „Страшно любитъ цыганъ сало, да (та) бѣда, что дали мало“. Призрачны мечты журнала доказать такими способами существованіе украинскаго языка.

„У. Д.“ 185. § 29. **Двуязычная пресса.** Новый украинскій языкъ и фонетическое правописаніе проникли и въ нѣкоторыя русскія газеты Юга. Назовемъ органъ харьковскаго сельско-хоз. о-ва газету „Хлѣборобъ“, симферопольскую газету „Тавричанинъ“ и 4 газеты уѣздныхъ земствъ полтавской губ.: „Гадячскую Газету“, „Золотоношскій Вѣстникъ“, „Лохвицкое Слово“ и „Хорольскій Вѣстникъ“. Попадались украинскія статьи также въ кіевской газетѣ „Огни“, органѣ христіанскаго соціализма. См. § 59. О двуязычной кооперативной газетѣ „Муравейникѣ“ („Комашнѣ“) рѣчь будетъ ниже.

„У. Д.“ 186–190. § 30. **Русская и иноязычная пресса.** Съ прошлаго года „сознательные украинцы“ основали въ Москвѣ собственную трибуну—русскій ежемѣсячникъ „Украинскую Жизнь“. Журналъ этотъ учитъ, будто терминъ „Украина“ принятъ самимъ населеніемъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ 99% южнорусскаго населенія даже не подозрѣваетъ о существованіи такого термина. Доказывается ли терминомъ „Поволжье“ существованіе „поволжской“ націи, журналъ этимъ не интересуется, но ему очень хочется увѣрить себя и другихъ въ существованіи „украинскаго“ народа. Въ текущемъ году журналъ охарактеризовалъ украинское движеніе, какъ „судорожныя усилія многомилліоннаго украинскаго народа жить и развиваться“, а попытки гетмановъ Выговскаго и Мазепы заставить малороссовъ измѣнить русскому дѣлу журналъ имѣлъ преступную наглость назвать „неудачными попытками украинскаго народа скинуть съ себя чужое (!) иго“. Страдая отъ рожденія своего рода „на-

ціональнымъ" дальтонизмомъ и притомъ, повидимому, въ неизлѣчимой формѣ, журналъ обнаруживаетъ признаки другого заболѣванія—расовой слѣпоты. „Славянство, заявляетъ „Укр. Жизнь" съ апломбомъ, никакихъ общихъ задачъ не имѣетъ". Полагаемъ, что одной этой фразой очерчивается и физіономія журнала, и его партійно-эгоистическая платформа.

Изъ русской прессы благосклонностью къ украинскому движенію отличаются „Русское Богатство", „Историческій Вѣстникъ", педагогическій журналъ „Школа и Жизнь", „Вѣстникъ Европы" и народническіе „Завѣты"; изъ столичной ежедневной прессы сюда примыкаютъ: „Рѣчь", „Русская Молва" и „Петерб. Новая Газета", а также горячіе защитники украинства, какъ сепаратизма, польскій „Dziennik Petersburski" и нѣмецкій „St. Petersb. Herold".

Западную Европу партія информируетъ уже 10 лѣтъ чрезъ свой вѣнскій органъ „Ukrainische Rundschau"; отсюда часто дѣлаетъ перепечатки берлинская пресса, именующая „новоявленныхъ украинцевъ нѣмецкими друзьями". Въ эпоху Полтавскихъ торжествъ 1909 г. „Rundschau" информировало руссофобскимъ шипѣніемъ нѣсколько лондонскихъ газетъ и почти всю стокгольмскую прессу, которая вообще весьма благосклонна къ украинскому движенію. Въ нынѣшнемъ году наши кіевскіе и львовскіе публицисты украинскаго толка помѣстили рядъ статей въ парижскомъ интернаціональномъ органѣ федералистовъ—„Annales des nationalités".

§ 31. **НепеSіодическая печать.** По свѣдѣніямъ за послѣднее пятилѣтіе на книжный рынокъ южной Россіи поступаетъ въ годъ 200—250 книгъ и брошюръ на украинскомъ языкѣ въ количествѣ 500—650 тыс. экз. (центръ издательства—Кіевъ); около 25% всего количества изданій приходится на лубочную литературу, въ большинствѣ придерживающуюся пока народнаго малорусскаго нарѣчія и общерусскаго правописанія. „У. Д." 190—196.

По словамъ спеціалиста по украинскимъ литературнымъ дѣламъ, письменника г. Ефремова, писаннымъ три года назадъ, нигдѣ число писателей не стоитъ въ такой диспропорціональности съ числомъ людей вообще сознательныхъ, какъ въ средѣ украинцевъ; выраженіе „нація литераторовъ" не покажется гиперболичнымъ, если мы учтемъ процентъ писателей по отношенію ко всѣмъ сознательнымъ украинцамъ; въ украинскіе дѣятели можно очень легко попасть, достаточно написать два—три слабенькихъ стихотворенія, одну—двѣ повѣсти или нѣсколько замѣтокъ о вопросахъ, не стоющихъ выѣден-

наго яйца; если же человѣкъ создавалъ цѣлый десятокъ стихотвореній, то сразу становился нашимъ „извѣстнымъ“ и „многообѣщающимъ“..... и *писатели* росли и *растутъ* у насъ, какъ грибы въ дождливую пору. Неудивительно, поэтому, скажемъ мы, что украинская изящная литература качественно очень слаба, ибо создается она не литераторами по призванію, а всѣми „сознательными“ украинцами—поголовно. Многіе изъ нихъ мало знакомы съ народною рѣчью, большинство прибѣгаетъ къ собственнымъ неологизмамъ и пишетъ безъ соблюденія правилъ грамматики. Эпидемія виршеплетства усиливается съ каждымъ годомъ. Увлеченіе „краснымъ письменствомъ“, унаслѣдованное „украинцами“ отъ эпохи ограниченій 1876 г., бросаетъ ихъ на бездарное компиляторство (драмат. произведеній) и на полуграмотные переводы; къ старымъ (львовскимъ) переводамъ съ русскаго языка (Костомарова, Мордовцева и друг.) прибавились недавно переводы гоголевскихъ „Ревизора“, „Женитьбы“ и „Тараса Бульбы“ (два варіанта); сверхъ того, растетъ съ каждымъ годомъ число украинскихъ переводовъ съ западноевропейскихъ и польскаго языковъ, а также съ еврейскаго жаргона. Параллельно съ этимъ, производство популярно-научныхъ брошюръ приходитъ въ упадокъ. Объясняется это обстоятельство, быть можетъ, тѣмъ, что, по признанію „Рады“, главнымъ покупателемъ украинскихъ книгъ является интеллигенція. Въ народѣ хорошій сбытъ имѣютъ лишь многочисленныя перепечатки „Кобзаря“ Шевченка, но вѣдь „Кобзарь“ написанъ задолго до изобрѣтенія „украинскаго языка.

Перепечатки классиковъ (Шевченка, Глѣбова, Квитки, Гребенки и т. д.) можно было бы назвать дѣломъ безвреднымъ, если бы онѣ не сопровождались искаженіемъ правописанія подлинниковъ, что является варварствомъ по отношенію и къ авторамъ, и къ публикѣ. Отмѣчаемъ съ удовольствіемъ вышедшее нынѣшнимъ лѣтомъ въ Кіевѣ 3-е изданіе „Малороссійскихъ повѣстей“ Квитки съ сохраненіемъ (общерусскаго) правописанія подлинника.

Популярныя украинскія брошюры, за исключеніемъ немногихъ сельско-хозяйственныхъ и техническихъ, всѣ проникнуты тенденціями племеннаго сепаратизма и всѣ исковерканы тенденціозной фонетической орѳографіей.

„У. Д.“ 198—202.

§ 32. **„Кобзарь“ Шевченка и сочиненія Кулиша.** Перепечатка стихотвореній Т. Шевченка играетъ нынѣ важную (количественную и, еще болѣе, качественную) роль въ книжной

продукціи украинской партіи въ Россіи. Шевченка народъ любитъ и цѣнитъ только, какъ лирика, но это обстоятельство мало интересуетъ украинскую партію; она умышленно и настойчиво вводитъ во всѣ изданія его произведеній стихи „нецензурные“ въ политическомъ и религіозномъ отношеніи. Шевченко нуженъ украинской партіи, какъ картонный политическій паяцъ (плясавшій иногда подъ антирусскую дудку своихъ польскихъ друзей); съ сочиненіями Шевченка, поэтому, соотвѣтственно и распоряжаются. Приступая къ первому полному изданію „Кобзаря“ въ Россіи (1907 г.), украинская партія поручила редакцію изданія видному партійному дѣятелю В. Доманицкому; послѣдній, по крылатой обмолвкѣ „Рады“ (1912. 254), вторично *открылъ* Шевченка“. Изъ ученой критики Романчука по поводу редактуры Доманицкаго (львовскія „Записки“ 1912 г.) мы узнаемъ, что иныя „открытія“ Доманицкаго имѣли характеръ тенденціозныхъ изобрѣтеній. Мы уже знаемъ, что первыми Колумбами живого Тараса были Гребенка и Кулишъ; См. § 9.
оказывается, что „Кулишъ и при посмертномъ изданіи поэзій Шевченка дѣлалъ на свой ладъ произвольныя поправки“. Своеобразна и „редакторская“ работа Доманицкаго: укоризну поэта по адресу козаковъ, изъ-за чего они бились съ поляками, татарами и москалями, Доманицкій передѣлываетъ, выбрасывая москалей и замѣняя ихъ (вторично!) татарами, ибо онъ не считаетъ борьбу съ москалями заслуживающей упрека; въ другомъ мѣстѣ Доманицкій придаетъ буколической картинѣ о крестьянахъ, которые „Жито себѣ сѣютъ“ характеръ соціалъ-демократическаго вопля—„Панамъ жито сѣютъ“; встрѣтивъ въ текстѣ русское слово „лучше“, руссофобъ Доманицкій замѣняетъ его украинскимъ „краще“ и т. п.

Недаромъ журналъ „Українська Хата“ возмущается, что сознательные украинцы часто *Шевченка препарируютъ* по своему вкусу, приспособляютъ его къ своимъ интересамъ; изъ его произведеній дѣлаютъ вывѣски для своихъ лавчонокъ, создаютъ „культъ“ его. Здѣсь—и извращеніе мыслей поэта, и *переиначиваніе* духа его творчества, даже—*текста* его „Кобзаря“. *Придумываютъ* такую *отсебятину*, отъ которой душу воротитъ, и развѣшиваютъ вездѣ грязное тряпье со своими умозаключеніями, а потомъ собираютъ несвѣдующій „народъ“ на поклоненіе *яко бы* Шевченку.

Интересно совершенно противоположное, но не менѣе тенденціозное отношеніе украинской партіи къ произведеніямъ батька украинофильства, П. Кулиша. Партія и ея „книгарни“

(въ своихъ каталогахъ) бойкотируютъ новое *полное* собраніе сочиненій Кулиша, выходящее въ Кіевѣ подъ редакціей украинофила же Каманина, и бойкотируютъ... ради полноты. По мнѣнію партіи, не всѣ произведенія Кулиша, въ виду его ошибокъ и заблужденій заслуживали, опубликованія. Заблужденія и ошибки „Горячаго Кулиша" (литературный псевдонимъ писателя) заключались въ томъ, что онъ, уйдя изъ-подъ польскаго вліянія, вѣровалъ и исповѣдывалъ „одну властительную Русь съ Москвой и Кіевомъ во взаимныхъ объятіяхъ". Отмѣтимъ кстати, что въ рубрикѣ драматическихъ произведеній каталоги „книгарень" не упоминаютъ о Кулишѣ вовсе, хотя его „Драматическая Трилогія" могла бы съ честью занять мѣсто на малорусской сценѣ, а художественная святочная интермедія „Иродова Морока" („Хлопоты Ирода") имѣетъ всѣ задатки сдѣлаться любимой пьесой для простонароднаго театра.

„У. Д." 202—218. См. § 17 и 20. § 33. **Украинскіе учебники для малороссовъ.** Мы упоминали выше, что въ Галиціи украинскій языкъ введенъ правительствомъ въ качествѣ школьнаго, что и создало тамъ появленіе ряда руководствъ какъ самого языка, такъ и по различнымъ наукамъ на этомъ языкѣ. Попытки изданія такихъ руководствъ имѣли мѣсто и въ предѣлахъ Россіи.

О популяризаціи г. Грушевскимъ въ Россіи своихъ трудовъ по исторіи Украины мы уже говорили; См. § 21. компиляторами его работъ явились здѣсь Б. Гринченко и А. Ефименко; оба автора ничего новаго въ свой трудъ не внесли. Въ 1907 году вышла въ свѣтъ въ Россіи на украинскомъ языкѣ „Исторія Украины", составленная покойнымъ украинофиломъ Аркасомъ; подлиннаго „Аркаса" никто, однако, не читалъ: его, какъ и Тараса Шевченка, обработалъ все тотъ же Доманицкій. Вышедшее въ прошломъ году 2-е изданіе подверглось новой переработкѣ Доманицкаго, который хотѣлъ его *сдѣлать мощнымъ фундаментомъ украинской національно-политической сознательности* въ средѣ широкихъ народныхъ слоевъ. По смерти редактора корректурный экземпляръ изданія былъ утерянъ, и его работу закончили единомышленники галичане: сознательности отведено почетное мѣсто, но даже дружественная критика („Світла") отмѣчаетъ въ книги „невѣрныя, неправдивыя и неточныя иллюстраціи и карты, фантастическіе портреты и не точности въ текстѣ; чистота языка нарушена тяжелыми оборотами въ дополненіяхъ, сдѣланныхъ галицкими редакторами".

Ближайшая дисциплина, тѣсно связанная съ исторической гипотезой М. Грушевскаго, это, такъ называемая, исторія украинской литературы. Писатели украинской партіи затягиваютъ подъ украинскій флагъ всѣ древнерусскіе памятники: былины Владимірова цикла, Слово о полку Игоревѣ, Изборникъ Святославовъ, лѣтопись „Нестора“ и т. д. Первая исторія украинской литературы принадлежитъ перу Е. Огоновскаго, предшественника М. Грушевскаго по предсѣдательскому креслу во львовскомъ научномъ обществѣ. Она появилась въ 80-хъ годахъ, построена была на партійно-тенденціозномъ фундаментѣ и отличалась грубыми отклоненіями отъ исторической правды, что указано было своевременно А. Н. Пыпинымъ въ „Вѣстникѣ Европы“; покойный Драгомановъ также „брался доказать невѣжество и шарлатанство“ автора труда. По тому же шаблону составлялись позднѣе исторіи украинской литературы Барвинскаго, А. Грушевскаго, Лепкаго и Франка. Въ 1911 году вышла изъ печати въ Петербургѣ построенная на тѣхъ же панукраинскихъ принципахъ „Історія українського письменства“ С. Ефремова, которая обнимаетъ и всѣ древнерусскіе памятники дотатарской эпохи, а для обрисовки новаго времени пользуется лишь партійнымъ шаблономъ и о многихъ произведеніяхъ тенденціозно умалчиваетъ. Научное значеніе, точнѣе сказать—ничтожность всѣхъ этихъ трудовъ, покоится на тѣхъ же ложныхъ посылкахъ, на какихъ построена историческая гипотеза М. Грушевскаго. Попытки „украинскихъ“ авторовъ экспропріировать всю древнерусскую литературу и налѣпить на ея памятникахъ украинскіе ярлычки, нашли себѣ еще въ 1894 году оцѣнку въ отзывѣ М. Драгоманова. „Иногда причисляютъ къ украинской литературѣ, пишетъ онъ, старые *памятники дотатарской* эпохи; но эти памятники *писаны были языкомъ старо-болгарскимъ, а не украинскимъ*; къ тому же они очень *подкрѣпляютъ „общерусскія“ теоріи*, ибо переписывались не меньше въ Новгородѣ и Суздальскомъ княжествѣ, чѣмъ въ кіевскомъ, а нѣкоторые только на Сѣверѣ и сохранились. *Это вопросъ, съ которымъ нужно быть весьма осторожнымъ*“. Осторожности этой не обнаружилъ также М. Грушевскій, издавшій въ 1912 году книгу „Культурно-національний рух на Українi въ XVI—XVII вѣкѣ“. Всѣ писатели XVI вѣка, оклеветанные авторомъ,—какъ доказано украинской же критикой, *„не противупоставляли языкъ своихъ работъ языку россійскому“*.

Написанная львовскимъ проф. Рудницкимъ „Географія Украины“ была въ Кіевѣ подвергнута исправленіямъ, по словамъ М. Грушевскаго, въ интересахъ „чистоты украинскаго языка“; отсюда видно, что однообразныхъ нормъ этого языка нѣтъ ни въ Россіи, ни въ Галиціи. Украину авторъ протягиваетъ отъ р. Тиссы до Каспія и въ Закавказье почти до соприкосновенія съ персидскими фидаями; къ украинскимъ горамъ причислены Кавказскій хребетъ и Крымская яйла; иллюстрирована географія видами военно-грузинской дороги и курортовъ крымской ривьеры. Издана книга въ 1910 году. Что касается до перевода словъ со львовскаго украинскаго языка на кіевскій украинскій языкъ, то мы не сомнѣваемся въ практической цѣлесообразности такой процедуры, но какое право имѣетъ г. Грушевскій называть этотъ самообманъ, это „толченіе воды въ ступѣ“—заботами о *чистотѣ языка*, очевидно—гипотетическаго украинскаго?

Больное мѣсто учебной литературы—труды, посвященные самостоятельному украинскому литературному языку. Буквари и грамматики украинскаго языка, какъ указываетъ сама украинская пресса, не однообразны ни по правописанію, ни по языку. Грамматика питомца Кіевскаго университета Е. Тимченка вѣрна традиціямъ закордоннаго „Научнаго Общества имени Шевченка“: избѣгая русской терминологіи, она бросается въ объятія *польской грамматической терминологіи*. Таковы термины „речівник“—имя существительное (польск. rzeczownik), „стосування“—склоненіе (stosowanie), „часівник“—глаголъ (szasownik), „часування“—спряженіе (czasowanie). Мы полагаемъ, что книга Тимченка вполнѣ заслуживаетъ *похвальнаго отзыва* отъ *Варшавскаго* научнаго Общества, къ которому ученый недавно приблизился, получивъ профессуру въ Варшавѣ. Заголовокъ составленной московскимъ проф. А. Крымскимъ „Украинской грамматики для учениковъ высш. классовъ *гимназій и семинарій Приднѣпровья*“ занимателенъ, какъ оптимистической надеждой на „аттестаты украинской зрѣлости“, такъ и пессимистическимъ отрицаніемъ бытія единаго украинскаго языка хотя бы для нуждъ юга Россіи.

По мнѣнію патентованнаго украинца г. Огіенка, терминологія украинскихъ учебныхъ (и научныхъ) книгъ находится въ хаотическомъ состояніи (подобно орѳографіи). У насъ, говоритъ онъ, что ни писатель, то свое собственное правописаніе, что ни ученый, то своя собственная терминологія. Приведя многочисленные примѣры неудачныхъ грамматическихъ

терминовъ, г. Огіенко укоряетъ украинскихъ филологовъ и за то, что они въ своихъ грамматикахъ ухитряются искажать, ко вреду для дѣла, одинъ и тотъ же терминъ при помощи перестановки ударенія. Для обозначенія, напр., единственнаго и множественнаго чиселъ употребляются термины: „одниná“ и „множиná“ (въ грамматикѣ Крымскаго), „однúна“ и „множúна“ (у Коцовскаго), и наконецъ „óднина“ и „мнóжина“ (у Смаль-Стоцкаго).

Сводя итоги сказанному, мы видимъ, что украинская партія въ Россіи, трудясь надъ сооруженіемъ зданія украинской литературы, проявляетъ рядъ политическихъ нечистыхъ пріемовъ: популяризируетъ львовскую поддѣлку подъ исторію Южной Руси, подгоняетъ подъ партійную мѣрку исторію литературы и создаетъ фантастическую географію. Украинцы фальсифицируютъ своего „Кобзаря“, прячутъ подъ спудъ сочиненія П. Кулиша, передѣлываютъ своего историка Аркаса (украинофила). Они хотятъ изъ лягушки раздуться въ быка и предлагаютъ создать для малороссовъ національную школу, но всѣ попытки ихъ дать учебныя руководства для этой школы не могутъ подняться до сколько-нибудь удовлетворительнаго уровня и, прежде всего, потому, что болѣе добросовѣстные авторы замыкаются въ очень узкихъ рамкахъ (какъ проф. Крымскій въ говорахъ Приднѣпровья), а остальные, не зная мѣстныхъ говоровъ или не желая изучать ихъ научно, базируются на закордонныхъ учебникахъ, приспособленныхъ къ галицкому нарѣчію, дѣлающему, по отзыву „Світла“, эти учебники непригодными для нашего малорусскаго населенія.

Глава VIII.

Украинскій языкъ въ Россіи.

§ 34. **Встрѣча съ русской культурой.** Переносъ львовско-украинскаго книжнаго языка въ южную Россію начался съ 1905—6 г.г.; прививка его нашимъ читателямъ-малороссамъ идетъ пока очень туго и слабо. Являясь въ Россіи не предметомъ первой необходимости, а продуктомъ узкаго партійнаго фанатизма, украинскій языкъ, подобно сырости и плѣсени, можетъ забираться лишь въ щели и прорѣхи русской культурной постройки; какъ нѣкоторыя бактеріи, онъ не вы- **„У. Д.“** 220—225.

носитъ яркаго свѣта и хорошаго провѣтриванія, а пробирается въ темные и беззащитно-невѣжественные углы. Практическій смыслъ многомилліоннаго малорусскаго сельскаго люда влечетъ его по нитямъ племеннаго родства въ нормальное общерусское русло. „Сближеніе малорусскаго нарѣчія съ говоромъ великорусскимъ", писалъ въ 1859 году украинофилъ Лавровскій, „вполнѣ уже очевидно въ городахъ, въ малорусскихъ селеніяхъ, смежныхъ съ великорусскими, и въ селеніяхъ съ народонаселеніемъ смѣшаннымъ; оно отчасти проникаетъ и въ самую глушь Малороссіи и должно проникать и проникнуть, если мы примемъ въ соображеніе обнаруживающуюся къ этому сближенію *охоту въ самихъ простолюдинахъ*". Въ концѣ прошлаго вѣка проф. Н. П. Дашкевичъ, знатокъ малорусскаго языка, притомъ постоянно вращавшійся среди малорусскаго люда, категорически утверждалъ, что (малорусскій) „народъ, становясь грамотнымъ, чувствуетъ инстинктивное *влеченіе къ усвоенію общерусскаго* литературнаго *языка* и нерѣдко интересуется болѣе произведеніями на послѣднемъ, чѣмъ малорусскими книжками". Съ каждымъ десятилѣтіемъ, по мѣрѣ культурнаго роста Россіи, этотъ интересъ къ русскому чтенію увеличивается. Мы ограничимся здѣсь лишь парой иллюстрацій. Въ прошломъ году харьковская газета „Сніп" опубликовала письмо своего подписчика, который „извѣрился въ необходимости развивать украинскую культуру, ибо... украинскій *народъ не хочетъ читать своей литературы*, украинская молодежь поднимаетъ на смѣхъ свой языкъ и національность... а *украинскаго газетнаго языка народъ не понимаетъ*". Одинъ земскій агрономъ изъ Новороссіи писалъ въ томъ же 1912 году, что тамъ населеніе говоритъ почти по-русски; *украинскія книги здѣсь* уже *непонятны*. Онъ самъ раздавалъ „Розмови про сельске хазяйство", и большинство крестьянъ возвращало ихъ обратно, высказывая сожалѣніе, что *ничего не понимаютъ*. Обыкновенно просятъ дать книгъ русскихъ". Подтвержденіемъ этого обстоятельства является также сдѣланное нынѣшнимъ лѣтомъ въ Государственной Думѣ заявленіе ея предсѣдателя М. В. Родзянко о протестахъ крестьянъ Екатеринославщины въ 1905 году противъ навязываемой имъ популярной литературы на украинскомъ языкѣ.

Общеизвѣстны культурные моменты, вліяющіе на приближеніе малорусскихъ говоровъ въ Россіи къ говорамъ великорусскимъ и бѣлорусскимъ (и наоборотъ) и на усвоеніе

всѣми вѣтвями русскаго народа средняго (общерусскаго) говора; таковы—школьное и внѣшкольное просвѣщеніе, самообразованіе, казармы, фабрики (даже тюрьмы), а также отхожіе промыслы и вообще путешествія. Къ этимъ факторамъ нужно присоединить неизбѣжное взаимное перебалтываніе „кацаповъ" съ „хохлами" и многочисленные смѣшанные браки съ „общерусскимъ" потомствомъ въ результатѣ и съ гибридными формами рѣчи въ домашнемъ обиходѣ. Весьма сильно вліяла и вліяетъ на мѣстные народные говоры крайне извилистая и длинная линія, проходящая чрезъ губерніи: гродненскую, черниговскую, курскую, воронежскую и область Войска Донского и служащая этнографической границей малорусскаго племени на сѣверѣ.

См. §§ 1 и 2.

§ 35. **Врожденные пороки украинскаго языка.** Предлагая въ 1906 г. на широкихъ просторахъ Южной Руси и простымъ грамотѣямъ, и „сознательной" интеллигенціи свою львовскую книжную стряпню, г. Грушевскій горячо превозноситъ языкъ этихъ издѣлій и заявляетъ, съ чисто рекламнымъ пошибомъ, будто „украинскій языкъ—есть *культурный органъ* одной изъ *значительнѣйшихъ* народностей Европы. Однако, уже въ слѣдующемъ году ему пришлось печатно признаться, что со стороны читателей (какъ украинофиловъ, такъ и „сознательныхъ" украинцевъ) сыплются многочисленные протесты по поводу неудобоваримости украинскаго языка. Языкъ этотъ протестанты часто называютъ „галицкимъ", „кованнымъ", „твердымъ", *непонятнымъ ни народу, ни интеллигенціи*; читатели негодуютъ, какъ можно называть „роднымъ" тотъ языкъ, которому нужно учиться. Эти жалобы читателей не прекращаются доселѣ. Въ прошломъ году вышла въ свѣтъ даже спеціальная брошюра маститаго украинофила-беллетриста И. Нечуя-Левицкаго, посвященная острой критикѣ современнаго украинскаго языка и содержащая немало справедливыхъ упрековъ по адресу львовскаго науковаго товариства и его предсѣдателя М. Грушевскаго, пропагандирующихъ этотъ „украинскій" языкъ у насъ въ Малороссіи для употребленія въ литературныхъ и научныхъ трудахъ. Галицкій книжный языкъ, ввозимый къ намъ въ послѣдніе годы подъ маркой украинскаго, г. Левицкій называетъ тяжелымъ и нечистымъ, сложеннымъ по латинскому или *польскому* синтаксису. Это—галицкая смѣсь, въ основаніе которой положенъ старый галицкій говоръ, переходной къ польскому языку, со множествомъ польскихъ словъ. Для этой „галицкой смѣси" передѣлываютъ или прямо заимствуютъ поль-

„У. Д." 226—228. 267—270.

скія слова. Языкъ украинской прессы г. Нечуй-Левицкій называетъ *полонизованнымъ*; въ немъ много словъ съ малорусскими корнями, но со странными приставками, будто сдѣланными наугадъ или позаимствованными изъ польскаго языка. Проф. М. Грушевскій за основаніе своего литературнаго языка взялъ галицкій діалектъ со всѣми его старинными формами, даже съ нѣкоторыми польскими падежами; къ этому онъ прибавилъ много польскихъ словъ. Переходя къ современной украинской прессѣ въ Россіи, г. Л. останавливается на отдѣльныхъ періодическихъ изданіяхъ. Языкъ „Литературно-Науковаго Вистника“ онъ называетъ головоломнымъ, напоминающимъ какую-то чертовщину съ ботвиньей. Журналъ „Свитло“ предназначенъ для сельскихъ народныхъ учителей, а между тѣмъ они, читая его, могутъ наградить себя оттуда „всяческой лингвистической дрянью“. Наконецъ, языкъ газеты „Рады“ для малорусской публики вовсе непріемлемъ, такъ какъ онъ— смѣшонъ, чуденъ и непонятенъ.

Достается отъ маститаго украинофила и отдѣльнымъ горе-письменникамъ. Такъ, языкъ дѣтской „украинской“ писательницы Русовой, устраивавшей въ нашемъ украинскомъ клубѣ „дѣтскія утра“, г. Л. называетъ нечистымъ, больше галицкимъ, чѣмъ малорусскимъ, явно тенденціознымъ. Любопытенъ также отзывъ прямолинейнаго старца объ украинскомъ разсказѣ С. Черкасенка для дѣтей. Все это, говоритъ онъ, написано непедагогично и съ предвзятой тенденціей *пріучать дѣтей* и юношество на Украинѣ... *къ польскимъ словамъ*.

По компетентному мнѣнію г. Левицкаго, о книжномъ украинскомъ языкѣ можно выразиться народнымъ присловьемъ: „что огородъ, то—народъ“,—что редакція, то и особый языкъ. Съ такой аммуниціей въ періодическихъ изданіяхъ и книгахъ украинская литература далеко впередъ не убѣжитъ, ибо весь этотъ галицкій и *польскій* грузъ обломитъ ея телѣгу. На взглядъ г. Левицкаго, этотъ грузъ—просто мусоръ, засоряющій малорусскій языкъ. Поклонниковъ галицко-украинскаго языка г. Левицкій клеймитъ именемъ „нетямущихъ“ и близорукихъ партійныхъ господъ Лемешекъ и Лемешковскихъ, созданныхъ изъ той мягкой лемешки, изъ которой прежняя Польша налѣпила себѣ когда-то добрую половину своей шляхты. Украинскимъ редакціямъ въ Россіи, наивно полагающимъ, что онѣ выработали единый украинскій языкъ для всей Соборной Украины, отъ рѣки Сана въ Галиціи до Дона и Кубани, г. Л. даетъ дружескій, но обливающій ушатомъ холодной воды со-

вѣтъ: непремѣнно и неукоснительно переводить на малорусскій языкъ галицкія корреспонденціи. Это ударъ не въ бровь, а въ глазъ сумасбродному „украинскому“ ирредентизму.

§ 36. **Причины искусственности украинскаго языка.** „У. Д.“ 225—226. 239—240.
Украинофилы могутъ негодовать по поводу дефектовъ въ украинскомъ языкѣ, но съ этими дефектами онъ неразлученъ. Дѣло въ томъ, что для созданія литературнаго малорусскаго языка *нехватаетъ* необходимой предпосылки—наличности *малорусской культуры.* Только рука объ руку съ культурой можетъ данное нарѣчіе развиваться, обогащаться и превращаться въ языкъ. Въ Восточной Галиціи, странѣ старой польской культуры, вся малорусская интеллигенція прекрасно владѣетъ польскимъ языкомъ, который ей *нуженъ* на каждомъ шагу; тоже можно сказать въ пользу русскаго языка относительно малорусскаго интеллигента въ Россіи. Слѣдовательно, всякій книжный малорусскій (украинскій, если хотите) языкъ будетъ, въ зависимости отъ культурнаго словеснаго багажа автора, неизбѣжнымъ коверканіемъ либо польскаго, либо русскаго языка. Выражаясь вульгарно, такое „кованіе“ новыхъ словъ при помощи малорусской фонетики и морфологіи является бездарнѣйшимъ лингвистическимъ плагіатомъ, весьма близкимъ къ семинарской шуточной латыни. Такъ, еще въ 1862 г. Кулишъ писалъ объ украинофилахъ, „что *народъ не узнаетъ въ ихъ писаніяхъ своей родной рѣчи,* а сословіе образованное видитъ въ ихъ языкѣ *извращеніе общаго письменнаго языка*“. Теперь, черезъ полстолѣтія, положеніе дѣла если и измѣнилось, то лишь къ худшему, ибо въ украинскій языкъ заложена въ неумѣренномъ количествѣ чужая польская закваска.

§ 37. **Благопріобрѣтенные пороки украинскаго языка.** „У. Д.“ 229—246.
Въ маленькой Галиціи украинскій языкъ марки Грушевскій и К°, казалось, кристаллизовался въ полупольскій жаргонъ. Перешагнувъ въ 1906 г. къ намъ, онъ сталъ дробиться на варіанты въ зависимости отъ русскихъ жаргонныхъ примѣсей, и этому дробленію не усматривается въ близкомъ будущемъ никакихъ препятствій.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ воспроизводить здѣсь многочисленные образцы кованныхъ словечекъ, новоизобрѣтаемой терминологіи и неудачныхъ оборотовъ и фразъ; интересующіеся могутъ найти этого добра достаточно въ нашемъ прошлогоднемъ трудѣ. Для любителей курьезовъ добавимъ пару перловъ изъ украинской прессы тёкущаго года.

Въ „Літ.-Наук. Вістникѣ“ герой романа говоритъ героинѣ: „я виволочу себе зъ вашого шляху“, это означаетъ „я сойду съ вашей дороги“; въ „Радѣ“ выраженіе „мѣстности *не столь* отдаленныя“ переведено чрезъ „*не-съ-такъ* виддалены мисцевости“. Дальше этого идти въ безмысленномъ коверканіи русскаго языка, кажется, трудно; даже украинскій терминъ „сцаки“ (млекопитающіе) кажется послѣ этого менѣе несуразнымъ.

У современныхъ украинскихъ поэтовъ коверканіе русскихъ словъ соединяется съ такимъ незнаніемъ народной лексики, что иногда цѣлое украинское стихотвореніе не содержитъ ни одного малорусскаго слова.

Въ настоящее время украинская литература въ Россіи является въ лингвистическомъ отношеніи понятіемъ расплывчатымъ и неопредѣленнымъ. Каждый писатель пользуется автономіей въ выработкѣ языка и поступаетъ по собственному вкусу и разумѣнію. Газета „Рада“, положимъ, обѣщаетъ, что „настанутъ у насъ (въ Южной Россіи и Галиціи) такія времена, когда всякія распри о языкѣ прекратятся, когда будетъ одинъ литературный языкъ для всей Соборной Украины, но это уже будетъ языкъ не галицкихъ письменниковъ и не—письменниковъ россійской Украины; пока каждый дѣлаетъ то, что ему кажется лучшимъ“. Трудно рѣшить, что перевѣшиваетъ въ этой фразѣ: скрытая ли угроза, или явная наивность. Если каждый будетъ развивать языкъ по своему вкусу, то всѣ будутъ расходиться, „кто въ лѣсъ, кто по дрова“, и для будущей Соборной Украины наступитъ, еще до рожденія ея, лингвистическій удѣльный періодъ и непрерывная филологическая междуусобная брань.

Глава IX.

Фонетическое правописаніе.

„У. Д.“ 107 и 246.

§ 38. **Галицкая фонетика на родинѣ.** Чтобы, елико возможно, уменьшить бросающуюся въ глаза близость и даже тождество малорусскихъ словъ и цѣлыхъ выраженій съ великорусскими, партійная литература зашифровалась фонетическимъ правописаніемъ, которое съ 1895 г. стало, съ австропольскаго благословенія, и правописаніемъ школьнымъ. Практика показала скандальный развалъ этой ненаучной авантюры.

См. § 20.

Львовскій (украинскій) журналъ „Наша Школа“ опубликовалъ очень безотрадную для народной грамотности картину. „Въ одной лишь Галичинѣ“, говоритъ журналъ, „не считая россійской Украйны, употребляется теперь цѣлыхъ *четыре*, болѣе или менѣе различныхъ въ своей основѣ, *варіанта украинской орѳографіи*, которые, смѣшиваясь и переплетаясь между собой, даютъ цѣлую скáлу дальнѣйшихъ орѳографическихъ нюансовъ, вводя въ литературу и прессу всеобщую путаницу, а у нашей публики получается въ результатѣ *незнаніе* нашего *правописанія*“. М. Грушевскій еще въ 1907 г. констатировалъ тѣ же факты, но ограничился обращеніемъ къ публикѣ съ толстовской заповѣдью о непротивленіи злу Мы имѣемъ, развязно заявилъ онъ, нѣсколько варіантовъ правописанія; каждый изъ нихъ имѣетъ свои хорошія и дурныя качества. *Пусть же всякій* изъ насъ *придерживается такой орѳографіи, какая ему болѣе нравится;* всѣ онѣ могутъ преспокойно существовать рядомъ нѣкоторое время, пока не сгладятся постепенно всѣ эти, въ сущности, незначительныя различія. Гг. Грушевскіе не хотятъ сознаться, что устранить путаницу можно лишь тогда, когда письменное слово будетъ раскрѣпощено отъ фонетическаго политиканства.

Въ популярную литературу фонетика въ Галиціи имѣетъ слабый доступъ. По свѣдѣніямъ, напр., за 1909 годъ, двѣ трети зарубежной народной литературы печатались съ соблюденіемъ обычнаго (этимологическаго) правописанія.

§ 39. **Сущность фонетическаго правописанія.** Общія правила украинскаго правописанія иллюстрируются рядомъ примѣровъ произношенія (на подражаніи которому зиждется фонетика) и помѣщаются въ заголовкѣ нѣкоторыхъ газетъ и передъ текстомъ брошюръ. Вотъ копія одного изъ такихъ шаблоновъ: „У. Д.“ 248.

Читаючи треба вимовляти *и* як ы *риба*=рыба, *і* як и *сіни*=сины, *ї*=йі, *їв*=йив, *є*=йе *моє*=мойе, *е*=э *тебе*=тебе.

Кромѣ остракизма русскаго твердаго знака (замѣняемаго въ срединѣ слова апострофомъ) и русской буквы ять, львовская фонетика шалитъ, какъ видимъ, неостроумно и не безвредно, мѣняя нѣкоторыя русскія буквы ролями. Такъ, русское „э“ оборотное украинцы употребляютъ лишь въ опрокинутомъ видѣ на манеръ греческаго ε и, притомъ, для обозначенія мягкаго іотированнаго „е“ (какъ въ словахъ Ева, двое); русскую же букву „е“ они употребляютъ для обозначенія звука „э“. Изгнавъ букву „ы“, украинская фонетика замѣнила её чрезъ

„и“; для обозначенія звука „и“ употребляетъ только „і“. Не довольствуясь этимъ, реформаторы ввели сугубое „ї“—съ двумя точками для обозначенія іотированнаго „і“ (подобно звуку ü въ началѣ нѣмецкаго слова Jüngling). Русскій звукъ „ё“ украинцы пишутъ черезъ „ьо“ (мьод, льод). Звукъ „г“ звучитъ обычно у малороссовъ, какъ въ церковно-слав. словѣ „Господи“ (близко къ нѣмецкому h); въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда „г“ звучитъ, какъ въ русскомъ произношеніи (идентично съ нѣмецкимъ g), украинская фонетика требуетъ придѣлывать къ верхней перекладинѣ печатнаго очертанія буквы „г“ вертикальный зубъ, какъ у носорога, или же изображаетъ этотъ звукъ комбинаціею „кг“.

„У. Д.“ 150—151. 246—250. § 40. **Пересадка фонетики въ Россію.** Украинскія газеты, выходящія въ Россіи, не приняли цѣликомъ орѳографіи, выработанной львовскимъ „Науковымъ“ обществомъ, и стали примѣнять свою доморощенную „фонетику“. Еще оригинальнѣе поступилъ предсѣдатель львовскаго общества проф. Грушевскій: настоявъ на введеніи львовскаго правописанія въ „Запискахъ“ кіевскаго „Науков. Товариства“ и продолжая сохранять его въ своемъ „Литерат. Науков. Вістникѣ“, по переносѣ послѣдняго изъ Львова въ Кіевъ, г. Грушевскій въ теченіе двухъ лѣтъ издавалъ въ Кіевѣ газету „Село“, примѣняя „умышленно орѳографію *промежуточную* между тою, какая употребляется украинскими газетами въ Россіи, и тою, какой пишутъ въ Галичинѣ въ школахъ и во всякихъ изданіяхъ“. Поработавъ такъ своимъ „Селомъ“ надъ крестьянами два года, профессоръ взялъ да и отпечаталъ календарь „Села“ галицкимъ правописаніемъ. Сдѣлалъ онъ это „нарочно, чтобы читатели (крестьяне) не привязывались слѣпо къ какой-либо одной орѳографіи, а разбирались во всякихъ“. „Крестьяне не дѣти, цинично заявляетъ г. Грушевскій, чтобы забавляться какими то точками надъ „і“; совершенно безполезно препираться о томъ, писать ли „здается“ или „здаеть ся“, „зявивсь“ или „з'явивсь“, „пять“, „пьять“ или „п'ять“, „нїс“ или „ніс“; дѣло народнаго просвѣщенія, благосостоянія и развитія—дѣло слишкомъ крупное и важное, чтобы его тормозить *балагурствомъ о словахъ и буквахъ*“. Послѣ такой безстыдной деклараціи австрійскаго профессора, сдѣланной на русской территоріи и содержащей проповѣдь педагогическаго сумбура и просвѣтительной анархіи, можно было ожидать, что авторы „Записки Академіи Наукъ“, поспѣшившіе въ 1905 г. похвалить фонетику авансомъ, выскажутъ порицаніе г. Грушевскому,

какъ сѣятелю народной безграмотности, разъяснять, *какой именно* фонетикѣ должно малорусское правописаніе подчиниться (разъ Записка признала такое подчиненіе „неизбѣжнымъ“), и предостерегутъ южныя земства и аналогичныя имъ организаціи отъ допуска въ народныя читальни и библіотеки безграмотной украинской прессы. Къ сожалѣнію, упомянутые академики находятъ болѣе удобнымъ теперь молчать, а интересы народнаго просвѣщенія остаются беззащитными подъ антикультурными ударами экспериментирующихъ просвѣтителей-недоучекъ, онаглѣвшихъ подъ защитой авторитетной „Записки“.

На нашемъ Югѣ, гдѣ украинская книжка находится въ обращеніи рядомъ съ книгами русской и церковно-славянской, фонетическое правописаніе не только можетъ усваиваться съ большими трудностями и недоразумѣніями, но и породитъ сбивчивыя и туманныя представленія объ общей грамотности. Множество словъ русскихъ, при полной тождественности ихъ съ малорусскими, будутъ казаться новыми, неизвѣстными и чужими. Послѣдніе годы настолько разочаровали украинскую партію въ цѣлесообразности фонетики, что, напр., журналъ „Укр. Жизнь“ въ числѣ причинъ, препятствующихъ распространенію въ народѣ украинской популярной литературы, отводитъ „существенную“ роль фонетическому правописанію. „Крестьянинъ, прошедшій черезъ русскую школу и какъ-никакъ усвоившій себѣ въ теченіе ряда лѣтъ русскую грамоту, встрѣчаетъ, по словамъ журнала, несомнѣнныя *затрудненія въ чтеніи* украинскаго текста, написаннаго по фонетическому способу, съ нѣкоторыми отличными отъ русскихъ буквами. Эта (послѣдняя) причина настолько существенна, что отражается даже на болѣе интеллигентномъ читателѣ, *затрудняя* не только процессъ его чтенія, но и самое *воспріятіе прочитаннаго*“.

Ясно, что навыкъ въ чтеніи украинскихъ книгъ, не можетъ, въ свою очередь, не затруднять чтенія книгъ русскихъ. Играетъ тутъ роль и существованіе иныхъ буквенныхъ знаковъ, и различное произношеніе однѣхъ и тѣхъ же гласныхъ. Предположимъ, что сельскій школьникъ ознакомился въ первомъ году ученія съ фонетикой, а со второго года приступитъ къ изученію этимологическаго „великорусскаго“ правописанія; возьмемъ и обратный примѣръ: малороссу, обученному грамотѣ въ русской школѣ современнаго типа, продаютъ и дарятъ брошюры на украинскомъ языкѣ. Если такой малороссъ

не открестится отъ фонетики, а школяръ не сбѣжитъ изъ школы, то его скромный культурный багажъ будетъ построенъ на зыбкой почвѣ орѳографическихъ компромиссовъ. Фонетика въ малорусской книгѣ допустима въ Россіи, безъ опасенія причинить вредъ и культурный ущербъ малограмотному крестьянину, лишь въ томъ случаѣ, если найдено будетъ возможнымъ изгнать этимологическое правописаніе изъ русской книги. До тѣхъ поръ фонетика въ Россіи и есть, и будетъ, независимо отъ ея теоретической обоснованности, средствомъ противъ грамотности, т. е. факторомъ антикультурнымъ.

„У. Д.“ 250—252. **§ 41. Опасность фонетики для малороссовъ.** Къ фонетикѣ вполнѣ приложимы слова, высказанныя покойнымъ публицистомъ Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ еще по поводу „Кулишовки“—этого перваго варіанта малорусской фонетики. „Кулишовка, писалъ онъ, есть умышленное, нарочитое *отреченіе отъ родства* съ современными соплеменниками и съ умственной исторіей предковъ. Украинофиламъ приходится начинать собою культуру своего народа. Бѣдные: тѣмъ самымъ они лишаютъ себя умственной будущности; *они будутъ вѣчными недоносками.* Племенной *сепаратизмъ въ азбукѣ*,—замѣтьте, даже въ азбукѣ, не только въ языкѣ,—*есть* племенное *умственное самоумерщвленіе...* Сила—въ единствѣ и въ общеніи; *въ общеніи* единственно возможны жизнь и *развитіе*“.

Въ довершеніе всего, фонетическое правописаніе, какъ явленіе, призванное къ жизни политической гальванизаціей, уже теперь обнаруживаетъ въ себѣ всѣ признаки трупнаго разложенія. Рецептъ М. Грушевскаго „писать каждому такъ, какъ ему нравится“, нашелъ горячихъ послѣдователей и у нашихъ письменниковъ, большинство коихъ далеко не отличается по части правописанія ригоризмомъ; каждый писатель вноситъ въ фонетику индивидуальныя черты, базируясь обыкновенно на знакомствѣ своемъ съ тѣмъ или инымъ малорусскимъ говоромъ.

Въ сущности говоря, только для отдѣльныхъ говоровъ или діалектовъ и возможна выработка научно удовлетворительной фонетической орѳографіи. Претензіи же львовскихъ „научныхъ“ дѣятелей создать фонетику для раіона отъ Карпатъ до Эльбруса представляютъ, по терминологіи незабвеннаго Кузьмы Пруткова, стремленіе „объять необъятное“.

Свои замѣчанія по поводу фонетическаго правописанія

мы закончимъ пожеланіемъ, чтобы правительство защитило деревню, путемъ спеціальнаго законодательства, отъ этой язвы, могущей только тормозить *всякое* просвѣщеніе, *всякую* грамотность. Печатное слово—свободно, но малорусская деревня, съ ея школьными, земскими и кооперативными библіотеками и читальнями должна быть застрахована отъ всякой фонетической неразберихи. Населенію, нуждающемуся прежде всего въ *элементарной* грамотности, мы не смѣемъ давать всякіе „плоды недозрѣлой науки", ибо иначе мы будемъ этой самой грамотности ставить палки въ колеса. Мы хотѣли бы вѣрить, что всѣ воспитатели народа, прямые и косвенные, отъ крохотной школы грамоты до зданія у Чернышева моста, признаютъ эту не хитрую истину, защитятъ Южную Русь отъ новыхъ вандаловъ, посягающихъ на ея юную и неокрѣпшую грамотность, и скажутъ имъ „руки прочь!".

Глава X.

Подкопъ подъ русскую школу.

§ 42. **Народный учитель Гринченко.** Покушенія на превращеніе южнорусской школы въ малорусскую начались сознательно еще въ украинофильскую эпоху (буквари Кулиша и Шевченка, воскресныя школы). Въ 80-хъ гг. прошлаго вѣка, когда старое украинофильство уступало дорогу руссофобскому украинству, много ратовалъ за идею украинизаціи южно-русской школы послѣдователь Драгоманова, талантливый недоучка Борисъ Гринченко. Вся дѣятельность этой крупнѣйшей личности изъ эпохи формированія украинской партіи въ Россіи очень интересна. Въ теченіе 13 лѣтъ (съ 1881 г.) Гринченко перебывалъ сельскимъ учителемъ во многихъ школахъ лѣвобережной Малороссіи и держался вездѣ конспиративной тактики, обрисованной уже послѣ его смерти въ воспоминаніяхъ его друзей и поклонниковъ. Ученикамъ своимъ Гринченко преподавалъ сразу два языка: русскій (оффиціально) и малорусскій (секретно). Для отвода инспекторскаго глаза, ученики дрессировались имъ въ томъ смыслѣ, что давали отвѣты на томъ языкѣ, на какомъ имъ предлагался вопросъ; благодаря этому, учитель попадался при ревизіяхъ сравнительно рѣдко. Ученики Гринченка писали по-малорусски диктовку и

„**У. Д.**" 169—171 355 и 397—398.

переложенія, а также образцы писемъ къ роднымъ; неукоснительно заводилъ онъ при каждой школѣ отдѣльную малорусскую библіотеку. Для преподаванія исторіи Гринченко пользовался какъ оффиціальными русскими, такъ и малорусскими учебниками лубочнаго изданія, при чемъ и тѣ, и другіе подвергалъ своеобразной кастраціи: тѣ страницы, откуда ученики могли вынести понятія, неудобныя для яраго автономиста-наставника (напр., о единствѣ и солидарности интересовъ всѣхъ вѣтвей русскаго народа), Гринченко вырѣзалъ, а вмѣсто нихъ вклеивалъ фальсифицированный текстъ своего сочиненія, писанный *печатными* буквами. По такому же кропотливому способу изготовлялъ онъ и малорусскія хрестоматіи; будучи сотрудникомъ (съ 1888 г.) львовской „Правды", Гринченко доставалъ всѣми способами львовскія изданія, откуда знакомился и съ фонетикой, и съ галицко-украинскими неологизмами, дѣлясь этими знаніями со своими учениками. Болѣе способныхъ изъ нихъ онъ готовилъ къ педагогической карьерѣ: они и сейчасъ (1910 г.) *учительствуютъ* и, такимъ образомъ, *продолжаютъ на Украйнѣ его дѣло.* Въ 1905—1906 гг. бывшіе ученики Гринченка принимали большое участіе въ освободительномъ движеніи, а теперь, по отбытіи наказанія, занимаются сельской коопераціей. Легко убѣдиться, что Гринченко былъ въ душѣ не педагогомъ, а слѣпымъ обскурантомъ - агитаторомъ. Журналъ „Укр. Жизнь" опубликовалъ въ 1912 г. письмо извѣстной харьковской дѣятельницы на педагогическомъ поприщѣ Х. Д. Алчевской; въ ея имѣніи юноша Гринченко учительствовалъ въ основанной ею народной школѣ. Возвратясь (послѣ каникулъ) изъ-за границы, г-жа Алчевская посѣтила школу и не увидѣла тамъ ни одной дѣвочки (раньше ихъ тамъ училось нѣсколько). „Оказалось, пишетъ г-жа Алчевская, что Б. Д. (Гринченко) не сдѣлалъ новаго пріема, находя, что *не слѣдуетъ калѣчить украинскую женщину обученіемъ на чуждомъ ей великорусскомъ языкѣ*".

Съ 1893—1901 гг. Гринченко, вынужденно покинувъ педагогическую дѣятельность и устроившись на земской службѣ въ Черниговѣ, издалъ 50 популярныхъ украинскихъ брошюръ въ 200 тысячахъ экз.; много занимался онъ и публицистикой (въ русской прессѣ). Въ 1906—7 гг. вышли его „Оповідання з украинск. старовіни" и (конфискованная) краткая исторія Украины подъ назв. „Як жив український народъ", а также цѣлый рядъ „педагогическихъ" брошюръ, изъ которыхъ брошюрка „Якоі нам треба школи" вышла въ 1912 г. третьимъ

изданіемъ. Въ ней авторъ исходитъ отъ *завѣдомо* ложныхъ посылокъ. Съ 1906 года, по его словамъ, „всѣ манифесты, правительственныя распоряженія и законы (въ Россіи) печатаются постоянно въ украинскомъ переводѣ“. Авторъ увѣряетъ, что „у *нѣмцевъ и рабочіе, и господа,* и необразованные люди, и образованные—всѣ *говорятъ однимъ* нѣмецкимъ *языкомъ* и ничего не знаютъ о „панскомъ“ и „мужицкомъ“ языкахъ; тоже самое мы видимъ у *французовъ, итальянцевъ* и другихъ народовъ: вездѣ у каждаго народа есть свой языкъ, и на этомъ языкѣ говоритъ весь народъ—и *простонародье и образованные люди*“. Будучи филологомъ-спеціалистомъ, Гринченко не могъ не знать о пестротѣ народныхъ діалектовъ нѣмецкихъ и итальянскихъ, отдѣляемыхъ цѣлой пропастью отъ своего литературнаго языка, равно какъ и о полномъ отсутствіи сходства между французскимъ языкомъ и рѣчью басковъ, бретонцевъ и т. д., не говоря уже о крупныхъ особенностяхъ въ отдѣльныхъ діалектахъ самого французскаго языка. Поэтому, ложь, преподносимая имъ въ популярной брошюрѣ, является самымъ грубымъ шантажемъ, темной игрой, разсчитанной на темноту читателя. Историческія популярныя брошюры Гринченка составлены по сочиненіямъ Грушевскаго и приправлены политическими взглядами школы Драгоманова. Великороссовъ Гринченко считаетъ помѣсью украинцевъ съ финнами, а языкъ ихъ—*украинско-финскимъ.*

§ 43. **Доводы за украинизацію школы.** Агитація за превращеніе русской школы на Югѣ въ украинскую ведется съ 1906 года всѣми органами партійной печати и ихъ добровольными подголосками. Въ послѣдніе 2—3 года партія старается чрезъ русскую прессу воздѣйствовать на общественное мнѣніе и законодательные круги, а при помощи украинскаго печатнаго слова обрабатываетъ народныхъ учителей и грамотный сельскій людъ. Можно сказать, что на этомъ вопросѣ сконцентрированы теперь всѣ усилія украинской партіи, какъ на единственномъ рычагѣ, способномъ сдѣлаться точкой опоры для всѣхъ будущихъ построеній, намѣченныхъ украинствомъ. Успѣхи въ этомъ направленіи непосредственно увеличиваютъ число сторонниковъ партіи на Югѣ; неудачи грозятъ самому ея существованію. Украинизація школы является, слѣдовательно, не простымъ козыремъ партійной программы, а той питательной средой, откуда партія черпаетъ свои соки; прекращеніе доступа къ этимъ сокамъ—смертный приговоръ для

„**У. Д.**“ 349—350.

партіи и—превращеніе ея лидеровъ въ безвреднѣйшихъ маніаковъ-резонеровъ.

Домогательства свои на право или возможность распоряжаться въ южной школѣ партія подкрѣпляетъ цѣлымъ рядомъ аргументовъ, ссылаясь 1) на историческія школьныя традиціи Юга, 2) на научные педагогическіе авторитеты, 3) на дефекты современной южнорусской школы и 4) на превосходство украинскаго языка надъ русскимъ въ качествѣ средства преподаванія въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ малорусскимъ населеніемъ.

„У. Д." 350—354. § 44. **Историческая традиція.** Южнорусская школьная традиція выдвигается публицистами украинской партіи безъ достаточныхъ основаній и въ единственной надеждѣ на малую литературную освѣдомленность читателей. По заявленію проф. М. Грушевскаго, „украинскій народъ (въ XVII—XVIII вв.) создалъ своими убогими средствами густую сѣть школъ, съ которой едва ли можетъ сравниться нынѣшняя. Харьковскій проф. Багалѣй приводитъ данныя о переписи 1732 года въ Слободской Украинѣ, гдѣ оказался такой же процентъ школяровъ по отношенію къ населенію, какой существовалъ въ харьковской губ. въ 1882 г. О лѣвобережной Украинѣ насъ увѣряютъ, что въ половинѣ XVIII столѣтія она была покрыта густой сѣтью школъ: не было почти ни одного села безъ школы; на земляхъ запорожскаго низоваго братства, по словамъ духовнаго писателя епископа Феодосія (Макаревскаго, † 1885), были школы при каждой церкви.

Г. Грушевскій и его послѣдователи основываются, обыкновенно, на дневникѣ сирійца Павла Алеппскаго (1653—4 гг.). Переѣхавъ изъ Молдавіи въ мѣст. Рашковъ Брацлавскаго воеводства на Подоліи, сиріецъ пишетъ: „Начиная съ этого города (Рашкова) и по всей землѣ русскихъ, то-есть козаковъ, мы замѣтили возбудившую наше удивленіе прекрасную черту: всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы; кромѣ того, священники обучаютъ сиротъ.... Дѣти—многочисленнѣе травы и всѣ умѣютъ читать". Путешественники „видѣли многочисленныя церкви, встрѣчали вездѣ дьяковъ и простой народъ съ молитвенниками". Брацлавское воеводство граничило на Югѣ съ т. наз. „Дикими Полями", а на западѣ—съ линіей турецкой оккупаціи, что ставило его подъ удары турокъ и татаръ. Если вспомнить свыше полувѣковую бурю козачьихъ возстаній противъ Короны

и усмиреній, пронесшихся надъ краемъ, то трудно не заподозрить автора дневника въ нѣкоторой склонности глядѣть на окружающее чрезъ розовые очки. Предположимъ, однако, что дневникъ фотографически точно отражаетъ былую культуру Подоліи. Культура эта была, во всякомъ случаѣ, болѣе польской, чѣмъ восточно-славянской. Составляя въ Подоліи 25% всего населенія, горожане давали краю въ XVII вѣкѣ довольно рѣзкую польскую физіономію. Духовенство было здѣсь, по преимуществу, католическое или уніатское. Намъ думается, что описанія Павла относятся къ болѣе крупнымъ мѣстечкамъ и городамъ и рисуютъ бытъ польскаго или полонизованнаго (уніатскаго) населенія. Станутъ тогда понятны и молитвенники въ рукахъ у жителей; съ такими молитвенниками ходятъ въ храмъ и въ наше время въ деревняхъ Польши и Германіи рядомъ съ грамотными также неграмотные крестьяне, и никому эта старинная традиція не кажется удивительной.

Свѣдѣнія о южнорусскихъ церковно-приходскихъ школахъ XVIII в., даваемыя епископомъ Феодосіемъ, оставляютъ совершенно открытымъ вопросъ о качествѣ источниковъ, которыми онъ пользовался. Статистикѣ г. Багалѣя и даннымъ еп. Феодосія мы противупоставимъ важное по существу разъясненіе историка Крыжановскаго (Сочин. III. 397). „Гораздо прежде XVI в.,—говоритъ онъ, въ Южной Россіи видимъ при церквахъ приходскихъ, а также и при монастырскихъ *школы*, въ которыхъ дѣти прихожанъ обучаются церковному чтенію и пѣнію, обыкновенно подъ руководствомъ дьячка, въ отведенномъ для него домѣ... Въ XVIII вѣкѣ мы ближе знакомимся съ этими школами. Въ каждомъ приходѣ, въ домѣ дьячка ютится по нѣскольку мальчиковъ, преимущественно изъ сиротъ или же бѣднѣйшихъ прихожанъ. Подъ непосредственнымъ руководствомъ дьячка, они изучаютъ букварь, часословъ и псалтирь... *сельскія школы, существовавшія на югѣ Россіи до конца XVIII ст., не были школами собственно народными: онѣ имѣли цѣлію не столько образованіе, ...сколько приготовленіе церковно-служителей*“. Ясно, что русскую грамотность (а тѣмъ болѣе фантастическую „малорусскую“) эти школы дать не были способны, какъ не давали ея и мѣстныя школы высшихъ ранговъ. По этому поводу мы совѣтовали бы всѣмъ современнымъ поборникамъ украинизаціи южной школы твердо помнить дружеское предостереженіе М. Драгоманова, который еще 20 лѣтъ тому назадъ писалъ: „*Неудобно* требо-

вать, чтобы украинскому языку вернули всѣ его права. Неудобно, ибо въ старыхъ нашихъ школахъ народный украинскій (sic) языкъ употреблялся *очень мало* при церковномъ (т. е. *церковно-славянскомъ*) и даже польскомъ языкѣ.

„У. Д.“ 356—360. § 45. **Научные авторитеты.** Украинская партія, добиваясь украинизаціи южно-русской школы, любитъ ссылаться на защитниковъ приближенія народной школы къ мѣстнымъ говорамъ изъ ареопага западно-европейскихъ и русскихъ педагоговъ. Обыкновенно при этомъ цитируются мнѣнія француза Бреаля, нѣмцевъ Ратиха, Дистервега, Бургвардта, Рихтера и Гильдебрандта и русскихъ педагоговъ Потебни, Весселя и Ушинскаго. Не трудно убѣдиться, что такія ссылки—облыжны.

Проф. Бреаль увлекался включеніемъ въ програму французскихъ школъ и изученія языка средневѣковыхъ трубадуровъ, но какъ языка *мертваго,* видя въ этомъ лишь способъ *классическаго* обученія французскому языку. Нѣмецкій писатель XVII в. Вольфгангъ Ратихъ дѣйствительно ратовалъ за школьное преподаваніе на родномъ (нѣмецкомъ) языкѣ, но это была борьба противъ господства въ школахъ чужой и мертвой латыни. Знаменитый нѣмецкій педагогъ Дистервегъ и его послѣдователь Альбертъ Рихтеръ видѣли въ діалектахъ и народныхъ говорахъ лишь *орудіе для дачи объясненій* въ начальныхъ школахъ грамоты; объ изученіи самихъ діалектовъ (школьниками) или о составленіи школьныхъ руководствъ не на литературномъ языкѣ вовсе не подымалось вопроса. Нѣмецкіе педагоги Бургвардтъ и, особенно, Гильдебрандтъ пошли дальше: они предлагали мѣстныя нарѣчія (Muttersprache) въ качествѣ языка преподаванія для 1—2 первыхъ группъ начальной сельской школы и для сельскихъ дѣтскихъ садовъ. Предложеніе это почти не встрѣтило сочувствія и не вышло изъ стадіи теоретическихъ кабинетныхъ разсужденій. Иначе относятся нѣмцы къ школамъ среди *чужеязычнаго* населенія (кромѣ польскихъ). Въ Шлезвигѣ существуютъ первоначальныя школы съ датскимъ языкомъ преподаванія на первыхъ ступеняхъ его; по саксонскому школьному закону, въ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ венды (славяне), языкомъ преподаванія въ первые годы обученія является вендскій языкъ. Тѣ же мѣры практикуются и у насъ въ школахъ для кавказскихъ инородцевъ.

Талантливый филологъ, харьковскій проф. Потебня былъ не только малороссомъ и украинофиломъ, но и фанатикомъ политическаго сепаратизма. Его нападки на русское препода-

ваніе въ Южной школѣ, его проповѣдь замѣны этого преподаванія малорусскимъ вытекали главнымъ образомъ изъ ненависти къ „кацапамъ", которую онъ переносилъ и на русскій (кацапскій) языкъ. Къ характеристикѣ проф. Потебни добавимъ, что онъ воспитывался въ Польшѣ, а его братъ участвовалъ въ польскомъ мятежѣ 1863 г., находясь въ рядахъ повстанцевъ.

Авторъ „Родного Слова" и „Дѣтскаго Міра" К. Д. Ушинскій, командированный въ 1862 г. за границу министромъ украинофиломъ Головнинымъ, рапортовалъ о видѣнной имъ въ Бернѣ „малолѣтней" женской школѣ, гдѣ съ дѣтьми занимаются на мѣстномъ бернско-нѣмецкомъ діалектѣ; по аналогіи вспоминаетъ Ушинскій о народной школѣ въ Малороссіи, гдѣ русскій языкъ усвояется дѣтьми очень плохо. Но комплектъ бернской школы состоялъ изъ дѣтей 3—6 лѣтъ, которыя, какъ подчеркнулъ нашъ педагогъ, „не учатся, а играютъ"; слѣдовательно, рѣчь идетъ у него не о школѣ, а о *дѣтскомъ садѣ*; притомъ Ушинскій добавляетъ, что *„главной* своей задачей школа ставитъ усвоеніе дѣтьми въ совершенствѣ общенѣмецкаго языка". Да и программа „первоначальныхъ" школъ кантона (деревенскихъ) требуетъ, чтобы дѣти (6—10 лѣтъ) „были научаемы въ отечественномъ (нѣмецкомъ) языкѣ до правильнаго и легкаго употребленія его въ рѣчи и на письмѣ". См. § 10.

Русскій педагогъ Вессель, опять-таки въ головнинскую эру, высказывался, правда, „противъ обученія въ начальныхъ школахъ на чужомъ языкѣ", видя въ этомъ методѣ „извращеніе самостоятельнаго развитія (каждаго даннаго) народа". Аргументація Весселя построена, однако, на нуждахъ населенія, говорящаго языкомъ нерусскаго корня (татары, грузины, армяне и т. п.).

Именамъ Ушинскаго и Весселя, не подозрѣвавшихъ, конечно, что малорусская литература станетъ рядиться въ платье жаргонно-польскаго фасона, мы можемъ противопоставить ихъ труды („Родное Слово" перваго и „Школьныя Пѣсни" второго), которые пріобрѣли на Югѣ громадную популярность и помимо школъ, служа прямымъ доказательствомъ доступности толковой русской книги пониманію обучающихся грамотѣ малороссовъ.

§ 46. **Критика русской школы.** Мудрствованія украинской партіи клонятся къ тому, чтобы доказать полную непригодность русской школы для малороссовъ. Педагогъ Гринченко поучаетъ малорусскихъ крестьянъ такъ: „Мы невѣжественны „У. Д." 360—362.

потому, что у насъ наука поганенькая, да и этой поганенькой науки мы не понимаемъ, ибо она на чужомъ языкѣ: у насъ по школамъ учатъ не на нашей украинской мовѣ, а на московской (панской)". По мнѣнію педагогическаго журнала „Світло", малорусское „дитя выходитъ изъ школы не болѣе образованнымъ, чѣмъ оно туда поступило. Растетъ количество школъ, но не растетъ народное просвѣщеніе". Московскій „украинецъ" А. Саликовскій требовалъ въ 1911 г. „провести коренную реформу на національномъ фундаментѣ всѣхъ украинскихъ школъ (отъ первоначальныхъ до высшихъ)".

Вопроса о нападкахъ Б. Гринченка на „поганенькую науку" мы не касаемся, ибо онъ не относится къ нашей темѣ. На прочіе вопли, какъ видимъ—голословные, ограничиваемся, въ подкрѣпленіе тезиса о доступности русской рѣчи малорусскимъ дѣтямъ, нѣсколькими краткими справками. Покойный проф. Н. П. Дашкевичъ, малороссъ и украинофилъ, считалъ преувеличеніемъ толки о томъ, будто „усвоеніе русскаго литературнаго языка представляетъ для украинскаго народа значительныя трудности"; по его мнѣнію, „въ школѣ и учебной литературѣ почти нѣтъ мѣста малорусскому нарѣчію". Харьковское губернское земское собраніе въ 1911 г., обсуждая докладъ управы въ пользу украинскаго преподаванія въ начальныхъ школахъ, приняло формулу спеціальной коммиссіи, которой было поручено разсмотрѣніе доклада, и которая „въ виду разнообразія говоровъ и нарѣчій въ харьковской губ., признала *наиболѣе понятнымъ для всѣхъ языкъ русскій*". Въ прошломъ году, при обсужденіи въ Гос. Совѣтѣ вопроса объ изгнаніи русскаго языка, какъ языка преподаванія, изъ малорусской школы, украинофилъ проф. Багалѣй заявилъ, что при обученіи малорусскихъ дѣтей *въ очень глухихъ мѣстностяхъ* („въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ хуторахъ и деревняхъ, гдѣ не говорятъ по-русски") слѣдуетъ въ теченіе перваго года допустить пользованіе малорусскимъ нарѣчіемъ *для объясненія непонятныхъ словъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ профессоръ призналъ малорусское нарѣчіе *вѣтвью* русскаго языка, *весьма близкою* къ русскому литературному языку; онъ отвергалъ необходимость или пользу обученія въ школахъ малорусскому нарѣчію и призналъ, что русскій языкъ въ послѣднія десятилѣтія сдѣлалъ не только въ городахъ, но и въ малорусскихъ селеніяхъ большіе успѣхи. И будетъ, добавимъ мы, дѣлать еще бóльшіе тамъ, гдѣ народные учителя

добросовѣстно выполняютъ присягу и принятыя на себя обязанности.

§ 47. **Подтасовка статистики.** Защитники идеи украинизацiи южной школы любятъ опираться на статистику грамотности на нашемъ Югѣ, какъ на доказательство непродуктивности школьнаго просвѣщенiя въ Малороссiи и Новороссiи. На эту зловѣщую статистику ссылаются и въ рефератахъ, и въ докладныхъ запискахъ, и въ публицистикѣ, и въ популярныхъ брошюрахъ. Заимствуемъ формулировку этого тезиса изъ журнала „Світло". „Не только вѣдомостями общей переписи 1897 г.", пишетъ „Світло", „но и земскими обслѣдованiями въ дѣлѣ народнаго просвѣщенiя доказано, что украинскiй народъ, въ отношенiи грамотности, далеко отстаетъ, хотя бы, напр., отъ великорусскаго. На основанiи переписи 1897 года стало извѣстно, что на Югѣ Россiи (три украинскихъ губ., три новороссiйскихъ и три юго-западныхъ) считается 19,3% грамотныхъ, а въ подольской губ. процентъ этотъ еще меньше—15,5%, между тѣмъ какъ для всей Европейской Россiи мы имѣемъ 22,9% грамотныхъ". Конечно, указываемая „Світломъ" разница въ 3,6%, на первый взглядъ импонируетъ; въ дѣйствительности, она для нашей цѣли малоубѣдительна. Изъ 50 губ. Европейской Россiи, великороссы во многихъ (и кромѣ южныхъ) не составляютъ большинства, а потому часть этихъ губернiй для оцѣнки грамотности великороссовъ непригодна; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ 3 остзейскiя, гдѣ грамотность стоитъ выше 76%, прямо затемняютъ положенiе; отчасти это можно сказать и о неудобствѣ соединять воедино грамотность низшую (которая насъ, собственно, и интересуетъ) со среднимъ и высшимъ образованiемъ, ибо тогда намъ пришлось бы имѣть дѣло и съ петербургской губ., гдѣ % грамотности подымается до 55%. Мы, поэтому, повторимъ работу „Світла", но, чтобы не удаляться отъ сути дѣла, дадимъ погубернскiя свѣдѣнiя лишь о лицахъ, обучавшихся въ низшихъ школахъ, а также о лицахъ хотя бы и не школьнаго ценза, но обладающихъ элементарной грамотностью. Число такихъ лицъ въ 50 губернiяхъ Европейской Россiи было, по переписи 1897 г., опредѣлено въ 20.320 тысячъ, что, при общемъ населѣнiи этихъ губернiй въ 93.442 тысячи, дастъ 21,8% элементарно-грамотныхъ, т. е. немногимъ менѣе числа *всѣхъ* грамотныхъ (22,9%), приводимаго „Світломъ" и другими источниками. Сейчасъ, мы убѣдимся, что и цифры для Юга близки къ вышецитированнымъ.

„У. Д." 362—368.

Таблица I.

Южныя губерніи.	% малорусск. населенія.	Населеніе въ тысячахъ.	Элемент. грамотн. въ тысячахъ.	% элемент.-грамотн.
Подольская	81%	3.018	450	15%
Харьковскаая	80%	2.492	384	15,4%
Полтавская	93%	2.778	446	16%
Волынская	70%	2.989	493	16,5%
Кіевская	80%	3.559	598	16,8%
Черниговская	66%	2.298	402	17,5%
Екатеринославская . .	69%	2.114	433	20,5%
Херсонская	54%	2.734	657	24,1%
Таврическая	41%	1.448	380	27,1%
Общая сумма . .		23.430	4.243	18,1%

На рѣзкій подъемъ процента грамотности въ трехъ новороссійскихъ губерніяхъ имѣютъ, несомнѣнно, главное вліяніе многочисленныя нѣмецкія колоніи.

Такимъ образомъ мы видимъ, что элементарно-грамотные девяти южныхъ губ. составляли въ 1897 году—18,1% населенія. Идя далѣе по пути, начертанному „Світломъ", мы сказали бы, что южныя губерніи отстали на 3,7% отъ элементарной грамотности всѣхъ 50 губерній Европейской Россіи. Мы предпочтемъ, однако, по вышеизложеннымъ соображеніямъ, иной путь. Мы возьмемъ *подъ рядъ* десятокъ центральныхъ великорусскихъ губерній, оставляя къ Западу и Югу губерніи со смѣшаннымъ или инородческимъ населеніемъ. Этотъ поясъ мы начнемъ отъ озера Чудского на Западѣ до сліянія Самары съ Волгой на Востокѣ; онъ охватитъ последовательно губерніи: псковскую, смоленскую, калужскую, орловскую, тульскую, рязанскую, тамбовскую, пензенскую, нижегородскую и симбирскую. Избрали мы эту непрерывную зону великорусской осѣдлости единственно по той причинѣ, что болѣе сѣверное направленіе захватило бы промышленный московско-ярославскій районъ, который по проценту элементарной грамотности населенія (35% для ярославской и 36,6% для московской губерній) стоитъ, такъ сказать, „внѣ конкурса". Восточнѣе же симбирской губерніи идутъ уже губерніи со смѣшаннымъ населеніемъ.

Таблица II.

Великорусскія губерніи.	% великороссовъ.	Населеніе въ тысячахъ.	Элемент. грамотн. въ тысячахъ.	% элемент.-грамотн.
Псковская	95%	1.122	153	13,7%
Пензенская	83%	1.470	204	13,9%
Симбирская	68%	1.528	226	14,8%
Тамбовская	96%	2.684	423	15,8%
Смоленская	90%	1.525	246	16,1%
Орловская	100%	2.034	337	16,9%
Калужская	100%	1.133	208	18,3%
Рязанская	100%	1.802	349	19,4%
Тульская	100%	1.419	279	19,7%
Нижегородская	94%	1.585	334	21%
Общая сумма . .		16.302	2.759	16,9%

Наши таблицы, составленныя по рецепту „Світла", говорятъ, что народная грамотность великорусскаго населенія, прослѣженная на громадномъ сплошномъ пространствѣ въ 400 тысячъ квадратныхъ верстъ, стоитъ на одинаковомъ печальномъ уровнѣ съ грамотностью малороссовъ въ южныхъ и югозападныхъ губерніяхъ. Если мы сравнимъ полтавскую губернію съ тамбовской, кіевскую съ орловской, а екатеринославскую съ нижегородской, то встрѣтимся лицомъ къ лицу съ одною и тою же эндемической общерусской болѣзнью—школьнымъ голодомъ или просвѣтительнымъ недоѣданіемъ. „Кацапу" нечѣмъ похвастаться предъ „хохломъ", которому, въ свою очередь, нѣтъ повода завидовать своему „земляку" (такъ именовали въ интермедіяхъ козаки своихъ братьевъ-великороссовъ). Какъ любятъ „украинцы" дѣлать изъ поддѣльной „мухи" большущаго слона, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ. Съ марта 1908 года въ Государственной Думѣ лежитъ подъ сукномъ законопроектъ за 37 подписями объ украинскомъ преподованіи въ народныхъ школахъ Юга. Въ объяснительной запискѣ къ законопроекту сказано, будто теперь „въ средѣ украинскаго народа грамотныхъ *вдвое меньше*, чѣмъ въ средѣ народа великорусскаго".

Обслѣдованія земскихъ статистиковъ Юга, на которыя глухо ссылается „Світло", непригодны въ качествѣ матеріала для выводовъ по сравнительному методу. Тамъ же, гдѣ этотъ методъ удавалось примѣнить, получаются неожиданные результаты, съ обвиненіями противъ монополіи русскаго языка въ южной школѣ ничего не имѣющіе общаго. Въ то время какъ во многихъ великорусскихъ губерніяхъ стоитъ на очереди вопросъ объ устройствѣ народныхъ библіотекъ въ такомъ числѣ, чтобы удовлетворить потребности всего населенія, на Украинѣ такія народныя библіотеки встрѣчаются лишь изрѣдка. Такъ, напр., въ константиноградскомъ уѣздѣ полтавской губерніи на 300 тысячъ населенія приходится всего только 6 библіотекъ, тогда какъ въ пермской губерніи на каждый уѣздъ, съ такимъ же населеніемъ, имѣемъ въ среднемъ по 50 библіотекъ.

Что касается до увѣреній украинской партіи, будто украинскій языкъ пригоденъ и полезенъ въ качествѣ орудія и даже предмета преподаванія, то мы въ правѣ спросить, что именно намъ подъ этимъ названіемъ предлагаютъ. Если это будетъ родное школьнику мѣстное нарѣчіе, то ему можетъ быть отведена лишь весьма скромная служебная роль при ознакомленіи съ русскимъ (или великорусскимъ) лексическимъ матеріаломъ, но тутъ, въ качествѣ орудія объяснительнаго, нарѣчіе это будетъ входить въ русскія фразы отдѣльными словами и, такъ сказать, расплываться въ русской рѣчи; поэтому, вопросъ о преподнесеніи школьникамъ букварей и хрестоматій на этомъ нарѣчіи, равно какъ и грамматикъ для его изученія, самъ собою отпадаетъ. Если же для нашей южной школы „пропонуютъ" языкъ современной украинской прессы, то намъ рекомендуютъ новый языкъ, съ которымъ *хотятъ сроднить* населеніе, а вовсе не родной ему. Помимо недопустимости этого языка на порогъ нашей школы ради чисто принципіальныхъ соображеній, мы напоминаемъ читателю все сказанное въ этой книгѣ раньше объ убожествѣ этого языка съ культурной точки зрѣнія и о его рѣзкой польской закваскѣ, низводящей нашъ родной Днѣпръ на степень захудалаго притока коварной Вислы.

„У. Д." 360 и 371. § 48. **Аппетиты украиномановъ.** Въ „Русск. Мысли" 1911 г. нѣкій „Украинецъ", полемизируя съ извѣстнымъ публицистомъ Струве, прекрасно очертилъ тѣ послѣдствія, какія повлекла бы за собой легальная украинизація низшей школы. „Надѣюсь, пишетъ онъ, что вы признаете потребность въ устрой-

ствѣ начальной украинской школы для украинскаго населенія. Но, если вы признаете эту потребность, то должны будете признать и потребность въ открытіи украинскихъ учительскихъ семинарій и въ контингентѣ преподавателей для нихъ, т. е. потребность въ созданіи средняго и высшаго образованія по-украински". Ту же мысль развилъ видный публицистъ и дѣятель украинства С. Ефремовъ. „Если мы согласимся на существованіе низшей народной украинской школы, говоритъ онъ, то должны будемъ согласиться и на вытекающее отсюда право людей продолжать образованіе и заканчивать его на родномъ языкѣ, разъ они уже начали учиться на немъ".

Такія указанія имѣютъ высокую цѣну. Отличаясь не меньшей искренностью, чѣмъ логичностью, доводы эти должны быть и для публициста, и для государственнаго дѣятеля тѣмъ настоятельнымъ „Memento!", которое можетъ предохранить его отъ поверхностнаго и маниловски-добродушнаго отношенія къ вопросу объ украинизаціи начальной южно-русской школы. Если кто желаетъ способствовать этому дѣлу, то пусть разочтетъ, какое зданіе предполагается воздвигнуть; пусть не уподобится онъ ученику алхимика, который съумѣлъ вызвать призракъ, но не нашелъ потомъ формулы заклинанія, чтобы отъ этого призрака избавиться. Здѣсь, и только здѣсь зарыта собака вопроса о партикуляризаціи южно-русской школы. Не о качественномъ улучшеніи этой школы заботится украинская партія, а о томъ, чтобы съ помощью школы бороться противъ русской культуры. Такъ обстояло и будетъ обстоять дѣло, если говорить о немъ на чистоту, безъ мудрствованій лукавыхъ.

§ 49. **Совращеніе народныхъ учителей.** До 1906 г. школьная пропаганда украинства ограничивалась почти исключительно тѣмъ, что „сознательные украинцы" старались занимать мѣста преподавателей въ учебныхъ заведеніяхъ, поставляющихъ сельскій учительскій персоналъ: въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, духовныхъ семинаріяхъ, церковно-учительскихъ школахъ и женскихъ епарх. училищахъ. Тамъ они принимались за сѣяніе идей украинства. Таковъ былъ, напр., одинъ преподаватель учит. семинаріи въ Екатеринодарѣ, который пользовался любовью воспитанниковъ и *умѣлъ вызвать* у нихъ глубокій *интересъ* къ тому, что было главнымъ содержаніемъ его жизни,—*къ украинству*. Украинство для него не было вопросомъ лишь языка или культуры и просвѣщенія: въ его

„**У. Д.**" 371—375.

глазахъ оно должно было охватывать собой всѣ стороны соціально-политической и культурно-экономической жизни украинскаго народа. Преподаватель одного изъ женск. дух. училищъ въ Кіевѣ въ докладной запискѣ доказывалъ совѣту, что въ школѣ, гдѣ учатся *дочери* исключительно *батюшекъ* изъ Украины, которыя *современемъ станутъ сами учительницами* также въ украинскихъ селахъ,—*уроки* исторіи Украины, *исторіи украинскаго языка* и литературы прямо необходимы. Къ такому же типу принадлежалъ священникъ, завѣдывавшій до 1911 г. церковно-учительской школой въ г. Винницѣ.

Съ 1906 г. агитацію среди народныхъ учителей повела украинская пресса. Школьный учитель, по словамъ „Світла", долженъ позаботиться, чтобы въ сельскихъ библіотекахъ были украинскія книжки... ибо безъ украинскихъ книжекъ земскія библіотеки ничего добраго не даютъ нашему народу. Украинскія сценическія представленія въ школѣ, по мнѣнію „Світла",—наилучшій *учитель языка* и, притомъ, правильнаго, *литературнаго...* Въ современной, насквозь обрусѣвшей (зрусіфіцірованій) школѣ на Украинѣ, *украинская пьеса* имѣетъ свою *особенную миссію*: хоть на сценѣ ученикъ услышитъ свой родной литературно-обработанный языкъ. Учителю, пріѣхавшему въ новую школу, „Світло" даетъ инструкцію, съ чего начинать работу со школярами или со старшими парнями, окончившими школу; тутъ фигурируютъ совѣты: „научить душъ 20 молодежи, какъ разбираться въ украинской книгѣ", „дать нѣсколько диктовокъ, чтобы хлопцы болѣе или менѣе усвоили *украинское правописаніе*" и пріохотить ихъ *къ выпискѣ* украинскихъ брошюръ, книжекъ, а въ складчину и *украинскихъ газетъ*. „Рада" втолковываетъ учителямъ, что *украинизировать школьную или ученическую жизнь* можно и безъ оффиціальнаго разрѣшенія *частнымъ образомъ;* нужно, чтобы наша современная школьная молодежь воспитывалась *въ украинскомъ духѣ*, на украинской литературѣ и искусствѣ. Въ другой статьѣ „Рада" приглашаетъ пользоваться пока *обходными путями*, чтобы сберечь украинскій народъ отъ національной смерти. Не забываетъ „Рада" и будущихъ учителей и пастырей народныхъ. Духовная школа, по мнѣнію газеты, должна была бы *обучать* будущихъ священниковъ тому языку, на которомъ говоритъ народъ, т. е. *языку украинскому;* она должна была бы включить въ свою программу не только формальное изученіе языка со стороны этимологіи и синтаксиса, но и изученіе литературы украинской и исторіи

украинскаго народа; словомъ, духовная школа должна была бы украинизироваться.

За послѣдніе 3—4 года „сознательные“ народные учителя вербуютъ себѣ сторонниковъ на лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ.

§ 50. **Лѣтніе курсы.** На лѣтнихъ учительскихъ курсахъ 1910 г. въ Петербургѣ, гдѣ число курсистовъ-малороссовъ не превышало 15% (150 на 1000), украинской пропагандой занялось „СПБ. Благотворительное Общество изданія дешевыхъ и общеполезныхъ книгъ“: оно устроило украинскій отдѣлъ при курсовой выставкѣ школьныхъ учебниковъ, пособій и книгъ для самообразованія. Въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ учебниковъ, преимущественно изъ Галиціи, были выставлены (и продаваемы) брошюры Гринченка по украинизаціи южной школы и Записка Академіи Наукъ (аналогичной тенденціи). Въ 1911—1912 г. такія выставки украинскихъ учебниковъ были устроены на курсахъ въ Харьковѣ, Полтавѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ и Александріи (херсонск. губ.). Нынѣшнимъ лѣтомъ для полтавскихъ курсистовъ такая выставка была устроена въ помѣщеніи земской управы, гдѣ читалась часть лекцій.

„У. Д.“ 295—296. 379—386.

См. § 24.

Харьковскіе курсисты 1911 г. выработали (одобренный позднѣе земскимъ собраніемъ) каталогъ для народныхъ библіотекъ; украинскій его отдѣлъ предназначенъ какъ для *крестьянъ*, такъ и для сельской интеллигенціи *(священниковъ, учителей, фельдшеровъ* и проч.). Кромѣ обычныхъ отдѣловъ, украинскій каталогъ вмѣщаетъ *школьные учебники и періодическія изданія;* кромѣ книгъ, изданныхъ въ Россіи, есть въ немъ и *галицкія книги;* не забыты и переводы на украинскій языкъ произведеній *чужихъ* литературъ (въ томъ числѣ русской). На собесѣдованіяхъ курсистовъ кое-кто изъ учителей сообщилъ, что ими практикуются классныя переложенія не только русскія, но и украинскія; одинъ учитель держалъ на собесѣдованіи рѣчь по-украински, извиняясь, что за 10 лѣтъ своей науки говорить по-русски не научился (?).

На полтавскихъ курсахъ 1911 г. читалась специальная исторія Южной Руси. Здѣсь развязный, но хромающій по части логики лекторъ поучаетъ курсистовъ, что для всей исторической территоріи украинскаго народа въ наукѣ въ настоящее время входитъ въ употребленіе названіе Украина, это— съ одной стороны; съ другой—онъ увѣряетъ, что по имени территоріи удобнѣе и правильнѣе и самый народъ, который творилъ на ней свою исторію и представлялъ изъ себя одно

этнографическое цѣлое, называть украинскимъ. Къ прошлому году земская управа „по желанію учителей“ открыла украинскій отдѣлъ музея наглядныхъ пособій. Уже въ русской части каталога музея мы видимъ, въ отдѣлѣ исторіи—2 экземпляра „Очерковъ“ М. Грушевскаго, *въ отдѣлѣ педагогики*—агитаціонную брошюру Б. Гринченка „*На безпросвѣтномъ пути.*— Объ украинской школѣ“. Спеціальный отдѣлъ каталога („Книги на украинскомъ языкѣ“) содержитъ 15 названій учебниковъ языка и 6—по исторіи (въ томъ числѣ подозрительную, въ смыслѣ легальности, брошюру „Як жив укр. народ“); возмутительнѣе всего послѣдняя рубрика этого отдѣла („Разнаго содержанія“), куда допущены тенденціозныя брошюры „Народні вчители і вкраінська школа“ и „*Якои нам* треба школы“. Въ этомъ диковинномъ „музеѣ наглядныхъ пособій“ фигурировалъ, на правахъ учебника („підручника“) и журналъ
См. § 28. „Світло“.

Херсонское учительство, на курсахъ 1911 г., чрезъ свою „коммиссію двухклассныхъ школъ“, вынесло резолюцію для поученія земства: „Беря во вниманіе, что *въ существующихъ руководствахъ по исторіи* либо совсѣмъ ничего нѣтъ объ исторической жизни украинцевъ, либо *преподносится фальсификатъ самой низкой марки*, нужно организовать параллельно съ преподаваніемъ россійской исторіи *отдѣльное* преподаваніе исторіи Украины *по учебникамъ, одобреннымъ коммиссіей*“. Нужно ли добавлять, что коммиссія одобрила въ качествѣ учебника „исторію“ Грушевскаго.

Кіевскіе курсисты 1911, 1912 и настоящаго года пользовались традиціонной, безплатной пароходной прогулкой по Днѣпру, при чемъ ежегодно наблюдалась карикатурная демонстрація этнографическаго украинофильства: учителя бесѣдовали другъ съ другомъ, за малыми исключеніями, исключичительно на украинской мовѣ.

„У. Д.“ 374—379.
§ 51. **Учительскія демонстраціи.** Показателемъ того, что значительная часть южнорусскаго учительства исповѣдуетъ львовскій катехизисъ украинскаго отщепенства, являются стадныя демонстративныя выступленія. Курсисты кіевскаго учебнаго округа послали лѣтомъ нынѣшняго года изъ Кіева, за 210 подписями, адресъ галичанину-руссофобу Ив. Франку (автору украинскаго революціоннаго гимна „Не пора“); они „желаютъ видѣть его, великаго сына Украины, еще долгіе годы во главѣ видродження (т. е. возрожденія) родной страны; они всѣ съ нимъ—своимъ учителемъ—идутъ въ одну громаду;

скованные святой думкой, они ломятъ скалу и т. д.“ Кружокъ „Подольскихъ“ учителей, въ день похоронъ педагога Б. Гринченка (1910 г.), „присоединилъ свои горькія слезы къ слезамъ всей Украины надъ гробомъ великаго поборника за родное просвѣщеніе и (родную) школу“. Въ 1911 г. „гуртокъ народныхъ учителей съ Волыни“ почтилъ память умершаго фактическаго редактора укр. педагогич. журнала „Світла“ присылкою денежной лепты въ редакцію. Прошлымъ лѣтомъ „Рада“ опубликовала цѣлый рядъ адресовъ, коими южнорусское учительство привѣтствовало украинскую партію въ Галиціи съ окрѣпшими надеждами на украинскій университетъ во Львовѣ. Изъ 660 учителей-курсистовъ въ Кіевѣ такой адресъ подписало 268 душъ, аттестуя себя „украинскимъ народнымъ учительствомъ, *сознающимъ нужды неденаціонализованнаго* слоя украинскаго народа, т. е. *крестьянства*“. Подъ адресомъ „учителей изъ Екатеринославщины“ имѣется 103 подписи; эти господа „понимаютъ великое значеніе украинскаго университета для *всего* украинскаго народа“. Болѣе полусотни народныхъ учителей церковно-приходскихъ школъ подольской епархіи, въ аналогичномъ адресѣ, объявляютъ себя „ежедневными *свидѣтелями* калѣченія (!) человѣческой природы“. Имъ вторитъ другой „гурт учителів з Поділля“ въ числѣ 15 душъ, а также 25 учителей и учительницъ харьковскихъ земскихъ курсовъ. Роль „рака съ клешней“ въ этой адресной буффонадѣ приняли на себя 11 слушателей пчеловодныхъ *земскихъ* курсовъ въ г. Сквирѣ кіевской губ. Роль другого рака принадлежитъ, по праву, юному потомству Подольскаго духовенства. Въ 1910 г. изъ К.-Подольска воспитанниками трехъ старшихъ классовъ семинаріи послана, за 180 подписями, отцу М. Сендерко благодарность „за выступленіе въ Гос. Думѣ по вопросу объ украинской школѣ“. Въ 1911 г. епархіальному съѣзду Подольскаго духовенства семинаристами подано было прошеніе о выполненіи постановленія ввести въ семинаріи уроки украинской исторіи и исторіи украинской литературы. Прошеніе подписали 513 воспитанниковъ, почти вся семинарія.

§ 52. **Внѣклассная работа учителей.** Разъѣзжаясь съ курсовъ, „сознательные“ народные учителя возвращаются въ села съ готовой, коллективно обсужденной программой. Подпольныя занятія ихъ въ школѣ съ учениками украинскимъ чтеніемъ и письмомъ не реферируются украинской прессой, по весьма понятнымъ мотивамъ. Зато, она съ любовью отмѣчаетъ пропаганду народными учителями въ селахъ искусственнаго „**У. Д.**“ 387—389.

(литературнаго) украинскаго языка чрезъ постановку въ селахъ украинскихъ пьесъ и номеровъ декламаціи. Нужно думать, что предрасполагающимъ моментомъ къ возникновенію у народныхъ учителей такой нелегальной сознательности служитъ во многихъ случаяхъ недостаточная ихъ подготовленность къ несенію своихъ обязанностей. По крайней мѣрѣ, „Світло" отмѣчаетъ, что „наши сельскіе учителя говорятъ, если не на чистомъ украинскомъ языкѣ, то часто на искусственно-созданномъ жаргонѣ изъ украинскихъ, испорченныхъ великорусскихъ и иностранныхъ словъ". Полагаемъ, что такіе учителя лишь по недоразумѣнію попали на учительскія мѣста.

Многочисленныхъ иллюстрацій школьной и внѣшкольной пропаганды украинства народными учителями, какъ собранныхъ въ нашемъ прежнемъ трудѣ, такъ и регистрированныхъ прессой позднѣе, мы, по недостатку мѣста, не приводимъ.

„У. Д". § 53. **Выводы.** Въ послѣднее время, потерпѣвъ нѣсколько
390 и аварій въ нашихъ законодательныхъ учрежденіяхъ по вопросу
396—398. объ украинизаціи школы, украинская партія охотно увѣряетъ,
401—402. что вопросъ объ обученіи на родномъ языкѣ сводится (конкретно) *пока* „всего только къ допущенію народнаго языка въ качествѣ вспомогательнаго средства" въ южнорусскую школу. Такой скромный постулатъ (осуществленіе коего съ 1906 г. министерствомъ разрѣшено въ смыслѣ пользованія малорусскимъ нарѣчіемъ во время классныхъ объясненій) совершенно не вяжется съ той картиной разгрома русскаго культурнаго строительства, его бойкотированія, которую мы видимъ и на учительскихъ курсахъ, и на эстрадѣ деревенской школы: учителя народные (нѣкоторая ихъ часть, конечно) строятъ ступени той лѣстницы партикулярнаго украинства, на которую указываетъ имъ перстъ гг. Ефремовыхъ. Мы не въ состояніи опредѣлить, какой процентъ народныхъ учителей уже распропагандированъ въ этомъ направленіи, но мы скажемъ, вмѣстѣ съ чешскимъ публицистомъ Павлу́, что народъ идетъ за тѣмъ, кто несетъ ему духовную пищу. Будемъ же оберегать нашъ народъ отъ педагоговъ, несущихъ ему вмѣсто русскаго хлѣба скверный львовскій фальсификатъ.

Сводка даваемаго прессой фактическаго матеріала показываетъ намъ, что пропаганда украинства пустила наиболѣе глубокіе корни въ земскихъ школахъ харьковской губ. и въ церковно-приходскихъ школахъ подольской губ. Если мы посмотримъ на таблицу I объ элементарной грамотности (стр. 86), то тотчасъ же убѣдимся, что населеніе обѣихъ названныхъ

губерній (малорусское въ $^4/_5$ своего состава) является въ дѣлѣ просвѣщенія болѣе отсталымъ, чѣмъ населеніе другихъ губерній Юга. Земская харьковская губ. (гдѣ малороссы составляютъ 80% населенія) отстала въ элемент. грамотности не только отъ неземской губ. кіевской (съ такимъ же процентомъ малороссовъ), но и отъ сосѣдки своей—полтавской губ., гдѣ малороссовъ 93% и гдѣ, съ точки зрѣнія украинской партіи, населеніе туже должно поддаваться воздѣйствію русской школы. Столь безотрадная позиція харьковской губ. вопіетъ громко и къ небесамъ, и къ здравому разсудку о мракобѣсіи и обскурантизмѣ педагогической платформы украинской партіи. Характерно, что педагоги „Світла" протестуютъ противъ введенія обязательнаго обученія на Югѣ, „ибо, тревожно поясняетъ „Світло", при томъ положеніи начальной школы, когда народу не гарантированы первыя элементарныя основы обязательнаго обученія—преподаваніе на родномъ для каждой націи языкѣ, вопросъ (объ обязательномъ обученіи) *преждевремененъ*". Въ этой *свѣтобоязни*, голой и неприкрашенной свѣтобоязни, заключается и мозгъ, и нервы украинскаго движенія, его исповѣдь и его самобичеваніе.

Какъ курьезъ сообщимъ, что украинской прессой въ Россіи охотно публикуются проспекты „Курса подготовляючого селянських хлопців та дівчат до українських гімназий", устраиваемаго проф. Герасевичемъ въ с. Черневѣ (въ Галиціи) и имѣющаго цѣлью, за минимальную плату (5—6 рублей въ мѣсяцъ) украинизировать нашихъ малорусскихъ дѣтей. Для приманки добавляется, что окончаніе 4 классовъ „украинской" гимназіи даетъ право (?) поступить въ кіевскую коллегію Галагана, но... послѣ выдержанія конкурснаго экзамена. Газета „Маякъ" учитъ даже родителей тѣмъ обходнымъ путямъ, какими они могутъ надуть администрацію, ходатайствуя о заграничныхъ паспортахъ при отправкѣ дѣтей за кордонъ.

Глава XI.

Организаціи и пути пропаганды.

§ 54. **Просвиты.** Законъ 4 марта 1906 года о союзахъ и обществахъ далъ возможность украинской партіи развернуть въ Россіи преимущественно на Югѣ, цѣлую сѣть собственныхъ организацій. Наиболѣе вредными являются „народно- **„У. Д."** 74. 196—198. 272—277. 446—447.

просвѣтительныя“ учрежденія или Просвиты, подражающія львовскому обществу этого имени; по мнѣнію украинской прессы, онѣ *воспитываютъ населеніе въ украинскомъ* національномъ *духѣ и пріучаютъ общество къ работѣ на почвѣ украинства.* По уставу Кіевской Просвиты, послужившему образцомъ для всѣхъ прочихъ, „Общество ставитъ своей цѣлью содѣйствовать развитію *украинской культуры* и, главнымъ образомъ, просвѣщенію украинскаго народа на его *родномъ* языкѣ путемъ книгоиздательства, организаціи библіотекъ, читаленъ. книготорговель, лекцій, чтеній, курсовъ, спектаклей, а также путемъ открытія школъ и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій“.

Изъ открывшихся за 1906—1908 гг. въ Россіи 14 украинскихъ Просвитъ доселѣ уцѣлѣло 6. Просвиты Кіевская, Житомірская, Одесская и Черниговская были закрыты администраціей, а Просвиты во Владивостокѣ, Екатеринодарѣ, Грубешовѣ и Сѣдлецѣ погибли отъ худосочія. Двѣ покойницы заслуживаютъ краткаго некролога. *Кіевская Просвита,* сгруппировавшая отборныхъ и опытныхъ дѣятелей украинской партіи, задавала въ теченіе почти 4 лѣтъ тонъ всему украинскому движенію въ Россіи. *Ея закрытіе,* по словамъ „Рады“, *очень вредно повліяло на все украинско-просвѣтительное движеніе въ Россіи.* Кромѣ издательской дѣятельности, отличавшейся тенденціозностью и привлекшей крупныя пожертвованія изъ Львова, Кіевская Просвита устраивала въ городѣ и его предмѣстьяхъ украинскія популярныя лекціи и народныя чтенія (по „украинской“ беллетристикѣ), а также концерты и спектакли. *Житомірская Просвита* поставила себѣ задачу *„основывать частныя народныя библіотеки* и жертвовать книги въ существующія библіотеки“.

Здравствующія Просвиты въ Баку, Мелитополѣ, Николаевѣ и Новочеркасскѣ сидятъ съ пустой кассой и не имѣютъ значенія; Бакинская существуетъ, повидимому, только юридически и своего раіона (всего Кавказа) не собирается обслуживать. Просвиты Екатеринославская и Подольская интересны не сами по себѣ, а своими сельскими подотдѣлами или „филіями“.

Первая Просвита имѣетъ 5 филій въ окрестностяхъ Екатеринослава и 4 филіи въ фабрично-заводскихъ селахъ Новомосковскаго у. Дѣтищемъ, которое давно переросло свою мать, является филія въ с. Мануйловкѣ. *Мануйловская* сельская Просвита своею энергичной дѣятельностью перещеголяла всѣ

другія Просвиты въ Россіи. Она съ конца 1910 г. помѣщается въ собственномъ зданіи, гдѣ устраиваетъ украинскіе спектакли, концерты, *„семейные вечера для учениковъ низшихъ и среднихъ (!) школъ“* и дѣтскія „ёлки“, гдѣ сотнями раздаются украинскія брошюры; въ 1911 г. *въ шевченковскую годовщину* въ селѣ *никто не работалъ,* а просвитяне устроили торжественный актъ, при чемъ *залъ былъ украшенъ портретами М. Драгоманова и Б. Гринченка;* Просвита, наконецъ, посылала въ 1911 г. въ Москву на просвѣтительный съѣздъ своего делегата ратовать за украинизацію народныхъ школъ.

Сравнительное процвѣтаніе отдѣловъ Екатеринославской Просвиты зависитъ отъ участія въ нихъ элементовъ рабочаго класса, распропагандированныхъ соціалъ - демократической фракціей украинской партіи. Съ Мануйловской Просвитой въ очень тѣсныхъ сношеніяхъ находятся рабочіе Нижнеднѣпровскихъ ж.-д. мастерскихъ, гдѣ пропаганду велъ „уголовный“ членъ 3-й Гос. Думы—Кузнецовъ.

Каменецъ-Подольская Просвита развила свою дѣятельность при ближайшемъ участіи духовенства, во главѣ коего стоялъ украинофилъ-епископъ Парфеній. Просвита открыла См. § 24. городскую и 4 сельскія библіотеки-читальни, завѣдуемыя приходскими священниками, которые произвольно расширяютъ районъ дѣятельности читаленъ. Эти библіотеки обслуживаютъ не только товарищей-просвитянъ, но и служатъ для всеобщаго пользованія; этого мало, *книжки* изъ библіотекъ *раздаются и въ сосѣднія села*; въ значительныхъ размѣрахъ организована (нелегально) и продажа книгъ. Закрытая нынѣшнимъ лѣтомъ читальня въ с. Печерѣ устраивала вечера украинской декламаціи въ память Шевченка и Б. Гринченка.

Прототипомъ Просвитъ въ Россіи является существующее съ 1896 года „С.-Петербургское благотворительное общество для изданія дешевыхъ и общеполезныхъ книгъ“, которымъ съ 1899 года по 1912 годъ издано 67 украинскихъ брошюръ, въ томъ числѣ популярная исторія Украины М. Грушевскаго, букварь и двѣ хрестоматіи. Всего за 13 лѣтъ выпущено 795 т. экз. брошюръ; изъ нихъ 417 тыс. экз. продано, а 76 тыс. экз. разослано безплатно. Десять украинскихъ брошюръ были одобрены министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ для низшихъ школъ земледѣлія и садоводства, а нѣкоторыя изданія тѣмъ же министерствомъ субсидировались, не взирая на протесты со стороны министра народнаго просвѣщенія. Изъ прейсъ-куранта, вышедшаго въ августѣ настоящаго

года, видно, что 4-е изд. одной изъ брошюръ (Чикаленка—„Худоба“) допущено М. Н. Пр., не взирая на фонетическую орѳографію, въ библіотеки учит. семинарій, въ учительскія библіотеки начальныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Въ 1910 г. О-во унаслѣдовало около 100 тыс. экз. изданій закрытой Кіевской Просвиты. Издательская дѣятельность послѣдней отчасти, впрочемъ, ожила изъ-подъ пепла; благодаря закону о „товариществахъ на вѣрѣ“, неподчиненныхъ правительственному контролю, въ Кіевѣ возникли нотаріальнымъ порядкомъ товарищества „Украинскій Агрономъ“, „Учитель“ и „Техникъ“, имѣющія цѣлью пропаганду украинскаго языка изданіемъ брошюръ для народа, а также т-во „Наша Кооперація“, издающее весьма тенденціозную украинскую газету См. § 28. того же наименованія.

Дѣятельность „Просвитъ“ и аналогичныхъ организацій признана была, еще по указу Правит. Сената отъ 18-го іюля 1908 г., вредной и „могущей вызвать послѣдствія, угрожающія общественному спокойствію и безопасности“. Мы видимъ, однако, что даже самая уродливая и преступная форма просвитянства—сельскія Просвиты на Екатеринославщинѣ—растутъ и множатся, благодаря тому, что наше законодательство отстало отъ современной жизни и тѣмъ сдѣлало правительственные органы безпомощными въ борьбѣ съ такими организаціями.

„У. Д.“ 278—282. § 55. **Клубы („громады“) и кружки („гуртки“).** По справедливому отзыву украинской прессы, украинскіе клубы должны быть оцѣниваемы, какъ „*школа организованной работы, какъ почва для взращиванія украинской сознательности въ элементахъ дотолѣ инертныхъ и безучастныхъ*“. Къ пяти такимъ клубамъ въ Россіи (въ Варшавѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Петербургѣ и Ригѣ) въ текущемъ году прибавились клубы въ Благовѣщенскѣ и Полтавѣ. Варшавскій клубъ, гдѣ работаетъ преимущественно мѣстное студенчество, устраиваетъ вечеринки съ продажей украинской прессы, а доходы употребляетъ на субсидированіе издательства украинскихъ учебниковъ. Одесскій клубъ представляетъ обычный карточный притонъ. Петербургская „громада“ выдѣлила изъ своей среды педагогическую секцію „для разработки и популяризаціи украинской дошкольной и школьной педагогики“. Въ Рижской „громадѣ“ членовъ много, но даже среди старшинъ очень мало знакомыхъ съ малорусской рѣчью; къ громадѣ очень благоволитъ мѣстная газета „*Прибалтійскій Край,* а также *всѣ*

нѣмецкіе и особенно латышскіе органы; одна латышская газета пропагандируетъ даже идею украинско-латышскихъ литературныхъ вечеровъ для сближенія обоихъ народовъ.

Закрытый прошлой осенью Кіевскій укр. клубъ очень скоро воскресъ и называется теперь „Родúна" (т. е. „Семья"). Поводомъ къ закрытію клуба послужило формальное нарушеніе библіотечныхъ правилъ; главною же причиною было то обстоятельтво, что во время прошлогоднихъ педагогическихъ курсовъ для народныхъ учителей клубъ устроилъ у себя нѣсколько рефератовъ, на которые въ качествѣ гостей были *приглашены* учителя-курсисты. Слушать эти рефераты, имѣвшіе цѣлью пропаганду „украинской" культуры и „украинскаго" просвѣщенія, т. е. совращавшіе учителей съ пути ихъ профессіональнаго долга, являлось по 300—350 курсистовъ въ вечеръ.

Украинскіе музыкально-драматическіе „гуртки" существуютъ въ Москвѣ („Кобзарь"), Полтавѣ („Баянъ"), Лубнахъ, Харьковѣ и Воронежѣ. Полтавскій „гуртокъ" преслѣдуетъ и просвѣтительныя, т. е. „просвитныя" задачи. Болѣе опасны сельскіе драматич. кружки для постановки украинскихъ пьесъ. Такихъ кружковъ, организованныхъ „сознательными" агитаторами, много въ селахъ подольской, херсонской и харьковской губ., а также въ лубенскомъ у. полтавской губ. Вдвойнѣ подозрительными представляются, поэтому, организованныя сознательными украинцами Кобелякское и Лубенское о-ва содѣйствія начальному народному просвѣщенію (?) и полезнымъ развлеченіямъ". См. § 60.

§ 56. **Студенческія организаціи.** Украинскіе студенческіе „гуртки" или „громады" существуютъ почти во всѣхъ городахъ, гдѣ есть высшія учебныя заведенія (кромѣ Казани). Двойную роль этихъ организацій украинская пресса рисуетъ такъ: „непосредственно онѣ вліяютъ на самихъ студентовъ, превращая ихъ изъ малороссовъ въ украинцевъ; посредственное вліяніе—шире; студентъ несетъ потомъ пропаганду украинства въ деревню, въ служебную корпорацію, въ семью". Старѣйшая харьковская „громада" основала въ 1900 г. „Революціонную Украинскую Партію; позднѣе „громада" обсуждала желательность бойкота невѣстъ-великороссіянокъ. Свою партійную ортодоксальность харьковскіе студенты доказали адресомъ на имя львовскаго проф. Грушевскаго, аттестуя его, какъ „дѣятеля соборной Украины". Громада студентовъ Кіевскаго политехникума обратилась къ тому же г. Грушевскому, **„У. Д."** 283—285.

какъ „къ свѣточу праведнаго гнѣва“. Такое смиренномудріе громады граничитъ съ самооплеваніемъ, ибо въ ея составѣ громадный перевѣсъ великороссовъ надъ малороссами. Въ Петербургѣ студенческіе „гуртки“ при университетѣ, Бестужевскихъ курсахъ и психо-неврологическомъ институтѣ организованы прив.-доц. А. С. Грушевскимъ. „Громада“ с.-петербургскихъ студентовъ-технологовъ въ декабрѣ 1911 года браталась со студентами-поляками и призывала ихъ „къ совмѣстной работѣ“—въ Западной Руси. Въ концѣ прошлаго года „громады“ всѣхъ высшихъ школъ Харькова объединились въ (нелегальный) союзъ, именуя его „загальной громадой“.

Наблюдаются, однако, и явленія иного порядка: наглый шовинизмъ громадянъ въ варшавскомъ университетѣ и кіевскомъ политехникумѣ встрѣтилъ въ прошломъ году дружный отпоръ со стороны прогрессивной части великорусскаго (и бѣлорусскаго) студенчества, укротившаго нѣсколько „украинскую“ прыть; въ началѣ нынѣшняго года подобные симптомы наблюдались и въ харьковскомъ технологическомъ институтѣ.

„У. Д.“ 286—292 464—466. § 57. **Научныя и политическія общества.** Научныхъ обществъ украинской партіи въ Россіи два: въ Харьковѣ и Кіевѣ. Украинское „Наукове товариство“ въ Кіевѣ, организованное въ 1907 г. по образцу львовскаго и предсѣдательствуемое тѣмъ же М. Грушевскимъ, издало за 6 лѣтъ 12 выпусковъ

См. § 28. своихъ „Записокъ“, гдѣ украинскій литературно-научный языкъ засоренъ полонизмами вольными и невольными не меньше, чѣмъ языкъ львовскихъ писателей-украинцевъ. Неумѣлая „ковка“ словъ, допускаемая „Записками“, возмутила даже дружественную къ нимъ „Раду“. Хотя *ошибки въ языкѣ*, пишетъ рецензентъ „Рады“,—*общій недугъ современныхъ украинцевъ*, но и тутъ есть modus in rebus, не позволяющій мириться съ такими выраженіями въ „Запискахъ“... (слѣдуетъ перечень). Половину матеріала „Записокъ“ составляютъ статьи ихъ редактора проф. Перетца и слушателей организованнаго имъ „при университетѣ Св. Владиміра“ филологическаго семинарія; проф. Перетцъ—ученикъ В. Антоновича. Изданные т-вомъ три сборника (по медицинѣ и техникѣ) превосходятъ безграмотностью (даже въ „украинскомъ“ смыслѣ) всякое вѣроятіе. На вопросъ, для чего существуютъ „Записки“, находимъ отвѣтъ у украинскаго публициста Ефремова. „По обыкновенію, говоритъ онъ, для чужого глаза мы желаемъ, чтобы и у насъ, какъ у людей было“.

Харьковское историко-филологическое общество укра-

инизировалось съ 1907 года и, послѣ 18 научныхъ русскихъ сборниковъ, издаетъ 19-й сборникъ „Пошану“ и 20-й—„Просвиту“. Въ мартѣ 1911 года общество выступило въ Воронежѣ на Костомаровскомъ юбилеѣ съ адресомъ на украинскомъ языкѣ. Фетишизмъ предсѣдателя общества проф. Сумцова предъ божкомъ украинства довелъ его въ публичной рѣчи до каррикатурнаго тезиса, будто „Харьковъ и Харьковщина культурными своими пріобрѣтеніями въ значительной мѣрѣ обязаны предшествующей культурѣ украинскаго народа“.

Въ качествѣ чисто политической организаціи фигурируетъ въ Россіи украинская секція Московскаго „Общества славянской культуры“. Въ рѣчи на открытіи секціи предсѣдатель о-ва проф. Коршъ пояснилъ, что она выступаетъ на поле борьбы за идею кирилло-меѳодіевцевъ; непосредственно послѣ рѣчи г. Корша читался адресъ отъ *польской* секціи Общества. При добромъ желаніи можно было протянуть нить воспоминаній и дальше, вплоть до 1610 г., когда поляки купно съ запорожцами засѣли въ Кремлѣ и Китай-Городѣ, чтобы заводить у насъ новые порядки. Украинская секція немедленно пошла на сближеніе съ секціей польской. Отчетъ общества за 1910 годъ съ гордостью цитируетъ резолюцію обѣихъ секцій, что „польско-украинскія отношенія сложатся сами собой благопріятно, лишь только Кіевъ станетъ центромъ украинской жизни, а Варшава—центромъ всей жизни польской“.

Другимъ политическимъ мухоморомъ является кіевское „Общество друзей мира“, состоящее на двѣ трети изъ поляковъ-украинофиловъ, „сознательныхъ украинцевъ“ и евреевъ. О-во увлекается парниковой культурой мѣстныхъ „національнизмовъ“, заслушиваетъ рефераты на украинскомъ языкѣ и стремится утвердить за Юго-Западн. краемъ репутацію края нерусскаго. Весною 1910 года предсѣдатель о-ва, потомокъ ополяченнаго малорусскаго рода, исходатайствовалъ для общества „апостольское благословеніе“ римскаго папы; такъ состоялось символическое цѣлованіе отъ имени „сознательныхъ украинцевъ“ той папской туфли, которая 300 лѣтъ назадъ, опершись пятой на кіевскую гору Киселевку, давила святыя горы обители Печерской. Въ прошломъ году дипломы почетныхъ членовъ о-ва получили: луцко-житомірскій бискупъ Жарновецкій, переводчикъ Евангелія на украинскую мову—архіепископъ Парфеній и перешедшій изъ польскаго лагеря въ сознательно-украинское стадо львовскій уніатск. митрополитъ, грабя Шептицкій. Тогда же о-во выразило свой мо-

гучій протестъ противъ „выдѣленія Холмщины въ отдѣльную губернію и противъ реформъ (?!) въ ея управленіи".

„У. Д." 293—297. 314—318.

§ 58. **Народныя библіотеки и лекторіи.** Для распространенія и рекламированія украинской печати главными путями являются безплатныя читальни, книжные склады, сельскіе кооперативы и выставки. Украинскій отдѣлъ Харьковской городской библіотеки пользуется особымъ вниманіемъ хозяевъ города, отпускающихъ ежегодно на его расширеніе значительныя суммы; 3 читальни Харьковскаго общества грамотности, находящіяся въ предмѣстьяхъ, снабжены также богатымъ выборомъ украинскихъ книгъ. Существуютъ украинскіе отдѣлы читаленъ въ уѣздныхъ городахъ черниговской и полтавской губ., а также въ г. Житомірѣ. Болѣе грозное значеніе имѣетъ украинизація сельскихъ библіотекъ. Пальму первенства нужно отдать, какъ мы видѣли, Харьковскому земству, издающему антикультурные и антирусскіе библіотечные ката-
См. § 50.
логи. Въ концѣ 1910 г. это земство выписало 13 тыс. украинскихъ брошюръ; теперь масштабъ предстоитъ пошире... Новоиспеченное Кіевское земство въ выпущенныхъ каталогахъ учреждаемыхъ народныхъ библіотекъ помѣстило 11 проц. украинскихъ книгъ. Каталогъ губернской управы и, особенно, каталогъ Сквирской уѣздной управы содержатъ и тенденціозныя произведенія. Изъ земскаго отчета (за 1911 г.) видно, что украинскія книги въ селахъ пользуются малымъ спросомъ, а иногда и вовсе не берутся крестьянами изъ библіотекъ. Въ полтавской и черниговской губ. нѣкоторыя уѣздныя управы (Гадячская, Лохвицкая, Новгородсѣверская) ведутъ продажу украинскихъ книгъ. Частныя украинскія книготорговли существуютъ; 3—въ Кіевѣ и по одной въ Харьковѣ, Полтавѣ, Кременчугѣ, Одессѣ и Елисаветградѣ; въ послѣднее время такія лавочки стали появляться во многихъ селахъ, особенно при кооперативахъ. Украинскія издательства выступаютъ на многихъ земскихъ выставкахъ; въ 1911 г. земства награждали такіе экспонаты въ Черниговѣ, Бахмутѣ, въ Бѣлой-Криницѣ на Волыни; въ Гадячѣ и Ромнахъ выдано по 6 медалей за украинскія книги, а областная выставка 1910 г. въ Екатеринославѣ наградила золотой медалью украинскіе учебники. Въ прошломъ году украинская литература удостоилась наградъ на выставкахъ Васильковскаго земства нашей губ. и одного сельско-хоз. общества на Полтавщинѣ; сейчасъ она ждетъ лавровъ отъ нашей всероссійской выставки. Про-

тивъ украинской литературы высказались въ прошломъ году Переяславское и Прилукское земства полтавской губ.

Украинскія народныя чтенія систематически ведутся лишь въ харьковской губ. Харьковское общество грамотности признаетъ за ними, „при отсутствіи украинскихъ школъ и библіотекъ, главную роль въ дѣлѣ украинскаго просвѣщенія“ и отводитъ имъ много мѣста, располагая въ Харьковѣ четырьмя лекторіями въ городѣ и двумя при тюрьмахъ, а также обслуживая 120 пунктовъ въ губерніи своими брошюрами и діапозитивами. Особенной торжественностью отличаются картины къ біографіи Гринченка. Въ другихъ южныхъ губ. въ качествѣ „украинскихъ“ лекторовъ выступаютъ земскіе агрономы и всякіе инструкторы. Полтавское сельско-хоз. о-во устраивавшее въ началѣ настоящаго года курсы съ украинскими лекціями, работало солидарно съ правительственной землеустроительной коммиссіей.

Любимой лекторіей для сельскаго населенія является церковная каѳедра, откуда народъ привыкъ слушать и Слово Божіе, и манифесты своихъ Монарховъ. Украинская партія не щадитъ усилій для использованія этой позиціи для своихъ цѣлей. Церковная проповѣдь служитъ орудіемъ пропаганды украинскаго языка и бойкотированія русской рѣчи чаще всего въ Екатеринославской и Подольской епархіяхъ; въ послѣдней выпущено даже 2 сборника проповѣдей на украинско-львовскомъ жаргонѣ. Спѣшимъ оговориться, что мы считаемъ вполнѣ естественнымъ участіе нѣкоторыхъ малорусскихъ словъ (лексическаго элемента) въ *сельской* проповѣди южно-русскаго священника, если онъ ограничивается стремленіемъ къ простонароднымъ оборотамъ рѣчи для ея удобопонимаемости; насъ возмущаетъ поддѣлка интеллигента подъ народную фонетику и употребленіе „кованныхъ“ словъ, непонятныхъ народу.

§ 59. **Сельскіе кооперативы.** Къ южно-русскому кооперативному дѣлу украинская партія примазывается систематически. Первый кличъ проф. Грушевскаго—въ началѣ 1910 г. гласилъ: „Тамъ, гдѣ закрыты дороги къ политической борьбѣ, къ организаціи и къ агитаціи, какъ это мы видимъ нынѣ на Украинѣ россійской, тамъ единственной дозволенной для общества формой организацій будетъ работа въ кооперативной сферѣ“. Газета „Рада“ подтвердила, что „вліять па психику людей, не обладающихъ національной сознательностью, легче всего съ помощью работы на экономическомъ поприщѣ“. По

„У. Д.“ 298—301.

мнѣнію газеты „Рилля“, вмѣстѣ съ кооперативной идеей и за нею по пятамъ должна идти идея національная. Въ той же газетѣ была помѣщена агитаціонная статья (на укр. яз.) земскаго инструктора Несторенка. На Украйнѣ, поучаетъ онъ, товариществамъ *не русскихъ газетъ нужно—это все* уже отжило свой вѣкъ и *теперь негодится*,—нужно и необходимо, чтобы у насъ экономическая и культурная работа стояла на твердомъ національномъ фундаментѣ; нужно хорошенько запомнить, что мы прежде всего украинцы, а потомъ уже и кооператоры, и земледѣльцы, и ремесленники“. Уже сейчасъ сельскіе кооперативы Подольской губерніи заполонены украинской прессой, а мѣстные земскіе инструкторы принимаютъ подписку на нее; кооперативы Полтавщины заводятъ продажу украинскихъ брошюръ. Кіевскій „союзъ учрежденій мелкаго кредита“ издаетъ съ настоящаго года двуязычный еженедѣль-
См. § 29. никъ „Комашню“ („Муравейникъ“). Изъ 91 товарищества четыре не выписываютъ этого органа, 25 товариществъ получаютъ по 1 экз. Зато Немиринецкое т-во подписалось на 109 экз., Верховенское т-во на—75 экз., четыре т-ва получаютъ по 50 экз. и 32 т-ва выписываютъ 10—45 экз. каждое. Съ каждымъ номеромъ „Комашни“ русскій текстъ все болѣе и болѣе вытѣсняется фонетическо-украинскимъ мусоромъ; да и тѣ русскія статьи, которыя удостаиваются помѣщенія, представляютъ иногда глумленіе надъ русской популярной литературой. Такъ, въ № 9 „Комашни“ на одной лишь страницѣ популярнаго разсказа намъ попались такія слова, какъ „авторъ“, „иниціаторъ“, „сорганизоваться“, „микроскопическая“, „микроскопичнѣе“ или выраженія: „въ неудобной формѣ“, „кредитки могутъ потерять курсъ своего достоинства“. Думаемъ, что допущеніе такой прессы въ деревню является преступленіемъ противъ народнаго просвѣщенія и народнаго блага.

„У. Д.“ 67—70. 305—310. § 60. **Украинскіе спектакли и концерты.** Украинскій театръ можетъ быть названъ средствомъ „воспитательнымъ на изнанку“. Весь его репертуаръ, это ширмы, заслоняющія отъ аудиторіи русскую рѣчь, взамѣнъ чего публика привыкаетъ къ „кованнымъ словечкамъ“. Передѣлки и переводныя пьесы (преимущественно съ русскаго языка) и такъ называемыя
См. § 13. „сюртучныя“ пьесы лишены и художественной правды, ибо выдаютъ за языкъ интеллигенціи жаргонъ, не встрѣчающійся въ жизни. Тенденціозныя или „идейныя“ пьесы сѣютъ культурно-политическій сепаратизмъ. Въ одной, напр., грубо высмѣивается малороссъ, принесшій изъ военной казармы

на родину знакомство съ русской рѣчью; въ другой—„исторической“—малороссы жаждутъ „истолочь въ ступѣ Москву, которая не лучше ляховъ и татарвы“. Профессіональныхъ укр. труппъ сейчасъ на Югѣ около 30; въ Харьковѣ и Кіевѣ городскія думы рядомъ льготъ и поблажекъ ставятъ ихъ внѣ конкуренціи по общедоступности. Любительскіе кружки въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ Юга представляютъ мало интереса для украинской партіи, которая направила свою агитацію на деревню. По селамъ и медвѣжьимъ угламъ украинскіе спектакли ставятся народными учителями и третьимъ земскимъ элементомъ; къ исполненію ролей привлекаются грамотная и школьная молодежь. По словамъ газеты „Рады“, театръ, какъ школу, которой у украинства еще не отняли, нужно использовать для облагороженія народной рѣчи. Любительскіе кружки газета называетъ „разсадникомъ національной сознательности“. См. § 55.

Программа всякихъ вечеринокъ съ украинскими декламаціями, проникающихъ въ захолустье, по своей несложности, легче спектаклей, далеко не всегда свободна отъ тенденціозности. Если полтавскій полицеймейстеръ въ 1907 году подъ украинскими афишами писалъ „до друку дозволено“, то вѣдь на сельскихъ вечеринкахъ единственнымъ цензоромъ „бисовыхъ“ номеровъ является урядникъ, а на вечеринкахъ въ школьныхъ помѣщеніяхъ и этого контроля нѣтъ.

Въ послѣднія 6—7 лѣтъ украинская партія воскресила кобзарей или бандуристовъ, возя ихъ по городамъ и весямъ для исполненія народныхъ и козацкихъ думъ въ концертахъ, на ярмарочныхъ площадяхъ и т. п. При московскомъ „Кобзарѣ“ уже два года существуетъ классъ игры на бандурѣ. Сейчасъ есть около десятка бандуристовъ учениковъ кобзаря Пархоменка. Репертуаръ послѣдняго, какъ доказано изслѣдованіемъ нѣжинскаго професс. Сперанскаго, таковъ: одну думу онъ получилъ отъ знакомой нѣжинской барыни, а дополнили ему думу въ Кіевѣ; три думы онъ получилъ изъ Чернигова отъ Б. Гринченка и, наконецъ, одну выучилъ отъ слѣпца, но передѣлалъ по указаніямъ Гринченка. На музыку всѣ эти думы положены современными композиторами (Лысенко и Houстіономъ). Нужно ли добавлять, что всѣ думы сепаративно-тенденціозны; дополненія можно отличить по ненародности отдѣльныхъ словъ и оборотовъ.

§ 61. **Партійныя демонстраціи.** Украинская партія усвоила себѣ привычку время отъ времени напоминать о себѣ „У. Д.“ 318—325.

и объ украинскомъ языкѣ при помощи демонстративныхъ выступленій, связывая таковыя, обычно, со смертью своихъ дѣятелей, съ поминками, юбилеями, различными годовщинами и другими общественными событіями. Насъ подобныя демонстраціи интересуютъ постольку, поскольку онѣ помогаютъ росту украинскаго движенія, либо выясняютъ идеологію партіи и контингентъ ея друзей. Въ 1910 году состоялись въ Кіевѣ
См. §§ 32, 33 и 42. похороны Б. Гринченка, а въ одномъ изъ селъ Кіевской губ.— похороны В. Доманицкаго. Изъ многочисленныхъ вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ Гринченка, интересны съ надписями: 1) „Борцу за родную школу *отъ учителей*-украинцевъ въ Кіевѣ“ съ текстомъ изъ Апокалипсиса: „Глаголет Дух, да почіють од трудів своїх, *діла бо їх ходять вслід за ними*“; 2) „Украïнцу, што зернята прауды сеяу у народзе, думав аб счасцці і аб свабодзе—Беларусы“; “Niestrudzonemu działaczowi ukraińskiemu—przyjazni polacy“—„Неутомимому украинскому дѣятелю отъ дружественныхъ поляковъ“ и 4) вѣнокъ изъ Львова „отъ обществъ галицкой Украины“—„Борцеві за визвіл Украïни“, т. е. „*Борцу за освобожденіе Украины*“. Изъ десятка *рѣчей* было произнесено 7 по-украински, одна на бѣлорусскомъ жаргонѣ и *двѣ по-польски*. Одинъ польскій ораторъ распространялся о настоящей эпохѣ, „когда отовсюду ставятся препоны съ цѣлью задержать развитіе національныхъ культуръ“. Другой польскій общественный дѣятель высказалъ украинцамъ пожеланіе, чтобы они „возможно скорѣе увидали осуществленіе своихъ высокихъ стремленій“. Изъ корреспонденціи упомянемъ о письменномъ выраженіи соболѣзнованія отъ Академіи Наукъ на львовско-украинскомъ жаргонѣ. На гробъ Доманицкаго—крупнаго дѣятеля украинской партіи, талантливаго крестьянскаго агитатора и посредственнаго украинскаго литератора, вѣнковъ было возложено меньше, но надписи на лентахъ дышали столь же кричащимъ украинскимъ шовинизмомъ. Недавно тоже продѣлывалось на похоронахъ композитора Н. Лысенка и поэтессы Леси-Украинки въ Кіевѣ.

Въ 1911 году украинская партія примостилась коё-гдѣ къ празднованію юбилея манифеста 19 февраля 1861 года. Такъ, въ г. *Екатеринославѣ*, на торжественныхъ актахъ *во всѣхъ* среднеучебныхъ заведеніяхъ исполнялись номера украинской *декламаціи* (и пѣнія). Тоже самое было и въ школахъ губерніи: украинская *декламація* (и пѣніе) занимали видное мѣсто въ программѣ школьныхъ празднествъ.

Повторяющееся изъ года въ годъ празднованіе „роковинъ“ Шевченка, т. е. годовщины дня его рожденія (25-го февраля) или дня его смерти (26 февраля), даетъ поводъ къ устройству многочисленныхъ вечеринокъ, спектаклей, концертовъ и даже школьныхъ актовъ. Въ Галиціи этотъ день посвящается украинской партіей на брань по адресу Россіи; у насъ эта партія ограничивается стонами отъ имени „порабощенной и угнетенной украинской націи“. Пользуясь этими поминками, украинская партія навѣшиваетъ на беззащитнаго поэта, какъ на флагштокъ, свои собственныя вожделенія, свою современную платформу. Называя эти празднества литературными, партія утилизируетъ на нихъ изъ шевченковской литературы преимущественно тенденціозно-политическія произведенія, подчеркиваетъ въ нихъ руссофобскія фразы. Съ 1905 года производится полтавскимъ земствомъ и особымъ комитетомъ при кіевской думѣ сборъ денежныхъ пожертвованій на постановку въ Кіевѣ памятника Шевченку. Доселѣ собрано болѣе 120 тысячъ рублей. Къ сожалѣнію, въ число членовъ кіевскаго комитета попало нѣсколько видныхъ дѣятелей украинской партіи, и симпатичное дѣло увѣковѣченія памяти геніальнаго народнаго лирика сразу оказалось поставленнымъ на ненадлежащую дорогу: по селамъ разсылаютъ и, черезъ своихъ человѣчковъ, даже расклеиваютъ кое-гдѣ въ сельскихъ сборныхъ (екатеринославской губ.) плакаты съ весьма тенденціозной біографіей поэта на украинскомъ языкѣ; для усиленія средствъ на памятникъ устраиваются во многихъ мѣстахъ литературныя вечеринки съ чтеніемъ тенденціозныхъ образцовъ музы Шевченка и съ пріученіемъ публики къ демонстраціи чрезъ вставанье во время исполненія антирусскаго „Заповіт'а“ и т. п. Сборы на памятникъ, поэтому, превращаются въ рядъ мелкихъ рычаговъ, споспѣшествующихъ работѣ „сознательныхъ украинцевъ“.

§ 62. **Государственный украинскій флагъ.** Большинство „украинскихъ“ публицистовъ въ Галиціи и всѣ „сознательные“ украинцы въ Россіи сходятся на томъ, что „національнымъ цвѣтомъ для украинскаго народа нужно считать традиціонную комбинацію синяго съ желтымъ“. Право украинцевъ на національную „одзнаку“ предполагается очевиднымъ: указывается на примѣръ древнихъ галловъ и современныхъ ирландцевъ и напоминается, что „теперь *во всѣхъ странахъ* (?) есть свои національные цвѣта“. Историческая традиціонность малиноваго цвѣта (знамена современныхъ радикальныхъ „Сѣ- **„У. Д.“ 212—214.**

чей“ въ Галиціи) многими оспаривается и ирридентистами не признается. Въ пользу сине-желтаго цвѣта приводится рядъ оригинальныхъ мотивовъ; вотъ нѣкоторые изъ нихъ: 1) *Гонта и его козаки* одѣвались въ желтые жупаны и голубые кунтуши и шаровары; 2) Комбинаціи желтаго и синяго цвѣтовъ можно видѣть на старыхъ коврахъ и женскихъ плахтахъ (юбкахъ стариннаго кроя); 3) въ правобережной Малороссіи простой народъ украшаетъ фасадъ своихъ хатъ синимъ цвѣтомъ, а тылъ—желтымъ; 4) ни одинъ изъ *сосѣднихъ* съ украинцами *народовъ* не пользуется сине-желтымъ цвѣтомъ въ качествѣ національнаго; 5) въ польскую эпоху гербомъ „Рускаго“ воеводства былъ золотой коронованный левъ на синемъ полѣ; такимъ же гербомъ пользовалась львовская земля и г. Львовъ; 6) *для украинцевъ, какъ націи* исторически поздней (ибо еще не совсѣмъ они и стали націей), наиболѣе *исторической эмблемой*—является сине-желтый цвѣтъ, такъ какъ онъ на протяженіи 60 лѣтъ безпрерывно и *сознательно употребляется австро-угорскими украинцами* въ качествѣ національнаго.

Приведенныя разсужденія едва ли оставляютъ мѣсто сомнѣнію въ томъ, что сине-желтый цвѣтъ, по лжетрадиціи отъ галицко-волынской (яко бы украинской) державы, а также отъ эпохи гетманщины и гайдамаччины, избранъ украинской партіей въ качествѣ національнаго символа и лозунга „Соборной Украины“. По странному совпаденію (?), при католическихъ польскихъ церемоніяхъ въ Западной Руси фигурируютъ хоругви также сине-желтаго цвѣта, и таковой цвѣтъ признается *„папскимъ“*.

Сине-желтыя эмблемы афишируются украинской партіей совершенно безнаказанно. Три года назадъ одесское издательство „Дніпро“ выпустило въ продажу „карту земель, гдѣ живетъ украинскій народъ“. На поляхъ карты изображены *рядомъ гербы* кіевскій и львовскій, а между ними протянута двуцвѣтная *желто-синяя* полоса. Ленты тѣхъ же цвѣтовъ (при вѣнкахъ) фигурировали на похоронахъ „діячей“ партіи: Лысенка и Леси-Украинки въ Кіевѣ, польскаго помѣщика Юзефа Юркевича въ Сквирск. у. Кіевск. губ., Макаренковой въ Полтавѣ, врача Коломинскаго въ Юрьевѣ. Такими же лентами украшаютъ себя и *свои корзинки* нѣкоторыя продавщицы „ромашекъ“ въ южныхъ городахъ; ихъ спутники щеголяютъ съ двуцвѣтными розетками. На всякихъ украинскихъ концертахъ (Кіевъ) распорядители безъ сине-желтой розетки немы-

слимы. Полтавская книгарня выставила въ прошломъ году въ витринѣ портретъ Лысенка, убранный „національными" лентами. Въ текущемъ году кіевская „сознательная" труппа Садовскаго лѣпитъ по всему городу желтыя афиши съ голубымъ бордюромъ и, вѣроятно, будетъ еще долго лѣпить, пользуясь элементарной наивностью органовъ полицейскаго надзора.

Глава XII.

Лицо и изнанка украинства.

§ 63. **Обскурантизмъ украинофильства.** Украинофилы прошлаго вѣка проповѣдывали не пробужденіе въ народѣ старыхъ, хотя бы и заглохшихъ національныхъ идеаловъ, а прививку новаго узкаго національнаго партикуляризма. Старые національные идеалы Южной Руси *въ народныхъ массахъ* были при Несторѣ Лѣтописцѣ, при князѣ Константинѣ Острожскомъ, во время козацкихъ войнъ и позднѣе—только русскіе. Высшіе классы и немногочисленная интеллигенція дѣлились съ XVI вѣка на три лагеря: польскій, пошедшій съ начала XVII вѣка на убыль, русскій, находящійся къ первому въ обратно-пропорціональномъ отношеніи, и третій (немноголюдный)—космополитическій (гетманъ Разумовскій, философъ Сковорода и друг.). Съ первой трети прошлаго столѣтія зародился въ кружкахъ малорусской интеллигенціи новый лагерь (украинофильскій), который хотѣлъ отгородиться китайской стѣной отъ всякой извнѣ идущей культуры и, подобно Китаю, спать на печкѣ, пока Малороссія будетъ вариться въ собственномъ соку. Если бы украинофиламъ дали волю хозяйничать въ краѣ или оказали бы поддержку и помощь ихъ начинаніямъ, то украинофилы уподобились бы тому евангельскому рабу, который зарылъ порученный ему талантъ въ землю, подражали бы тѣмъ старообрядцамъ, которые согласны молиться лишь предъ иконами стариннаго письма, играли бы роль петровскихъ бояръ, защищавшихъ свои бороды, или шкловскихъ евреевъ, соперничавшихъ еще такъ недавно другъ передъ другомъ въ отращиваніи классическихъ „пейсовъ". Такое *украинофильское хозяйничанье* задержало бы на цѣлыя десятилѣтія культурно-экономическое развитіе Южной Руси и

„У. Д". 509—510

было бы для Юго-Западнаго края во многократъ *хуже полонизаціи.* Намъ припоминается вѣщій голосъ П. Кулиша, который въ письмѣ къ галицкому украинофилу А. Барвинскому горько восклицалъ: „Мы варвары; наши мечтанія и стремленія очень, въ дѣйствительности, мизерны (ничтожны)... раньше мы погубили польскую культуру; теперь *готовы погубить русскую,* а, ежели удалось бы, то погубили бы и общеевропейскую *культуру*". Это были, однако, идеалы кучки интеллигентовъ; въ нихъ неповиненъ народъ, какъ неотвѣтственъ онъ и сейчасъ за идеи украинства.

„У. Д." 335—337. § 64. **Программа украинства.** По словамъ М. Грушевскаго, начало созиданія современной программы украинства относится къ послѣдней четверти прошлаго вѣка; съ тѣхъ поръ (и до настоящаго времени) не было недостатка въ людяхъ, развивавшихъ общими силами россійской и австрійской Украины *политическую* програму украинства въ духѣ его старыхъ традицій—радикальнаго демократизма съ сильной соціалистической окраской и національнаго федерализма; такъ сложилась современная программа украинства, въ главныхъ чертахъ общая Украинѣ россійской и австрійской. Эта современная *украинская программа* представляетъ собою, по словамъ профессора, *новѣйшій этапъ* того стараго общественно-политическаго движенія, предшествующія стадіи котораго представляетъ, напр., *хартія 1710 г.* (патентъ водевильнаго гетмана Орлика, скрѣпленный шведскимъ королемъ Карломъ XII. С. Щ.) или *статутъ кирилло-мефодіевцевъ.* Въ этой современной украинской платформѣ... мотивы соціальнаго характера совпадаютъ съ національными и тѣсно сплетаются съ ними. Въ другой статьѣ г. Грушевскій еще болѣе рѣшительно садится на своего стараго боевого коня—*„всеукраинство или украинскій универсализмъ"*, тѣсное единеніе всѣхъ частей украинской земли (въ Россіи и Австріи); надъ этимъ единеніемъ долженъ работать каждый гражданинъ украинской земли, ибо лишь оно одно можетъ вести къ возрожденію разбросанныя части украинскаго народа. Это писано профессоромъ три года назадъ. Національная программа является подготовительной стадіей къ такому единенію; она сводится къ полной украинизаціи школы, а также введенію украинскаго языка въ судебную и административную практику на югѣ Россіи. Другими словами, автономіи политической предпосылается автономія культурно-національная.

§ 65. Политическая программа. Прислушиваясь къ голосу украинской прессы за послѣднее трехлѣтіе, мы найдемъ оцѣнку политическихъ задачъ украинства. По М. Грушевскому, въ программѣ украинства соціально-экономическая сторона тѣсно и неразрывно связана съ политической и національной, такъ что *нѣтъ возможности отдѣлить его національныя требованія отъ его соціальнаго радикализма.* Львовскій публицистъ М. Чацкій констатируетъ, что украинство превращается все болѣе и болѣе *въ движеніе по преимуществу политическое и соціально-экономическое.* Журналъ „Світло“ пророчитъ этому движенію опредѣленное русло: „народъ, затронутый національнымъ возрожденіемъ, прокладываетъ *дорогу къ* культурной и *соціальной независимости*“. По словамъ львовскаго „Діла“, въ Россіи уже знаютъ хорошо, что *каждое національное движеніе является* въ большей или меньшей мѣрѣ *движеніемъ политическимъ;* національно-культурная обособленность украинцевъ требуетъ нѣкотораго рода политической самостоятельности. Проговорилась въ прошломъ году и осторожная кіевская „Рада“. Культура, по словамъ газеты, конечно, не одно и тоже, что политика, но... *культура и политика неразрывно связаны другъ съ другомъ* тысячами живыхъ нитей. „У. Д.“ 336—340. 505. 517—518.

Въ нынѣшнемъ году „сознательный“ публицистъ Донцовъ заявилъ (въ журн. „Дзвін“), что именно теперь украинскій вопросъ становится вопросомъ политическимъ, по преимуществу; идея, писалъ онъ (въ отдѣльной брошюрѣ), затрагивающая интересы цѣлыхъ общественныхъ классовъ не можетъ быть чуждою политикѣ.

Въ прошломъ году проф. Грушевскій отмѣтилъ въ украинствѣ еще ту черту, что оно грозитъ *ослабить національную мощь государственной великорусской народности и даже— самого государства; оно, слѣдовательно, вредно съ точки зрѣнія русскихъ и славянскихъ интересовъ;* ту же мысль въ концѣ прошлаго года провелъ бывшій сотрудникъ „Укр. Жизни“, харьк. проф. А. Погодинъ, который считаетъ уничтоженіе національнаго единства русскаго народа „не усиленіемъ всѣмъ намъ нужной силы славянства, а ослабленіемъ ея“.

Высокопробность „соціальнаго радикализма“ въ украинской программѣ сомнительна. Львовскій поэтъ В. Пачовскій предсказывалъ (въ 1907 году), что украинскій народъ будетъ имѣть „народную державу анархистскаго характера“; въ ны-

нѣшнемъ году онъ помѣстилъ въ газетѣ „Громадскій Голосъ" стихотвореніе съ далеко не соціалистическими лозунгами:

Хто живий—уставай, меч у руки хапай,
На Україну трубить Богдан!
До борби, до борби кличе голос труби—
Люд встає від Кавказу по Сян!
Наш народ великан на Ляха, Москаля—
В бій піде і поборе в борбі!
Від Кавказу по Сян українська земля—
Землю ту відбиремо собі!

„У. Д." 339. 512—516. § 66. **Культурническая программа.** Украинская партія въ Россіи, опасаясь показывать свои политическіе зубы, ограничивается пропагандой украинскаго языка и украинской книги въ деревнѣ, а кое-гдѣ и въ деревенской школѣ. „Лит.-Наук. Вістник", именуя эти проявленія „культурными", одобряетъ такую умѣренность партіи, ибо „культура—наиболѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе уловимое и уязвимое проявленіе національной жизни".

Относительно малой цѣнности такой „культурной" работы дѣлаетъ интересныя признанія „Укр. Хата". Если поставить,—говоритъ этотъ журналъ,—украинство на узко-утилитарную почву, если объяснять полезность его только нуждами экономическаго, классоваго, просвѣтительнаго „для мужиковъ" характера и т. п., то... намъ *выгоднѣе* было бы отказаться отъ своего имени и *броситься въ объятія* ассимиляціи, а это значитъ—*богатой культуры* нашихъ сосѣдей. Объ интеллигенціи журналъ выражается уже совсѣмъ недвусмысленно. *Украинская интеллигенція*,—по словамъ „Укр. Хаты",—*можетъ пользоваться чужой культурой, родной для нея не менѣе степей и рощъ Украины.* Это положеніе прекрасно формулировано нынѣшнимъ лѣтомъ въ горячей и честной статьѣ проф. А. Л. Погодина („Бирж. Вѣд." № 13598). „Вращаясь въ обстановкѣ общерусскихъ умственныхъ и политическихъ интересовъ, живя богатствомъ русской литературы съ ея чрезвычайнымъ разнообразіемъ темъ и съ обиліемъ общерусскаго и общечеловѣческаго содержанія, малорусская интеллигенція, по образному выраженію профессора-украинофила, вынуждена, такъ сказать, пригибаться, чтобы пройти въ низенькія сѣнцы провинціальной украинской литературы, столь монотонной по настроенію, столь однообразной по своимъ темамъ. Можно пригнуться разъ и другой во имя идеи, но не вѣчно же это дѣлать: захочется широкаго простора

общечеловѣческой, а не узко-національной культуры, и „украинецъ“ невольно возьмется за русскую книгу, по духу ему болѣе родную, чѣмъ національно-малорусская литература. Можно называть, если угодно, такихъ людей „ренегатами“, „тоже—малороссами“, и т. д., но отъ этого дѣло не измѣняется: вся болѣе образованная, культурно развитая малорусская интеллигенція и говоритъ, и будетъ говорить по-русски“.

Тенденціозная искусственность и безполезность создаваемой украинской „культуры“ прекрасно опредѣлена была въ 1911 г. извѣстнымъ публицистомъ П. Б. Струве. Какая-то упорная традиція, говоритъ онъ, постоянно оживляемая *интеллигентской политической тенденціей,* скрываетъ отъ такихъ людей (украинофиловъ) огромный историческій фактъ: существованіе русской націи и русской культуры; именно русской, а не великорусской. Струве указываетъ, что на ряду съ этнографическими терминами „велико-, мало- и бѣлорусскій есть еще терминъ „русскій“, который есть живая культурная сила, великая, развивающаяся и растущая національная стихія. Русская культура, по справедливому мнѣнію г. Струве, неразрывно связана съ государствомъ и его исторіей. Русская наука и русское искусство, говоритъ публицистъ,—огромныя культурныя силы, и эта культура есть внутренновластный фактъ самой реальной жизни всѣхъ частей имперіи (кромѣ царства Польскаго и Финляндіи). Онъ предлагаетъ вдуматься, что означаетъ излюбленная постановка великорусской культуры въ одинъ рядъ съ малорусской и бѣлорусской. Это значитъ, подсказываетъ г. Струве, что рядомъ съ русской культурой должны быть созданы параллельныя культуры малорусская и бѣлорусская; онъ видитъ предъ Россіей не болѣе, ни менѣе, какъ огромный титаническій *замыселъ раздвоенія* или растроенія *русской культуры* на всемъ ея протяженіи—отъ букваря до общей патологіи и кристаллографіи, отъ народной пѣсни до переводовъ изъ Овидія, Гёте, Верлэна или Верхарна. Это значитъ, поясняетъ г. Струве, что *малорусская или бѣлорусская націи* станутъ въ такое же отношеніе *къ великорусской,* въ какомъ *чехи* стоятъ *къ нѣмцамъ* или австрійскіе „украинцы“ къ полякамъ; но вѣдь это значитъ, что *малорусская и бѣлорусская культуры* будутъ *нарочно создаваемы.* Придя къ выводу, что въ Россіи существуетъ пока одна единая русская культура въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы можемъ говорить о національныхъ культурахъ, публицистъ требуетъ такого положенія и на будущее время.

Россія, говоритъ онъ, потому не можетъ не быть національно-русскимъ государствомъ, что единой русской націи историческимъ ходомъ вещей предуготована не только политическая, но и культурная гегемонія въ Россіи. Гегемонія эта, по справедливому опредѣленію г. Струве, есть плодъ всего историческаго развитія нашей страны и фактъ совершенно естественный. Струве предостерегаетъ, что созданіе въ странѣ множества культуръ, такъ сказать, одного роста поглотитъ массу средствъ и силъ, которыя при другихъ условіяхъ пошли бы не на националистическое размноженіе культуръ, а на подъемъ культуры вообще.

Въ концѣ прошлаго года появилось въ „Укр. Жизни" письмо Максима Горькаго. Въ дѣлѣ созданія русской культуры, говоритъ онъ, Кіевская Русь принимала участіе не меньшее, чѣмъ сѣверяне, и на протяженіи всей исторіи нашей происходилъ и происходитъ братскій обмѣнъ духовныхъ силъ. Россію, какъ образно выразился Горькій, строили всѣ три племени вмѣстѣ, и они то и есть живой ея скелетъ... надобно неуклонно заботиться, чтобы этотъ стержень хорошо чувствовалъ свое химическое единство.

„У. Д." 503—510. § 67. **Лжестихійность украинства.** Украинская партія, въ оправданіе своей работы и своихъ надеждъ, выдвигаетъ стихійность стремленія малороссовъ къ обособленности. Г. Грушевскій находитъ у этого „огромнаго тридцатимилліоннаго населенія *стихійную привязанность* къ своему языку" и, такимъ образомъ, провозглашаетъ „органичность, *стихійную силу* и значеніе украинскихъ національныхъ запросовъ". „Рада" также увѣряетъ, будто „національное возрожденіе охватило широкія массы украинскаго народа". „Укр. Жизнь", въ первой книгѣ за настоящій годъ охарактеризовала украинское движеніе (на смѣхъ курамъ и на поученіе своимъ читателямъ), какъ „судорожныя усилія многомилліоннаго народа жить и развиваться". Всѣ эти заявленія представляютъ беззастѣнчивое надувательство. Всѣ данныя, отъ Ярославовой „Правды" до общей судьбы въ продолженіе долгаго времени, говорятъ не за украинскую стихійность у малороссовъ, а за русскую.

Прекрасно формулировано этнографическое положеніе малороссовъ въ славянствѣ профессоромъ Пражскаго университета, извѣстнымъ славяновѣдомъ Л. Нидерле, который въ недавно выпущенномъ крупномъ научномъ трудѣ заявляетъ категорически, что у малороссовъ и великороссовъ „столь

много общихъ чертъ въ исторіи, традиціи, вѣрѣ, языкѣ и культурѣ, не говоря уже объ общемъ происхожденіи, что *съ точки зрѣнія сторонняго и безпристрастнаго наблюдателя,* это—только двѣ части одного великаго русскаго народа". Польскій историкъ Равита-Гавронскій (руссофобъ) называетъ Кіевъ—колыбелью Россіи и, притомъ, не Руси, что въ польскомъ языкѣ имѣло бы иное значеніе, а именно—Россіи. Польскій писатель Болеславъ Прусъ, стоявшій въ рядахъ украинофиловъ, упоминалъ о Волыни, Подоліи и Украинѣ (Кіевщинѣ), какъ о *коренныхъ русскихъ областяхъ* (rdzennie rosyjskich okolicach). Членъ Государственнаго Совѣта проф. Багалѣй во время дебатовъ о Холмщинѣ сказалъ, что „край этотъ населенъ *малороссами,* и *поэтому* нѣтъ причинъ считать его *нерусскимъ*". Въ архивѣ кн. Четвертинскихъ сохранился виршъ, сочиненный и записанный въ эпоху хмельниччины (половина XVII в.). Этотъ безхитростный образецъ малорусской поэзіи кончается мольбою къ Богоматери о дарованіи мирныхъ временъ:

„Пречистая Панна, то утиха давна, то ей упрашаю,
Жебы ся молила, войну ускромила на Россійскомъ краю".

Здѣсь, сквозь полонизованную малорусскую форму рѣчи, ярко блеститъ русское національное сознаніе автора.

По словамъ историка Костомарова, малороссы сознавали и сознаютъ неизбѣжность и неразрывность связи съ великороссами. „Южнорусское племя,—говоритъ онъ, въ минувшей исторіи доказало свою *неспособность къ государственной жизни;* оно справедливо должно было дать дорогу великорусскому, примкнуть къ нему въ то время, когда общей задачей русской исторіи было созиданіе русскаго государства". Журналъ „Укр. Хата" откровенничалъ три года назадъ, что „украинская нація складывается изъ 30 милліоновъ рабовъ (sic) и горсти Донъ-Кихотовъ". Одинъ изъ дѣятелей украинской соціалъ-демократической фракціи г. Рыбалка писалъ въ 1910 г.: „Вспомнимъ объ украинскомъ національномъ возрожденіи. Развѣ не *смѣшно говорить о* его *стихійности?*" Нѣкій Л. Жебуневъ („сознательный украинецъ") писалъ, годъ назадъ, въ „Укр. Жизни", что его всегда приводитъ въ недоумѣніе, когда говорятъ объ украинскомъ движеніи, ссылка на пресловутые 25.000.000 украинцевъ, представляющихъ собою въ огромномъ большинствѣ темную, безграмотную и

безсознательную во всѣхъ отношеніяхъ (включая и національное) массу.

Украинское движеніе уже потому не можетъ претендовать на стихійность, что оно вовсе не демократично. Вопросъ этотъ прекрасно освѣщенъ въ нынѣшнемъ году Л. Юркевичемъ (въ спеціальной брошюрѣ). Мысль о демократичности украинства, по его словамъ, чистѣйшая басня; сознательная украинская интеллигенція дѣйствительно всегда льнула къ народнымъ массамъ, но это еще не дѣлаетъ ее искренно-демократичной; интеллигенція только ухаживала за народными массами, а такое ухаживаніе не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ демократизмомъ.

„У. Д.“ 524. § 68. **Лжепрогрессивность украинства.** По заявленію проф. Грушевскаго, украинская партія въ Россіи складывается изъ (малорусскихъ) демократовъ-радикаловъ, народныхъ соціалистовъ, соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ. Все это звучитъ очень „прогрессивно“; въ дѣйствительности же въ украинскую партію идутъ лишь болѣе отсталые и темные элементы изъ этихъ фракцій, и мы увѣрены, что, превратись сегодня русское правительство въ радикально-демократическое, завтра же украинская партія окажется въ оппозиціи и къ нему. Еще ненавистнѣе для украинской партіи было бы такое правительство, которое провозгласило бы принципъ первой французской революціи—государственно-національный централизмъ. По признанію „Укр. Хаты“, „украинцы“, ошибочно смѣшивая прогрессивность съ политиканствомъ („поступ з політикою“), глубоко увѣрены, что представляютъ самый прогрессивный элементъ въ Россіи, а на дѣлѣ украинство лишь поддѣлывается
См. § 65. (підшиваеться) подъ радикализмъ. Проф. Погодинъ въ цитированномъ нами письмѣ говоритъ, что уничтоженіе національнаго единства русскаго народа онъ считаетъ съ общечеловѣческой, общекультурной точки зрѣнія не прогрессомъ, но реакціей.

По своему внутреннему содержанію украинское движеніе также ничуть не прогрессивно; оно лишь оппозиціонно государственному единству Россіи и враждебно русской культурѣ, а потому неизбѣжная судьба украинства—состоять въ непрерывной оппозиціи къ русскому правительству, пока Россія существуетъ, какъ цѣлая величина.

„У. Д.“ 521—523. § 69. **Руссофобство и мазепинство.** Проповѣдь ненависти къ Россіи является главнымъ рычагомъ, при помощи котораго украинская партія разсчитываетъ сплотить свои силы и раз-

вить достодолжную энергію. Иногда (и не очень рѣдко) изувѣрство „сознательныхъ“ доходитъ до сѣянія вражды у малороссовъ къ родному великорусскому племени. „Воистину несчастливъ, говоритъ „Укр. Хата“,—тотъ украинецъ, у кого россійская семья... Быть сознательнымъ украинцемъ и устроить себѣ „русскую“ (ковычки подлинника) или польскую семью—можетъ ли быть большая насмѣшка надъ своимъ я, надъ своимъ идеаломъ!.. Если ты любишь Украину, ты долженъ пожертвовать любовью къ другимъ географическимъ единицамъ. Если любишь свой языкъ, то *ненавидь языкъ врага...* Умѣй ненавидѣть. Если у насъ идетъ рѣчь объ Украинѣ, то мы должны оперировать однимъ словомъ—ненависть къ ея врагамъ... *Возрожденіе Украины — синонимъ ненависти* къ своей женѣ московкѣ, къ своимъ дѣтямъ кацапчатамъ, къ своимъ братьямъ и сестрамъ кацапамъ, *къ своимъ отцу и матери кацапамъ.* Любить Украину значитъ пожертвовать кацапской родней“. Читая современную украинскую прессу, можно видѣть, что ненависть ко всему „россійскому“ считается прописной, ходячей моралью у сторонниковъ украинской партіи. Объ этой ненависти украинская пресса позволяетъ себѣ говорить, какъ о всѣмъ извѣстной предпосылкѣ. По украинской терминологіи, малороссы, любящіе Россію,—сволочь (мотлохъ).

Прекрасную отповѣдь изувѣрамъ-руссофобамъ даетъ проф. А. Погодинъ („Бирж. Вѣд.“ № 13596). „Нельзя, говоритъ онъ, сдѣлаться сознательнымъ гражданиномъ отечества, отграничивая себя отъ общенароднаго стѣной національнаго шовинизма. Этотъ послѣдній, вообще, по существу своему реакціоненъ, и націоналисты, какъ таковые, къ какой бы народности они ни принадлежали, и какими бы мотивами ни руководились, всегда рискуютъ забыть изъ-за деревьевъ о существованіи лѣса и заплутаться въ своихъ націоналистическихъ трущобахъ. Проповѣдь уваженія къ своему весьма легко превращается въ проповѣдь ненависти къ чужому. „Свой къ своему“: слѣдовательно, „чужіе прочь“! Когда эти чужіе, дѣйствительно, чужіе, то это еще не такъ вредно; можно понять, какъ чехъ стремится отгородиться отъ нѣмца, или, даже, какъ полякъ стремится не пускать въ свое общество чиновника-„обрусителя“. Но, воля ваша, признать въ малороссѣ, бѣлоруссѣ чужого я не могу такъ же, какъ въ архангельскомъ крестьянинѣ, хотя географически они, пожалуй, всѣ одинаково для меня чужіе. Между тѣмъ, украинская публицистика именно это сознаніе старается привить народнымъ массамъ.

„Процессъ переливанія живой крови изъ нашего національнаго организма въ *чужой*“ (С. Ефремовъ. „Історія украінського письменства“, 463),—вотъ постоянный мотивъ, который проходитъ въ сѣтованіяхъ малорусской печати на тѣхъ писателей-малороссовъ, которые писали на общерусскомъ литературномъ языкѣ. И здѣсь, я опасаюсь, заключается уже не здоровое сѣмя украинской проповѣди, но посѣвы плевелъ, которые, взойдя, отравятъ народную душу чувствами вражды и зависти. А намъ, всѣмъ русскимъ племенамъ, такъ нужна теперь общность и солидарность, такъ *нужно русское національное сознаніе, которое должно стать выше мѣстныхъ націонализмовъ*“.

Мы не можемъ попутно не коснуться легенды, поддерживаемой и въ Запискѣ нашей Академіи Наукъ, будто руссофобскую струю въ галицко-малорусской печати породили ограниченія 1863 г. и позднѣйшія, обрушившіяся на малорусскую печать въ Россіи. Такое предположеніе является плодомъ
См. § 17. недоразумѣнія: достаточно вспомнить памфлеты Головацкаго и Яхимовича, намѣтившіе еще *въ 1846 г.* курсъ австро-малорусской прессы, не говоря уже объ антирусской агитаціи въ Галиціи со стороны польскихъ „уцѣкинеровъ“.

Ненависть къ Россіи, какъ къ государственно-правовому организму, водитъ перомъ украинскихъ публицистовъ при обсужденіи любого текущаго вопроса русской внутренней политики и русской культурной жизни. Таковы, напр., ихъ вылазки въ 1909 г. по поводу юбилея полтавскаго боя: при упоминаніи объ этомъ событіи сознательный украинецъ корчится, какъ бѣсъ отъ ладана. Самый фактъ существованія русской культуры на Югѣ Россіи приводитъ дѣятелей украинства почти въ неистовство. Вѣчное дезертирство нашихъ землячковъ,—говоритъ М. Грушевскій,—которые... теперь убѣгаютъ „подъ сѣнь струй великой россійской культуры“, это то историческое зло, которое столько разъ рѣзало Украину въ самые критическіе моменты украинской (?) жизни и рѣжетъ теперь по самому живому мѣсту. Неправда ли, г. Грушевскому какъ разъ подстать воевать съ вѣтряными мельницами?

„У. Д.“ 525–528. § 70. **Лжефедерализмъ.** Идея превращенія русской державы въ федерацію отдѣльныхъ автономныхъ штатовъ, под-
См. § 9. сказанная кирилло-меѳодіевцамъ польскими суфлерами, стала, какъ мы видѣли, фетишемъ Грушевскихъ, Коршей и ихъ единомышленниковъ, но украинская партія отлично учитываетъ, что на пути ея федеративныхъ построеній лежитъ этнографи-

ческій складъ русскаго ядра Имперіи. Тріединое русское племя составляетъ 80% населенія Европейской Россіи (безъ Привислинья и Финляндіи) и 81% населенія Сибири. Общеимперскій коэффиціентъ для русскаго племени равенъ 2/3 всего населенія (по переписи 1897 г.—65,5%); изъ этихъ 65,5% приходится на долю бѣлоруссовъ 4,5%, на долю малороссовъ 17,7% и на долю великороссовъ 43,3% всего населенія имперіи.

Для федералистовъ, изъ лагеря которыхъ доносится къ намъ голосъ украинца семитской марки В. Жаботинскаго, весьма важенъ вопросъ „считать или не считать украинцевъ и бѣлоруссовъ за особливыя націи, быть ли Россіи государствомъ національнымъ, или же государствомъ національностей („Nationalitätenstaat"). „Если украинцевъ и бѣлоруссовъ,— говоритъ г. Ж.,—причислить (!) къ единой русской націи, то нація эта возрастетъ (sic) до 65% всего населенія Имперіи, т. е. до громаднаго большинства въ двѣ трети, и тогда картина, дѣйствительно, недалека отъ національнаго государства; наоборотъ, если украинцевъ и бѣлоруссовъ считать за особливыя народности, то господствующая національность сама оказывается въ меньшинствѣ (43%) по сравненію съ прочимъ населеніемъ". Тоже отмѣтилъ въ прошломъ году ливерпульскій журналъ „Russian Review", получающій, очевидно, опредѣленныя информаціи о Россіи. „Скристализованіе украинскаго народа, говоритъ этотъ органъ, въ сознающую свою отдѣльность украинскую націю уничтожитъ основанія къ тому, чтобы признавать за русскими (russians) большинство въ Россіи.

Естественно, что украинская партія и другіе враги русской мощи желаютъ, путемъ пропаганды украинства, приблизить Россію къ тому „лоскутному" типу, къ какому, по готовымъ мотивамъ этнографическаго свойства, стремится съ половины прошлаго столѣтія Австрія (Цислейтанія), а по ея стопамъ готовятся послѣдовать и земли Короны Св. Стефана. Въ Австро-Венгріи, гдѣ обѣ господствующія народности (resp. тевтонская и урало-финская) совершенно чужды по расѣ своимъ „инородцамъ", такая федеративная эволюція находитъ подъ собой, повидимому, довольно прочную почву. Въ Россіи такую почву нужно создавать, ибо, пока сила сцѣпленія между великороссами и двумя другими братними племенами не нарушена, всѣ притязанія подлинныхъ инородцевъ въ Россіи не смогутъ достичь силы тѣхъ трубъ, отъ коихъ палъ библейскій Іерихонъ. Украинская партія, однако, облюбовала свою тему

и пользуется всякимъ случаемъ, чтобы заявить, будто инородцы составляютъ свыше 50% населенія Россійской имперіи Защищая свою ариѳметику, партія, какъ мы видѣли выставляетъ стихійное желаніе самого украинскаго народа перечислиться изъ сыновей въ пасынки, изъ родныхъ въ инородцы. Мы знаемъ однако, что такое утвержденіе является клеветой по адресу народныхъ массъ на Югѣ и по адресу большинства южно-русской интеллигенціи.

Обратимся къ украинской прессѣ, чтобы изъ нея почерпнуть свѣдѣнія объ австрійскомъ Эдемѣ, который считается украинской партіей не только за образецъ, достойный подражанія, но и за трафаретъ для нанесенія новыхъ красокъ на карту Россіи. Теоретическое признаніе равноправія народностей (въ Австріи), по словамъ г. Грушевскаго, лишь обострило національную борьбу и затормозило экономическое и культурное развитіе края (Галиціи), да и во всей имперіи Габсбурговъ экономическое, культурное и общественное развитіе страны парализовано въ послѣднія десятилѣтія національной борьбой. „Государственная жизнь Австріи,—писала „Рада" въ прошломъ году,—держится главнымъ образомъ на взаимномъ національно-политическомъ людоѣдствѣ".

Изъ объясненій львовскаго профессора явствуетъ, что современный курсъ Австріи принятъ ею для освобожденія своей жизни отъ „національныхъ усложненій". Тутъ, слѣдовательно, средства оправдываются, отчасти, благою цѣлью—предпочесть изъ двухъ золъ меньшее. Но вѣдь, намъ хотятъ навязать эти усложненія, у насъ ихъ выращиваютъ искусственно для того, чтобы возложить потомъ на Россію долгую и неблагодарную работу „освобожденія себя отъ этихъ усложненій".

Благодаримъ покорно!

Глава XIII.

Ягеллонская идея.

„У. Д.", 451—460. § 71. **Украинофильство современныхъ поляковъ.** Тѣсное единеніе Польши съ Литвою и Западной Русью, явившееся плодомъ политики короля Ягелло, является и въ наши дни необходимымъ условіемъ для отбудованія исторической Польши.

Вѣроятность такого единенія въ будущемъ встрѣчаетъ опаснаго врага въ русской культурѣ, которая сближаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ Бѣлую Русь и Малороссію съ Великороссіей и, такъ сказать, сливаетъ эти три части въ одно цѣлое. Неудивительно, поэтому, что въ средѣ польской интеллигенціи на всей территоріи бывш. Рѣчи Посполитой украинская партія имѣетъ (пока она дѣйствуетъ въ Россіи) весьма много благожелателей и приспѣшниковъ. Болѣе дальновидные изъ нихъ сочувственно слѣдятъ за „возрожденіемъ украинскаго народа" отъ Буга до Кубани; другіе польскіе дѣятели интересуются, въ первую очередь, судьбами правобережной Малороссіи, причисляемой поляками доселѣ къ польскимъ „кресамъ" (окраинамъ).

Вліятельный польскій публицистъ Дмовскій, въ брошюрѣ 1904 года, разсматриваетъ правобережную Малороссію (въ ея прошломъ, настоящемъ и *будущемъ*), какъ историческое поле польской колонизаціи. Въ 1907 г. краковскій публицистъ Сроковскій доказываетъ въ обстоятельной статьѣ, что всестороннее „національное" развитіе русиновъ (малороссовъ) является для польской „справы" дѣломъ выгоднымъ и желательнымъ. Самымъ важнымъ объектомъ вѣкового спора нашего съ Россіей, говоритъ г. Сроковскій, были области, обитаемыя русинами. Большая часть этихъ областей перешла во власть Россіи и стала однимъ изъ краеугольныхъ камней ея государственнаго организма. Ни одна изъ покоренныхъ Великороссіей областей, не исключая даже служащей выходомъ къ Балтійскому морю Ингерманландія (петербургской губ.), не является для великодержавнаго бытія Россіи столь безусловно необходимой, какъ именно Малороссія. Сроковскій не знаетъ, достигнутъ ли малороссы когда-либо такого развитія, чтобы создать собственное государство (какую-нибудь украинскую республику), но онъ не сомнѣвается, что *ихъ національное развитіе* всегда *будетъ* на почвѣ русскаго государства *элементомъ* децентрализаціоннымъ, а, слѣдовательно, *ослабляющимъ* сосредоточеніе силъ Россіи. Коль скоро такой національный сепаратизмъ малороссовъ, говоритъ онъ, самымъ своимъ существованіемъ становится опаснымъ для нашего вѣковаго врага—великодержавной Россіи,... то тѣмъ самымъ онъ для насъ представляетъ выгодное и желательное явленіе, ибо *все то, что ослабляетъ моего врага,—полезно и желательно* (wszystko jest dobrem i pożadanem, co osłabia mojego wroga). Въ заключеніе г. Сроковскій предлагаетъ своимъ

соотечественникамъ и русинамъ-сепаратистамъ помогать другъ другу въ цѣляхъ развитія и усиленія за счетъ престижа Россіи.

Въ 1908 году подобная мысль проведена въ статьѣ авторитетнаго краковскаго журнала „Ateneum Polskie", сводящейся къ тому, что „развитіе движенія русинскаго можетъ быть союзникомъ въ борьбѣ Польши съ Россіей". Содѣйствіе этому движенію, лишь бы не въ ущербъ полякамъ, должно, по мнѣнію журнала, входить въ программу каждаго польскаго дѣятеля, если онъ имѣетъ *широкій* кругозоръ.

Волынскій землевладѣлецъ полякъ Вацлавъ Липинскій, въ изданной въ 1909 году за кордономъ брошюрѣ, идетъ еще дальше. *Мы* (поляки Западной Руси) *должны*, говоритъ онъ, своими духовными и матеріальными силами *поддерживать мѣстную культуру*, культуру даннаго края и народа, культуру, *которая можетъ быть только украинской и* которая, какъ видно изъ нашей исторіи, *не можетъ быть для насъ чужою*.

Въ 1910 году львовская украинская пресса опубликовала интересное заявленіе современнаго польскаго историка Люціана Татомира о роли украинства въ судьбахъ будущей Польши. По его мнѣнію, она собственными силами не дастъ отпора двумъ могучимъ колоссамъ (Германіи и Россіи) и можетъ противъ нихъ держаться лишь, если выростетъ Украина-Русь. Мы (*поляки*), говоритъ г. Татомиръ, *должны*, поэтому, *содѣйствовать украинскому движенію*.

Послѣднее трехлѣтіе несетъ изъ польскаго лагеря тѣ же пѣсни. Въ 1911 году видный польскій публицистъ Фельдманъ заявляетъ въ краковскомъ журналѣ „Krytyka", что *польза польской справы требуетъ содѣйствія возникновенію* сильнаго *ирредентистскаго движенія среди малороссовъ* (и литовцевъ). „*Намъ*, говоритъ г. Ф., должно быть *наруку все*, что дезорганизуетъ русское государство и разрушаетъ его силу". Въ той же книгѣ журнала находимъ статью „Націо-нальныя дѣла въ Галиціи". Роста силы украинцевъ, говоритъ ея авторъ, мы не только не боимся, но, напротивъ, не знаемъ лучшаго способа *держать Россію подъ угрозой*. Польскій публицистъ Л. Василевскій, издавшій въ томъ же году спеціальную книгу объ украинскомъ вопросѣ, объявляетъ себя „горячимъ сторонникомъ возрожденія украинскаго народа" и называетъ послѣдній *родственнымъ* (pokrewnym) польскому народу. Горячей защитницей украинства выступила въ 1911 году польская газета „Dziennik Petersburski";

мотивы ея таковы: „*Безъ возрожденія* въ національномъ смыслѣ *автономной Украины*, *автономія Польши* въ Россійскомъ государствѣ *является* неосуществимой *утопіей*“.

Въ прошломъ году во Львовѣ былъ прочтенъ рефератъ польскимъ публицистомъ Баталья. Поляки, по словамъ оратора, *идя часто рука объ руку съ „мазепинцами“ на Украинѣ*, защищаютъ „русинское“ національное дѣло и выполняютъ по отношенію къ малороссамъ ту же, собственно, миссію, какую выполняли поляки на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, защищая земли малороссовъ отъ басурманъ. Въ прошломъ же году львовскій публицистъ Л. Кульчицкій объявилъ, что національные интересы польскаго и украинскаго народовъ тождественны.

Въ началѣ нынѣшняго года, когда польская Галиція подготовляла броженіе среди поляковъ въ Россіи, краковскій историкъ Лимановскій увѣрялъ, что присоединеніе малороссовъ къ польскому „повстанью“—единственное для нихъ средство обезпечить себѣ національную независимость. Нынѣшней весной, наконецъ, краковскій профессоръ С. Залесскій выразилъ, въ политической брошюрѣ, надежду на пышный ростъ украинскаго движенія въ Россіи, каковое обстоятельство онъ находитъ весьма желательнымъ.

§ 72. **Отъ слова къ дѣлу.** Въ Галиціи благопріятное **„У. Д.“**
отношеніе поляковъ къ новому украинскому языку и новому **459—464.**
правописанію истекало исключительно изъ надеждъ видѣть въ украинской литературѣ не предметъ для мѣстнаго потребленія, а предметъ вывоза въ Южную Россію, какъ средства борьбы съ ростомъ русской культуры „въ забраномъ краѣ“. У себя дома (въ Галиціи) поляки склонны смотрѣть на развитіе украинской литературы, лишь какъ на неизбѣжное зло, а на свое попустительство по отношенію къ ней, лишь какъ на жертву, приносимую въ интересахъ западнорусскихъ „кресовъ“. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ тенденціями польской интеллигенціи въ Западной Руси. Здѣсь украинофильство стало не только теоретической аксіомой, но и успѣло проявить себя, за послѣдніе годы, совершенно опредѣленными внѣшними актами. Въ 1909—10 гг. издавались въ Кіевѣ польскіе органы „Przegląd Krajowy“ („Краевое Обозрѣніе“) и „Zjednoczenie“ („Объединеніе“); оба имѣли цѣлью проводить мысль о близкомъ родствѣ поляковъ съ малороссами и внушать полякамъ, что въ ихъ интересахъ примкнуть къ политическому украинскому движенію. Журналы эти, за ску-

достью фондовъ и отсутствіемъ подписчиковъ, угасли, но работавшая въ этихъ изданіяхъ группа польской интеллигенціи, преимущественно молодежи, не распалась. Въ прошломъ году въ Кіевѣ появилась (и угасла черезъ 2 недѣли) новая польская „Gazeta Kresowa“. Въ первомъ номерѣ, излагая свое „profession de foi“, редакція обѣщала „сохранить самыя дружескія сосѣдскія отношенія съ братскимъ („pobratymczem“) украинскимъ обществомъ, стремленіямъ коего къ *культурной* самостоятельности мы будемъ всегда искренно сочувствовать“. По словамъ „Рады“, примѣръ поляковъ Антоновича и его друга Рыльскаго, ставшихъ полвѣка назадъ во главѣ украинофиловъ, находитъ доселѣ подражателей, которые „работаютъ на нивѣ украинскаго культурно-національнаго возрожденія, причемъ такое теченіе въ польскомъ обществѣ *никогда не прерывалось*. Этимъ увѣреніямъ „Рады“ мы охотно вѣримъ и добавимъ, что въ прошломъ году въ Краковѣ вышла въ свѣтъ книга подъ заглавіемъ „Z dziejów Ukrainy“ (Изъ исторіи Украины). Книга посвящена памяти *Владиміра Антоновича*, Рыльскаго и Паулина Свѣнцицкаго. Въ числѣ редакторовъ сборника фигурируютъ помѣщики правобережной Малороссіи Вацлавъ Липинскій и Юзефъ Юркевичъ (†); сочиненіе восхваляетъ поляковъ, державшихъ руку козаковъ въ ихъ борьбѣ съ польскимъ правительствомъ.

Московскій клубъ „Польскій Домъ“ устроилъ въ 1911 г. „украинскій вечеръ“, посвященный чествованію Т. Шевченка; программа состояла изъ померовъ польскихъ и украинскихъ. Въ г. Радомѣ польскій книгопродавецъ Суханскій устроилъ въ прошломъ году въ честь поэта Шевченка двухдневную выставку украинскихъ книгъ, украсивъ витрину портретомъ поэта и плакатами о подпискѣ на украинскія періодическія изданія. Книги украинскія фигурировали въ г. Радомѣ впервые.

Широкую поддержку оказываютъ часто въ провинціи украинству мѣстные польскіе капиталисты (заводчики и фабриканты). Такая поддержка пріобрѣтаетъ иногда характеръ иниціативы со стороны поляковъ. Укажемъ на два примѣра. На Цыбулевскомъ сахарномъ заводѣ Кіевской губ. (польскомъ), стараніями администраціи и служебной интеллигенціи была организована въ 1907 году любительская труппа изъ рабочихъ малороссовъ. Свѣдѣнія имѣются за 1909—1912 гг. Пьесы ставились *исключительно* украинскаго репертуара. При заводской библіотекѣ имѣется для рабочихъ „небольшой,

но *прекрасно подобранный* украинскій отдѣлъ“. На Екатеринославщинѣ полиціей въ прошломъ году было обнаружено, что *польская* администрація богатаго завода „Запорожье“ въ Каменскомъ устроила 15 тайныхъ польскихъ школъ для дѣтей русскихъ (малорусскихъ) служащихъ на заводѣ; диктовки велись на польскомъ языкѣ, дѣтей называли польскими именами, русскія названія городовъ передѣлывались въ польскія. За нѣсколько дней предъ такимъ „открытіемъ“ „Рада“ рисовала изъ жизни того же завода картинки украинской идилліи. Въ с. Запорожьѣ-Каменскомъ за $3^1/_2$ мѣсяца разошлось на 170 съ лишнимъ рублей „украинскаго краму“ (литературнаго); украинскія книги продаются здѣсь въ „книгарнѣ“ и у двухъ лубочниковъ; существуетъ также украинскій отдѣлъ при Каменской заводской библіотекѣ для рабочихъ. Вѣрите ли Вы, читатель, чтобы такое братское сожительство польской и „украинской“ культуры подъ одной кровлей было случайнымъ совпаденіемъ?

Пропагандѣ украинскаго языка способствуютъ въ Западной Руси и польскіе ксендзы. На Волыни, въ Подоліи (западной), въ Холмщинѣ есть много малороссовъ-католиковъ, совершенно не владѣющихъ польскимъ языкомъ и не понимающихъ польской проповѣди. Казалось бы, что русское слово (коимъ *всѣ* ксендзы очень удовлетворительно владѣютъ) могло бы играть роль посредника между пастыремъ и его пасомыми, какъ при исполненіи требъ па дому, такъ и въ костельной проповѣди. Чтобы избѣжать русскаго жупела, ксендзы обращаются въ такихъ случаяхъ къ „покревной украинской мовѣ“, сдабривая польскими словами свою рѣчь еще усерднѣе, разумѣется, чѣмъ львовское науковое товариство—свои печатные труды.

§ 73. **Полонофильство „сознательныхъ украинцевъ“.** Въ 1906 г. М. Грушевскій и члены украинской партіи, находившіеся въ Петербургѣ, участвовали въ образованіи „*Союза автономистовъ-федералистовъ*“, поставившаго своею цѣлью сформированіе парламентской фракціи автономистовъ въ Госуд. Думѣ *для взаимной поддержки* и защиты народностей Россіи, стремящихся къ осуществленію автономіи національно-территоріальной или областной „на демократическихъ началахъ“. Съ самымъ объемистымъ вексельнымъ портфелемъ вступили въ союзъ поляки, съ самыми каррикатурными претензіями—украинская партія. По разгонѣ Думы союзъ распался, но идея коалиціи окраинъ Россіи противъ центра не

„У. Д.“ 335—345

была украинской партіей брошена. Проф. Грушевскій, подобно своему учителю Антоновичу, былъ сторонникомъ воскрешенія Ягеллонской идеи въ нѣсколько перекроенномъ (въ пользу Украины) костюмѣ. Въ 1909 г. онъ провозгласилъ, что въ своихъ оппозиціонныхъ стремленіяхъ украинство не изолировано: естественными союзниками украинцевъ могутъ быть бѣлоруссы и литовцы. Послѣ ликвидаціи старой Речи Посполитой, всѣ три „народностя" перешли „подъ владычество Россіи", которая своей политикой угнетала ихъ живыя народныя силы. Изъ этихъ трехъ народностей украинская, какъ наибольшая и наиболѣе богатая культурными средствами должна не забывать служить елико возможно и *помогать національнымъ и соціально-политическимъ домогательствамъ* своихъ старыхъ союзниковъ и *сосѣдей*. Заканчиваетъ г. Грушевскій свою декларацію пожеланіями успѣха и счастья въ тяжелой работѣ всѣмъ этимъ тремъ „братнимъ народамъ, *общникамъ* нашего прошлаго и *нашихъ надеждъ*: да проростаютъ *зерна свободы* на широкихъ просторахъ украинской, бѣлорусской и литовской земли, *отъ моря до моря*, отъ горъ до горъ", разумѣя, очевидно, подъ горами—Кавказъ и Карпаты. Въ 1910 году г. Грушевскій снова возвращается къ вопросу объ „уніи Украины съ Литвой и Бѣлорусью", называетъ эту унію *открыто провозглашенной* и приступаетъ къ поискамъ четвертаго союзника; въ качествѣ таковаго онъ намѣчаетъ поляковъ Литвы и Зап. Руси, которыхъ приглашаетъ „соединиться душою и сердцемъ съ туземными массами и стать плотью отъ плоти и костью отъ кости мѣстнаго населенія". Указавъ, кромѣ того, на успѣхи своего кокетничанья съ созвучными элементами Литвы, профессоръ надѣется, что литовцы притянутъ къ новой уніи еще одного члена—единомышленныхъ латышей. Въ томъ же году „ Літ.-Наук. Вістник.", редактированный М. Грушевскимъ, ополчился на неославистовъ (новославянофиловъ) за ихъ попытки разрѣшить польско-русскія недоразумѣнія. Путь къ такому разрѣшенію, по мнѣнію журнала, лежитъ на Львовъ и на Кіевъ, а именно, съ одной стороны, *въ россійско-украинскомъ соглашеніи*, а съ другой—*въ соглашеніи польско-украинскомъ*. Такое предложеніе маклерскихъ услугъ украинская партія сопровождаетъ время отъ времени лакейской угодливостью по адресу поляковъ. Въ 1910 г. „Рада", помѣщая некрологъ В. Доманицкаго и указавъ, что покойный цѣнилъ довольно высоко польскую литературу и культуру, добавляетъ отъ себя: „Неудивительно,

что *польская культура*—какова бы она ни была—*по сравненію съ грубой и дикой россійщиной,*—казалась г. Доманицкому столь привлекательной". Въ слѣдующемъ году „Рада", предъ выборами въ кіевское земство, вела кампанію противъ русскихъ помѣщиковъ и приглашала гласныхъ крестьянъ объединяться между прочимъ съ поляками.

Настоящій 1913 годъ даетъ новые признаки продолженія того же курса. Въ февральскомъ засѣданіи „Общества славянскаго единенія" въ Петербургѣ „сознательный украинецъ" проф. Чубинскій заявилъ, что уладить польско-русскія отношенія невозможно безъ разрѣшенія (!) украинскаго вопроса. Въ маѣ „Укр. Жизнь" высказала надежду, что предстоящая въ Галиціи сеймовая реформа уничтожитъ одно изъ самыхъ важныхъ препятствій къ кооперацiи поляковъ и галицкихъ украинцевъ, преслѣдующей какъ мѣстныя, такъ и *болѣе широкія* цѣли. Къ предстоящему въ будущемъ году столѣтію рожденія Шевченка львовскія организаціи украинской партіи выработали проектъ изданія произведеній поэта *латинскими* буквами.

Письменникъ Дмитро Донцовъ, въ рѣчи на львовскомъ студенческомъ съѣздѣ въ іюнѣ нынѣшняго года, призывая украинское студенчество поддерживать политическій сепаратизмъ на Украинѣ, высказываетъ горячее пожеланіе, чтобы „въ великихъ движеніяхъ польскаго и мирового значенія польское и украинское знамя шли вмѣстѣ". Въ брошюрѣ выпущенной нынѣшней весной, г. Донцовъ доказываетъ, что для подростающаго поколѣнія малорусской интеллигенціи (въ Россіи) нѣкоторыя произведенія Мицкевича лучше пригодились бы въ воспитательномъ значеніи, чѣмъ напр., „Полтава" или „Клеветникамъ Россіи" Пушкина.

Вотъ до чего можетъ зарапортоваться человѣкъ, утратившій на чужбинѣ (въ эмиграціи) русское національное чувство.

Глава XIV.

Режиссеры и кредиторы украинства.

§ 74. **Австрія.** Украинская партія, какъ показали послѣднія десятилѣтія, имѣетъ покровителей въ Западной Европѣ въ лицѣ австрійскихъ и германскихъ нѣмцевъ. Мы не назовемъ ихъ, однако, украинофилами, такъ какъ рѣчь здѣсь **„У. Д."** 473—480. 520—521.

идетъ о правящихъ и дипломатическихъ сферахъ, гдѣ нѣтъ мѣста дружбѣ либо симпатіи, а царствуетъ и повелѣваетъ одинъ голый практическій разсчетъ.

Вост. Галиція и Буковина, эти русскіе клинья, попавшія въ тѣло Австріи въ 70-хъ гг. XVIII вѣк., возбуждали у австрійскаго правительства постоянный страхъ предъ „русской опасностью". Уже первые австрійскіе губернаторы дѣлились съ Вѣной своими опасеніями о „русинахъ", которые могутъ *чрезъ мѣру полюбить „москалей"*, что представляло бы для Австрійской имперіи опасность, ибо, кромѣ русиновъ въ Галиціи, есть они въ Буковинѣ и за Карпатами въ Венгріи, есть и православные. Если бы всѣ они, *благодаря сходству языка и обряда* (церковнаго) или благодаря *единству исповѣданія*, стали проявлять *тяготѣніе къ Россіи*, то Австріи это причинило бы не мало хлопотъ. Въ 1816 г. львовскіе нѣмецкіе администраторы доносили Вѣнѣ, что возникаетъ *опасность для австрійской державы*, если галичане сплотятся духовно, *ибо* галицко-русскій языкъ есть лишь нарѣчіе русскаго языка (der russischen Sprache). Въ послѣдней четверти прошлаго вѣка оцѣнку нѣмецкой закваски литературнаго украинофильства въ Галичинѣ далъ М. Драгомановъ. „Можно сказать", заявляетъ этотъ экспертъ и знатокъ исторіи украинства, „что мысль о вполнѣ самостоятельной украинской литературѣ есть мысль скорѣе австро-руская („руская" отъ „русинъ"), чѣмъ россійско-украинская". Переходя къ XX столѣтію, мы не можемъ не упомянуть, что вѣнскій нѣмецкій органъ соборно-украинской партіи „Ukrainische Revue" (переименованный въ „Ukrainische Rundschau") основанъ былъ на нѣмецкія деньги: редакція получила ихъ отъ нѣкоего нѣмца Брюнера.

Краковскій органъ „Słowo Polskie" помѣстилъ въ прошломъ году сенсаціонную статью депутата вѣнскаго парламента Заморскаго о замыслахъ нашихъ сосѣдей въ весьма недавнемъ прошломъ; приводимъ главные выводы автора. „*Въ 1908 г.*, во время аннексіи Босніи и Герцеговины, порѣшенъ былъ дипломатами тройств. союза *планъ урѣзки русскихъ владѣній,* а именно: Пруссія намѣревалась занять Царство Польское по рѣку Вислу (съ Варшавой); Австрія проектировала захватить Подолію, Бессарабію, бывшее воеводство Брацлавское и опереться на Черное море съ Одессой. Планы эти имѣлись, конечно, и раньше, а въ 1908 г. лишь собирались ихъ осуществить".

За послѣдніе два года призракъ австрійской опасности обнаружилъ наклонность къ воплощенію. Въ началѣ 1911 года въ засѣданіи австро-венгерскихъ делегацій чешскій публицистъ и видный политическій дѣятель д-ръ Крамаржъ открыто заявилъ *о завоевательныхъ планахъ Австріи*, о предполагаемомъ вступленіи австрійскихъ войскъ въ Южную Россію, о занятіи ими Кіева и Одессы *для созданія независимой* (?) *Украины*. Телеграфъ изъ Вѣны принесъ извѣстіе о переговорахъ гр. Андрея Шептицкаго (львовскаго уніатскаго митрополита) съ кабинетомъ Бинерта относительно ряда новыхъ уступокъ украинской партіи въ Галичинѣ. *„Австрійское правительство,*—гласила телеграмма,—*надѣется* путемъ искусственнаго подъема украинскаго движенія въ Галиціи *вызвать* и *въ Южной Россіи* національный (sic) *украинскій сепаратизмъ* и создать тамъ въ случаѣ надобности даже революціонныя осложненія". Въ концѣ 1911 года сотрудникъ „Новаго Времени" опубликовалъ свою бесѣду съ д-ромъ Крамаржемъ, который сказалъ объ украинской партіи, что она „желаетъ нанести ударъ въ самое сердце русскаго народа и расколоть русскихъ на двое". *Украинское движеніе* Крамаржъ аттестуетъ „по существу противуестественнымъ, антирусскимъ и поэтому антиславянскимъ". За послѣднія десять лѣтъ оно выросло, по его словамъ, „въ весьма серьезную силу, съ которой Россіи придется очень считаться". Движеніе это *всегда находило самую могущественную поддержку со стороны австрійскаго правительства и нѣкоторыхъ самыхъ вліятельныхъ круговъ въ Вѣнѣ*". Д-ръ Крамаржъ крайне удивленъ „тѣмъ равнодушіемъ и безпечностью, которыя проявляетъ русское общество передъ надвигающейся антирусской опасностью, исходящей изъ нѣдръ самого русскаго народа". „Вождямъ украинской партіи,—добавляетъ резолюція чешскаго парламентскаго клуба, никогда не удалось бы почувствовать такъ быстро твердую почву подъ ногами, если бы они не ухитрились, всякими правдами и неправдами, увѣрить руководящія вѣнскія сферы, что они являются представителями не только 3 милліоновъ галицкихъ русиновъ, но также и—30 милліоновъ малороссовъ изо всей Россіи. Дипломатіи же того или иного государства нельзя ставить въ вину, если она, на всякій случай, подготовляетъ себѣ различныя вспомогательныя средства; а однимъ изъ таковыхъ какъ разъ и считался украинскій вопросъ въ Россіи. Д-ръ Крамаржъ держится того мнѣнія,

что украинцы, не убивъ медвѣдя, продаютъ его шкуру извѣстнымъ вѣнскимъ высшимъ сферамъ".

Расхваливаніемъ продаваемой шкуры занялся львовскій органъ украинской партіи, газета „Діло". Съ прошлаго лѣта „Діло" уговариваетъ Австрію забрать русскія земли хотя бы по Днѣпръ; это—однѣ изъ богатѣйшихъ пахотныхъ земель въ мірѣ съ большими задатками на торгово-промышленное развитіе; къ нимъ на придачу отдается Черное море, соединяющее три части свѣта, а также Одесса, Николаевъ, Херсонъ и устья Дуная. Такія перспективы могутъ вскружить голову. Часть европейской прессы начинаетъ вѣрить въ ихъ осуществимость. Такъ, консервативная англійская газета „Morning Post" заявила нынѣшнимъ лѣтомъ, что она „видитъ въ украинскомъ вопросѣ *мину,* подведенную подъ россійскую государственную твердыню, и если ничто иное не вызоветъ войны между Австріей и Россіей, то таковую навѣрняка, вызоветъ украинскій вопросъ и, притомъ, въ теченіе ближайшихъ лѣтъ".

„У. Д." 481—484. 519.

§ 75. **Украинскій университетъ.** Украинская партія въ Галиціи уже 15 лѣтъ ведетъ съ поляками борьбу за учрежденіе самостоятельнаго украинскаго университета. Существующій во Львовѣ съ 1784 года университетъ былъ сдѣланъ въ 1871 году утраквистичнымъ: наряду съ польскими лекціями допущены были лекціи на галицко-малорусскомъ языкѣ (нарѣчіи); проф. Грушевскій принесъ позднѣе во львовскую аудиторію „украинско-рускій" языкъ. Въ настоящее время на свыше 150 польскихъ профессоровъ и доцентовъ въ университетѣ приходится всего 13 „украинскихъ". Съ 1899 года украинской партіей поднятъ былъ вопросъ объ основаніи (правительствомъ) отдѣльнаго украинскаго университета. Съ тѣхъ поръ это требованіе уже не сходитъ со сцены и, встрѣчая со стороны поляковъ до самого послѣдняго времени рѣзкій отпоръ, было поддерживаемо студентами,—„украинцами" при помощи забастовокъ (1901 года) и даже открытыхъ безпорядковъ (1905, 1907 и 1910 гг.). Лѣтомъ прошлаго года вѣнскія газеты неожиданно сообщили, что правительство и всѣ нѣмецкія партіи идутъ на встрѣчу учрежденію украинскаго университета; что вопросъ объ украинскомъ университетѣ *нѣмцы считаютъ теперь неотложнымъ съ точки зрѣнія иностранной политики,* а въ парламентскихъ кругахъ говорятъ, что украинскій университетъ—новая крѣпость, построенная противъ Россіи. Оказалось, что австрійскій министръ на-

роднаго просвѣщенія заявилъ оффиціально о готовности правительства „осуществить свои обѣщанія дать украинскій университетъ и, такимъ образомъ, выполнить свою обязанность— *содѣйствовать культурному развитію великаго и могучаго народа и создать* великое, имѣющее *міровое* значеніе, учрежденіе“. Столь нѣжная заботливость австрійскаго министра о великомъ и могучемъ (!) народѣ, 90% коего живетъ не на австрійской территоріи, превышаетъ, по наглости, всякое вѣроятіе.

Черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ рескриптъ маститаго монарха по адресу украинскаго клуба въ рейхсратѣ— „къ представителямъ украинскаго народа“; употребленіе въ этомъ письмѣ (впервые) термина „украинскій“ вмѣсто традиціоннаго „рутенскій“ было истолковано всѣми, какъ санкція слова „украинцы“ въ оффиціальномъ документѣ, и вызвало всеобщее удивленіе. Такое новаторство императора, назвавшаго подвластную ему народность искусственнымъ именемъ, являющимся синонимомъ культурнаго раскола въ этой народности, грѣшитъ и противъ старой традиціи. *Въ 1773 году* львовскій епископъ Левъ Шептицкій, въ латинскомъ письмѣ къ императрицѣ Маріи Терезіи, называетъ галичанъ *„gens russorum seu ruthena“*. Тогда же (въ концѣ XVIII вѣка) австрійское правительство именовало ихъ въ нѣмецкихъ документахъ то „Russen“, то „Ruthenen“. И вотъ русскіе неисповѣдимыми путями превратились въ новую „украинскую“ націю. По заявленію вѣнской газеты „N. Fr. Presse“, „тутъ играли роль *мотивы, выходящіе далеко за предѣлы внутренней политики*; еще покойный графъ Эренталь (австрійскій премьеръ) очень старательно изучалъ литературу, стремящуюся изобразить малороссовъ пасынками Россіи“, По мнѣнію лондонскаго „Times'а“, „Австрія экстренно улаживаетъ украинскій (университетскій) вопросъ, ибо она готовится въ близкомъ будущемъ къ важнымъ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ; *Австріи необходимы:* внутренняя сила, военные законы и *ослабленіе ея противника, каковымъ является Россія.* А что же можетъ ослабить Россію больше, чѣмъ привлеченіе украинскихъ симпатій къ Австріи. „Times“ напоминаетъ, что украинцевъ въ Россіи 30 милліоновъ, что населяемая ими территорія опирается на Черное море и является богатѣйшею частью Россіи“.

Въ отвѣтъ на рескриптъ Франца-Іосифа всѣ фракціи украинской партіи въ Галиціи опубликовали во

львовскомъ „Ділѣ“ руссофобскій „манифестъ“. По увѣренію „манифестантовъ“, закордонная Украина—громадное большинство украинскаго народа—закована въ кандалы варварскаго царскаго деспотизма... Украинскій университетъ въ австрійской Украинѣ—это для россійской Украины новый лучъ свѣта среди тьмы, на нее надвинувшейся... (Такія) *культурныя требованія* украинскаго народа тѣсно и *неразрывно связаны съ политическими, освободительными требованіями Украины...* Дѣло украинскаго университета, это—вопросъ не одной лишь австрійской Украины. Этотъ вопросъ сталъ такимъ могучимъ именно потому, что онъ охватываетъ всю Украину отъ Дона по Карпаты. Европа и весь культурный міръ до тѣхъ поръ не будутъ въ безопасности, пока порабощенные царатомъ народы не будутъ имѣть достаточно силъ, чтобы *развалить царскую имперію,* эту ужаснѣйшую тюрьму народовъ.

Солидарность свою съ австро-украинскими политиканами украинская партія въ Россіи выразила цѣлой сотней сочувствующихъ домогательствамъ украинцевъ въ Вѣнѣ писемъ, подъ которыми „Радой“ насчитано 2482 подписи. На нашъ взглядъ, это—росписки частью въ полномъ гражданскомъ невѣжествѣ, частью въ сознательной государственной измѣнѣ.

Прообразомъ поведенія будущихъ студентовъ будущаго львовскаго украинскаго университета могутъ служить резолюціи галичанъ украинскаго толка, воспитывающихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ городовъ Австріи и съѣхавшихся въ половинѣ іюня текущаго года на „украинскій“ студенческій съѣздъ во Львовѣ. На съѣздѣ присутствовали и удостоились овацій мать террориста Сичинскаго (убійцы намѣстника Потоцкаго), неизбѣжный проф. М. Грушевскій и „голова“ украинскаго парламентскаго клуба въ Вѣнѣ Кость Левицкій.

Резолюціи съѣзда, имѣющія отношеніе къ Россіи, гласятъ слѣдующее:

„I. 1) Принимая во вниманіе, что ни украинская политика русскаго правительства, ни украинская политика русскаго либерализма, задержаннаго имперіалистскими идеями „великой Россіи“, ни соціальное устройство русскаго государства, ни политическіе интересы русской буржуазіи вообще, которая смотритъ на Украину, какъ на свою колонію, не оставляютъ никакой надежды на возможность нормальнаго и спокойнаго развитія для нашего народа въ предѣлахъ Россійской имперіи и даже въ Галичинѣ;

2) Принимая во вниманіе, что развитіе Австріи, гдѣ живетъ значительная часть нашего народа, въ направленіи федераціи свободныхъ націй создаетъ изъ нея естественный центръ политическаго тяготѣнія для всего нашего народа, и 3) Принимая во вниманіе, что современное международное положеніе, т. е. обостреніе международныхъ и въ особенности австро-германско-русскихъ антагонизмовъ, какъ нельзя лучше благопріятствуетъ включенію украинскаго вопроса въ число вопросовъ международной политики,—считаемъ необходимымъ *бороться за программу политическаго отдѣленія отъ Россіи.*

II. Съѣздъ украинскаго студенчества надѣется, что главнымъ его союзникомъ въ этой борьбѣ будетъ истинно-демократическая и передовая часть *польскаго* общества.

III. Дѣятельностью, которая бы могла служить намѣченной цѣли, съѣздъ украинскаго студенчества считаетъ борьбу съ московскимъ вліяніемъ въ австрійской Украинѣ и широкую *пропаганду политическаго сепаратизма отъ Россіи „за кордономъ“*, равно какъ и военное воспитаніе молодежи.

IV. Стремясь къ этой цѣли, украинская молодежь не должна упускать изъ вида вопросовъ текущей политики, принимая активное участіе въ повседневной политической борьбѣ какъ по сю, такъ и по ту сторону „кордона“.

Приведенныя резолюціи съѣзда „украинскаго“ студенчества характерны въ томъ смыслѣ, что онѣ со свойственной молодежи экспансивностью и невоздержностью откровенно выносятъ наружу тѣ стремленія, которыя болѣе умудренными возрастомъ и житейскимъ опытомъ руководителями и дѣятелями „украинскаго“ движенія все еще пока окутываются безобидной этнографической дымкой и прикрываются кулисами невиннаго культурнаго національнаго развитія, далекаго отъ всякой политики и сепаратистскихъ поползновеній, являющихся прямою угрозой русскому государственному единству. Резолюціямъ предшествовало чтеніе рефератовъ и привѣтствій (въ томъ числѣ отъ „украинскаго“ студенчества изъ Петербурга, Юрьева и Харькова).

Изъ рефератовъ поучителенъ докладъ К. Заклинскаго о зарожденіи въ 1890-хъ гг. идеи украинскаго львовскаго университета въ связи съ идеей національной автономіи для *всей* Украины. Еще интереснѣе легшій почти цѣликомъ въ основу резолюцій руссофобскій рефератъ Дмитра Донцова. Если наша нація, говорилъ онъ, чувствуетъ у себя наличность организаціонныхъ талантовъ, нѣкогда ею столь блестяще (?) проявляе-

мыхъ; если она не хочетъ добровольно замкнуться въ той могилѣ, какую ей готовятъ россійскіе младотурки, то единственнымъ выходомъ для нея является программа не автономизма, а политическаго сепаратизма; разрывъ съ Россіей—своевремененъ, болѣе реаленъ и скорѣе (!) осуществимъ. Донцовъ требуетъ „уничтоженія или ослабленія царата и поддержки сепаративныхъ стремленій на Украинѣ", ибо „галичане не могутъ быть увѣрены даже въ завтрашнемъ днѣ, пока не будетъ уничтожено или ослаблено сосѣднее государство". Референтъ грозитъ монархіи Габсбурговъ признаками анархіи въ Чехіи, Галичинѣ, Венгріи и Хорватіи, дѣлающими монархію эту склонной къ распаду и, потому, лакомой добычей для Россіи, ибо „россійскій орелъ питается лишь падалью и, вѣроятно, оттого такъ долговѣченъ". По убѣжденію Донцова, всякое пораженіе Россіи, всякое оторваніе Австріею хотя бы части украинской территоріи, приведетъ къ скрѣпленію украинскаго элемента въ Австріи, а тѣмъ самымъ и въ Россіи, чѣмъ приблизитъ моментъ окончательнаго освобожденія Украины. Интересы украинской націи связаны не съ Россіей, а съ тройственнымъ союзомъ. Россія говоритъ Донцовъ, вообще не оставила намъ свободнаго выбора; она поставила насъ предъ дилеммой: либо окончательная національная смерть, либо—безпощадная борьба. Призывая украинскую молодежь къ такой борьбѣ съ „московскимъ чудовищемъ", ораторъ проситъ не страшиться непомѣрности этой задачи и не ослѣпляться громадностью Россіи: великаны-де кажутся намъ таковыми лишь потому, что мы становимся предъ ними на колѣни. Донцовъ рекомендуетъ заняться подготовкой почвы въ Россіи „для активной акціи" и, въ первую очередь основать общими силами всей украинской молодежи періодическій органъ для распространенія идеи австрославизма, для борьбы съ „панмосковской" идеей и для пропаганды политическаго сепаратизма.

„У. Д." 477—485. § 76. **Великая Австрія и Украинское королевство.** Весною прошлаго года, по свѣдѣніямъ „Нов. Времени", въ Вѣнѣ была издана карта, на которой Югъ Россіи названъ „*Украинскимъ королевствомъ*". Нынѣшнимъ лѣтомъ вѣнскій клери-

Ср. §§ 19 и 23. кальный журналъ „Volksbewegung", издающійся при близкомъ участіи супруги австрійскаго престолонаслѣдника и имѣющій цѣлью пропаганду австрійскаго патріотизма въ народныхъ массахъ, помѣстилъ въ статьѣ „Царь Великой Австріи" рядъ пророческихъ угрозъ по адресу Россіи (на ближайшіе мѣсяцы). „Іюля 9-го, предсказывалъ журналъ, будетъ объявлена

война Россіи; 11 іюля императоръ Францъ-Іосифъ передаетъ престолъ наслѣднику Францу II (Фердинанду) и вмѣстѣ съ тѣмъ обращается съ воззваніемъ къ полякамъ и украинцамъ въ теченіе болѣе, чѣмъ ста лѣтъ, притѣсняемымъ (!!) Россіей, чтобы они возстали противъ своихъ притѣснителей и рука объ руку съ храбрыми австрійскими войсками сражались за свое освобожденіе. Императоръ австрійскій обѣщаетъ имъ свою помощь при возстановленіи и упроченіи ихъ свободы послѣ окончательнаго пораженія и уничтоженія общаго врага. Въ войнѣ Австрія разбиваетъ Россію вдребезги. 15-го октября 1913 г. Францъ II въ Кіевскомъ каѳедральномъ соборѣ провозглашаетъ себя императоромъ Великой Австріи, а два австрійскихъ эрцгерцога дѣлаются королями, одинъ—возстановленной Польши, другой—Украины".

Страшенъ сонъ—да милостивъ Богъ! Вѣнскій журналъ скромно умалчиваетъ, что слухи о близости австро-русскаго столкновенія вызвали въ Восточной Галичинѣ ростъ *русскаго* народнаго самосознанія и ухода крестьянъ изъ уніи въ православіе. Если бы не уголовныя преслѣдованія правительства, такія проявленія стихійнаго русскаго національизма развернулись бы по всему лицу уніатской Руси.

Въ православной Буковинѣ австрійское правительство подготовляетъ почву для украинскаго королевства путемъ репрессій надъ духовенствомъ. Окончившихъ семинарію воспитанниковъ епархіальная власть безъ разрѣшенія правительства боится рукополагать; а рукоположенный молодой священникъ до тѣхъ поръ не можетъ получить прихода, пока не подпишетъ въ торжественной обстановкѣ, въ присутствіи краевого президента и чиновниковъ, нижеслѣдующаго обязательства: „Заявляю, что *отрекаюсь отъ русской народности*, что отнынѣ не буду называть себя русскимъ, лишь украинцемъ и только украинцемъ".

§ 77. **Пруссія и всенѣмцы**. Австрійское или австропольское правительство Цислейтаніи (съ 16% польскаго, участвующаго въ государственномъ строительствѣ населенія) культивировало украинофильство у себя въ Галиціи, какъ громоотводъ отъ стихійной русской культуры, да и сейчасъ терпитъ тамъ украинское движеніе, какъ неизбѣжное зло, какъ своего рода „бациллъ восточно-славянскаго тифа", чтобы разбрасывать его по градамъ и весямъ Южной Россіи. Пруссія (гдѣ поляки составляютъ 10% населенія, но держатся въ черномъ тѣлѣ) не можетъ не смотрѣть на украинское движеніе, какъ на без- „У. Д." 485—489.

условно для нея полезный и желательный факторъ. Этотъ факторъ уже даетъ Германіи отвлеченіе польской національной энергіи съ западнаго фронта (этнографической Польши) на юго-восточный (отъ Познани ко Львову) и, что еще важнѣе, сулитъ нѣмцамъ въ будущемъ ослабленіе русскаго колосса. Послѣднія десятилѣтія Германія задыхается въ своемъ фатерландѣ. Послѣ того какъ ея капиталы и рельсы переброшены въ Месопотамію, традиціонный нѣмецкій „Drang nach Osten" пріобрѣтаетъ двойное значеніе: какъ непосредственное использованіе долинъ Вислы, Буга, Нѣмана и Днѣпра для колонизаціи, а также, какъ созданіе дружественныхъ (или родныхъ) этаповъ въ Варшавѣ, Кіевѣ и Одессѣ, послѣ чего остается ей лишь протянуть свой бронированный кулакъ отъ сказочнаго Багдада до историческаго Синопа.

Экономистъ Рошеръ доказываетъ, что Россіи суждено сыграть для нѣмцевъ роль полабскихъ славянъ. Проф. Іентшъ совѣтуетъ, для мирнаго завоеванія Россіи, послать на ея территорію 10 милліоновъ колонистовъ (пока выполнена пятая часть этой программы), Журналъ „Deutsche Erde" требуетъ, чтобы Пруссія проявляла возможно большую заботливость и попечительность о нѣмецкихъ поселенцахъ въ Царствѣ Польскомъ, а также въ Западной Руси. Нашему Генер. Штабу хорошо извѣстно, что среди нѣмцевъ-колонистовъ много унтеръофицеровъ запаса, а колоніи выросли вокругъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ.

Послѣдніе годы далеко недвусмысленно даютъ понять, что антирусская политика Германіи побуждаетъ ее внимательно слѣдить за ростомъ украинской партіи въ Россіи и, притомъ,—сочувственнымъ окомъ. Три года назадъ этого вопроса коснулся, въ политическомъ памфлетѣ, полякъ Е. Старчевскій, сторонникъ „украинской автономіи" въ Россіи. „Разсматривая отношенія славянъ къ германскому міру, говоритъ онъ, мы видимъ *тѣсную дружбу между нѣмцами и украинцами*; дружба, по объясненію послѣднихъ, объясняется тѣми *притѣсненіями, которыя они* испытывали и *испытываютъ отъ русскихъ* и поляковъ. Дружба эта грозитъ Россіи „всякаго рода неожиданностями (!) на случай столь возможныхъ внѣшнихъ столкновеній". Годомъ позже „Kuryer Warszawski" укорялъ „такъ наз. украинцевъ, стремящихся яко бы къ политической самостоятельности Малороссіи", въ томъ, что „они прокладываютъ путь нѣмецкому вліянію (wpływom niemickim) въ этомъ краѣ". „Нѣмцы, говоритъ польская газета, въ стре-

мленіи своемъ завладѣть богатыми черноземами юго-восточной Европы и заселить ихъ, стараются всѣми мѣрами ослабить сопротивленіе, какое имъ могло бы быть оказано туземнымъ населеніемъ". Въ томъ же 1911 г. нѣкій сознательный „Украинецъ" въ письмѣ въ ред. „Русск. Мысли", повѣдалъ, что „*у нѣмцевъ* высказываются предположенія о томъ, что интересы нѣмецкаго и украинскаго народовъ могутъ оказаться солидарными". Такое признаніе г. Украинца ясно показываетъ, что *нѣмцы провоцируютъ украинское движеніе.*

§ 78. **Прусскія марки.** Въ 1910 г. отставной тайный агентъ „У. Д." 490—495
прусскаго правительства во Львовѣ Раковскій опубликовалъ въ „Kurjer'ѣ Warszawsk'омъ" разоблаченія, будто Пруссія изъ секретныхъ фондовъ оплачиваетъ дѣятельныхъ „украинскихъ" агитаторовъ и субсидируетъ нѣкоторыя учрежденія и изданія украинской партіи во Львовѣ, Вѣнѣ и Кіевѣ. Эти, т. наз. документы Раковскаго (выдаваемые имъ за копіи секретныхъ переписокъ, смѣтъ и отчетовъ) гласятъ, напр., что вѣнскій журналъ „Ukrainische Rundschau" получилъ въ 1907 г.—5400 марокъ, а въ 1909 г.—12000 марокъ; львовской газетѣ „Діло" выдано въ 1907 г.—3450 мар., въ 1908 г.—2600 марокъ; на 1910 г. было назначено на субсидированіе „украинской" печати 15000 марокъ. За 1908 г. выданы, будто бы, вспомоществованія: львовскому Товариству им. Шевченка, „Украинскому" студенческому союзу (тамъ же) и „Украинской" львовской читальнѣ. Упоминаетъ Раковскій и о пособіи, которое получала изъ прусскихъ фондовъ украинская газета „Порада" (sic). „Разоблаченія" Раковскаго были перепечатаны въ трехъ львовскихъ польскихъ газетахъ и двухъ краковскихъ. Задѣтые Раковскимъ редактора „Діла" и „Ukrainische Rundschau" привлекли къ суду пять упомянутыхъ польскихъ редакцій, обвиняя ихъ въ клеветѣ. Разборъ дѣла, по формальнымъ мотивамъ, многократно откладывался, а въ началѣ нынѣшняго года дѣло прекращено, ибо обвинители... взяли свои жалобы обратно. Въ нашемъ прошлогоднемъ трудѣ изложенъ рядъ соображеній, позволявшихъ, и ранѣе скандальнаго финала процесса, видѣть, что „легенда" о прусскихъ маркахъ вовсе не была легендой.

По свѣдѣніямъ весьма солидной и крайне осторожной варшавской газеты „Słowo", германское консульство во Львовѣ состоитъ въ Берлинѣ на счету „poste de confiance". Газетѣ извѣстно, что *между германскимъ посольствомъ въ Вѣнѣ и* украинской агентурой тамъ же, издающей журн. „*Ukr. Rund-*

schau", существуетъ *связь* не только духовная, но и матеріальная, иными словами *финансовая*. Газета называетъ секретомъ полишинеля то обстоятельство, что берлинское правительство употребляетъ значительную долю своихъ секретныхъ фондовъ на поддержку „украинской идеи", дѣлая это болѣе осторожно на русской территоріи и менѣе осторожно на австрійской.

§ 79. **Вильгельмовскій юбилей.** Нынѣшнимъ лѣтомъ истекло четверть вѣка отъ вопаренія герм. императора; львовское „Діло" встрѣтило юбилей Вильгельма II горячимъ и громкимъ привѣтствіемъ. Львовскій органъ—въ противоположность всѣмъ крупнымъ германскимъ газетамъ, какъ „Berliner Tageblatt" и „Frankfurter Zeitung" и т. д., сильно хвалитъ *внѣшнюю* политику Германіи, особенно же ея вѣрность „Тройственному Союзу" и совѣтуетъ Вильгельму впредь не только держаться этого „Союза", но еще закрѣпить его узы, чтобы онъ могъ „съ большей энергіей тормозить размахъ русскаго имперіализма. Кстати сказать: украинскіе представители въ австрійскихъ делегаціяхъ всегда подчеркивали значеніе Союза, видя въ его существованіи и силѣ *защитительный валъ противъ Россіи,* этой тюрьмы украинскаго народа. Никто въ Европѣ не сомнѣвается, что юбиляръ-вѣнценосецъ не сказалъ еще своего послѣдняго слова".

Вѣнскій украинскій рабочій клубъ „Родына" (тёзка кіевскаго клуба) послалъ въ Берлинъ, по поводу того же юбилея, всепреданнѣйшую поздравительную телеграмму, составленную весьма низкопоклонно. Въ такомъ же духѣ редактировано было поздравленіе Вильгельму отъ вѣнскаго украинскаго парламентарнаго клуба. Комментаріи, полагаемъ, излишни.

Глава XV.

Судьба украинства.

„У. Д." 404—433. § 80. **Пособники и защитники украинства.** Хозяевами народнаго просвѣщенія являются земскія учрежденія. Безъ ихъ содѣйствія и поддержки украинская пропаганда скоро выдохлась бы и отошла въ область воспоминаній. Мы видѣли, однако, мѣры, принимаемыя нѣкоторыми земствами и способ-
См. §§ 50 и 58. ствующія украинизаціи народныхъ библіотекъ и народныхъ

учителей. Наиболѣе украинофильскими, выражаясь мягко, оказались за послѣднее пятилѣтіе изъ губернскихъ земствъ харьковское, полтавское и (дореформенное) кіевское; къ нимъ примыкаетъ, по характеру дѣятельности, большинство уѣздныхъ земствъ полтавской губ. и сосѣднихъ съ послѣдней уѣздовъ губерній черниговской, екатеринославской и херсонской. Изъ выборныхъ земскихъ управъ Юго-Зап. края симпатіи къ украинской культурѣ проявляютъ: кіевская губернская съ уѣздными васильковской и каневской, а также винницкая управа на Подоліи. Почти безгрѣшными можно считать *членовъ* губ. управы въ Полтавѣ, ибо тамъ все земское дѣло уже нѣсколько лѣтъ находится всецѣло въ рукахъ автономной, „самоопредѣлившейся" и несмѣняемой управской канцеляріи.

Большихъ успѣховъ достигла украинская пропаганда на Югѣ, идя по пятамъ быстро развивающейся и совершенно безпризорной сельской коопераціи. Если просвѣтительная роль См. § 59.
кооперативовъ, во многіе изъ коихъ втерлись фанатики украинской идеи, не будетъ направлена правительствомъ въ русское русло, то украинская пропаганда будетъ имѣть здѣсь готовое поле для приложенія и даже укрѣпленія своихъ силъ.

Будущія перспективы украинства находятся въ громадной зависимости отъ отношенія къ нему народныхъ представителей, особенно входящихъ въ составъ болѣе демократической, т. е ближе стоящей къ народу и его нуждамъ нижней палаты. Опуская безъ разсмотрѣнія лихорадочные (слѣдовательно—патологическіе) дни первыхъ двухъ Госуд. Думъ, мы встрѣчаемся въ третьей Думѣ съ выступленіями въ защиту украинской школы со стороны двухъ эсдековъ, двухъ трудовиковъ, трехъ ка-де и трехъ украинофиловъ-священниковъ. Первая сессія нынѣшней 4-ой Думы ознаменовалась новыми нападками Думской оппозиціи на русское преподаваніе въ южныхъ школахъ, но на этотъ разъ поборники украинскаго языка (всѣ безъ исключенія великороссы) встрѣтили подобающую отповѣдь екатериносл. земца Родзянко, полтавца Скоропадскаго и нашего кіевлянина А. И. Савенко. Молчаніе См. § 34.
Думы только нáруку украинской партіи, и мы отъ души желаемъ, чтобы въ ближайшихъ сессіяхъ украинскій вопросъ получилъ въ Таврич. дворцѣ возможно широкое и полное освѣщеніе; тогда только выяснится культурное убожество „сознательныхъ украинцевъ".

„У. Д.“ 530—531. § 81. **Адепты украинства.** Пропаганда украинства пустила корни преимущественно въ средѣ народныхъ учителей и студенчества; къ первымъ примыкаетъ часть законоучителей народныхъ школъ (особенно въ подольской и херсонской губ.), а изъ послѣднихъ формируются кадры земскихъ спеціалистовъ. Въ другихъ слояхъ южнорусской интеллигенціи число „сознательныхъ украинцевъ“ ничтожно, что видно уже изъ слабаго распространенія въ Россіи главнѣйшаго партійнаго журнала „Літ.-Наук. Вістника“ (въ 1911 г.—770 экз., включая безплатные и обмѣнные). Съ „украинизуемой“ молодежью дѣло не всегда обстоитъ гладко. По словамъ „Рады“, въ полтавскомъ „музично-драматичномъ“ гурткѣ „большинство молодежи-исполнителей на святочной вечеринкѣ прошлаго года, а *въ особенности тѣ, которые одѣлись въ малороссійскіе костюмы,* разговаривали на этой вечеринкѣ и *всегда разговариваютъ по-русски*“; въ одномъ городкѣ харьковской губерніи даже распорядители на вечеринкѣ мѣстнаго гуртка „музичной и драматичной умилости“ оказались не понимающими малорусскаго языка („не разумили по украинскому“).

См. § 80. По поводу упомянутыхъ рѣчей въ Думѣ гг. Родзянко и Скоропадскаго партія опубликовала въ столичной прессѣ бутафорскіе протесты: одинъ за 118 подписями сознательной украинской интеллигенціи, „считающей автономію Украины залогомъ свободнаго культурнаго и общественнаго развитія“; другой протестъ, восхваляющій прессу на укр. языкѣ,—отъ рабочихъ и крестьянъ Екатеринославщины. Происхожденіе послѣдняго станетъ намъ понятнымъ, если мы вспомнимъ о Мануйловской Просвитѣ и о распропагандированныхъ ею
См. § 54. рабочихъ ж.-д. мастерскихъ. Что касается до протеста „118“, то подъ нимъ подписались публицисты почти всѣхъ 12 кіевскихъ органовъ украинской прессы; есть и подписи нѣсколькихъ лицъ, потерпѣвшихъ крушеніе съ двумя первыми Думами и настроенныхъ теперь оппозиціонно ко всему, не исключая здраваго смысла.

Недаромъ журналъ „Укр. Хата“ заявлялъ, что неудачники всякого рода и люди, выброшенные изъ житейской колеи, обнаруживаютъ у себя возникновеніе симпатій къ украинской идеѣ.

„У. Д.“ 531—535. § 82. **Плюсы и минусы.** Моменты, обусловливающіе ростъ украинскаго движенія въ Россіи можно раздѣлить на благопріятные и неблагопріятные для него. Къ первымъ относятся 1) *темнота народной массы,* обусловливающая ея

податливость на всякіе эксперименты, и 2) *нейтральность* большинства южно-русской *интеллигенціи*, мало знакомой съ истинной подкладкой этого движенія. Моменты, тормозящіе украинское движеніе, болѣе разнообразны. Они заложены въ сущности его *идеи*, въ качествахъ *орудій* ея пропаганды и въ качествахъ той *среды*, надъ которой украинской партіи приходится работать.

Украинская *идея*, какъ мы видѣли, ненаучна, непрактична, враждебна истинной культурѣ и истинному прогрессу, а также построена на фундаментѣ не только антинаціональномъ для русскаго племени (въ его цѣломъ), но и антирасовомъ—для славянства. На показъ людямъ эту идею прикрашиваютъ мишурными блестками народолюбства и театральной слезой сочувствія „къ страданіямъ порабощенной націи". Мы видимъ, поэтому, что такіе видные публицисты прогрессивнаго лагеря, какъ Струве (въ Петербургѣ) и Кашкаревъ (въ Москвѣ) становятся къ украинству во враждебную позицію. На нашихъ глазахъ федералистъ проф. Погодинъ, защищавшій начинанія „сознательныхъ украинцевъ", затѣмъ, ознакомившись съ ихъ каррикатурными и неумными претензіями, честно и открыто поворачивается къ нимъ спиной. Мы убѣждены, что при первой серьезной работѣ, когда родина предъявитъ прогрессивно настроеннымъ дѣятелямъ неоплаченный счетъ своихъ назрѣвшихъ широкихъ нуждъ, русскіе прогрессисты забросятъ въ уголъ неостроумныя игрушки украинства и прилѣпятъ къ украинскому движенію давно имъ заслуженную этикетку движенія реакціоннаго.

„У. Д." 441—442.

О качествѣ культурныхъ *орудій*, какими располагаетъ украинская партія въ своемъ походѣ на русскую идею и культуру, мы не будемъ, во избѣжаніе повтореній, распространяться, а отошлемъ читателя къ главамъ VII—IX о современной укр. письменности, ея языкѣ и правописаніи.

Качество *среды*, надъ которой укр. партія производитъ или собирается производить свои просвѣтительные опыты, далеко не сулитъ ей прочныхъ успѣховъ. Малорусское племя въ XVII и XVIII вв. колонизовало вмѣстѣ съ великороссами бассейны Сейма, Дона и Донца, а сейчасъ сообща колонизуетъ Азію; оно участвовало въ созданіи Великой Имперіи и будетъ дѣлить дни русской славы и дни печали. Оба племени смѣшиваются и скрещиваются на пути къ постепенному взаимному отождествленію чрезъ посредство русской книги и русской культуры. На сліяніе племенъ, кромѣ этнографиче-

скаго родства и топографическаго сосѣдства, вліяетъ также, конечно, общность школы; послѣднее обстоятельство является мишенью нападокъ и подкоповъ со стороны украинской партіи, ибо противъ двухъ первыхъ она совершенно безсильна.

„У. Д.“ 536—542. § 83. **Автономическая трехвостка.** Намѣренія украинской партіи, идя отъ ближайшихъ къ болѣе отдаленнымъ, сводятся къ дарованію малороссамъ въ Россіи трехстепенной автономіи: культурной (главнымъ образомъ—языковой), экономической и политической. Надежды на политическую автономію для Юга Россіи, лелѣемыя лидерами украинской партіи и втолковываемыя въ Галиціи даже школьникамъ, не говоря уже о соколахъ и сѣчевикахъ, относятся къ разряду неосуществимыхъ, даже въ случаѣ крупныхъ измѣненій на политической картѣ Средней и Восточной Европы. Такой отвѣтъ мы даемъ спокойно, внѣ всякой зависимости отъ роста или упадка украинскаго движенія. Завоеваніе такой автономіи, если бы оно показалось южанамъ желательнымъ, сопряжено было бы для малороссовъ съ перспективою такихъ крупныхъ уступокъ польскимъ и еврейскимъ союзникамъ, что народъ выдвинулъ бы новыхъ антисемитовъ-Тарасовъ, новыхъ Гонтъ и Богдановъ. Если исторія (не по рецепту гг. Грушевскихъ) способна чему-нибудь учить, то отъ политическихъ авантюръ она предохранитъ малороссовъ уже въ силу инстинкта самосохраненія. Не нужна для Южной Россіи и автономія экономическая; стремленіе къ торгово-промышленной обособленности едва-ли, при современныхъ коньюнктурахъ, можетъ найти достаточное количество защитниковъ и сторонниковъ (даже въ теоріи). Мы полагаемъ—съ другой стороны, что украинская партія сама не пожелаетъ выдвигать этого вопроса на очередь, пока въ ея кадрахъ нѣтъ достаточнаго количества капиталистическаго элемента.

Требованіе автономіи культурной (языковой или литературной) не сходитъ въ послѣдніе годы со столбцовъ украинской прессы въ Россіи. Съ этимъ вопросомъ необходимо считаться,—считаться не потому, чтобы сплошная украинизація Юга имѣла, *при русской школѣ и прессѣ,* какіе-либо шансы на успѣхъ, а потому, что даже подпольная украинизація части народныхъ школъ, даже частичная конкурренція съ русской грамотой со стороны фонетическаго „правопису“ и маргариновой „мовы“ будутъ направлять культурную жажду части населенія по ложному слѣду къ фатаморганѣ украинскаго культурнаго храма, представляющагося по своему культур-

ному удѣльному вѣсу почти „воздушнымъ замкомъ". Въ нашу эпоху пара и электричества, эпоху культурной конкурренціи всѣхъ странъ міра, уже самая тенденція прививать населенію упрощенную полудѣтскую культуру заключаетъ въ себѣ кричащую несообразность. Чѣмъ удачнѣе будетъ идти украинизаторская дѣятельность на Югѣ, чѣмъ медленнѣе будетъ, благодаря этому, проникать въ населеніе русская культура, тѣмъ тяжелѣе будетъ роль малороссовъ въ мѣстной и всемірной борьбѣ за существованіе. Нужды нѣтъ, что украинизированная часть населенія (или ея потомки) будетъ потомъ стремиться въ лоно русской культуры: утраченное время и ложнонаправленная энергія явятся для народа невознаградимой утратой и вызовутъ ослабленіе его продуктивныхъ силъ.

Въ культивировкѣ украинской культуры заложена для Россіи и другая опасность. Часть интеллигенціи, образованіе которой обходится народу очень недешево, прилагаетъ свои силы къ экзотическимъ экспериментамъ (въ родѣ украинскихъ переводовъ Шекспира, Гоголя и Ибсена или придумыванія украинскихъ научныхъ терминовъ) и тѣмъ уклоняется отъ живого служенія странѣ и отъ участія въ общихъ культурныхъ завоеваніяхъ. Русская культура лучше пушекъ и штыковъ охраняетъ цѣлость государства, и всякій ущербъ для нея является угрозой для каждой ячейки въ громадной Имперіи. Наконецъ, „украинская" грамотность, съ которой никуда не пробьешься на открывающихся сельскому грамотѣю жизненныхъ дорогахъ, можетъ подорвать въ народѣ довѣріе къ учителю или земству, подсовывающимъ крестьянину украинскую книжку, и дискредитировать во мнѣніи крестьянъ школу и библіотеку.

Для правобережной Малороссіи „украинская культура" несетъ опасность особаго рода. Современный украинскій языкъ (въ литературныхъ, научныхъ и публицистическихъ произведеніяхъ) занимаетъ средину между польскимъ языкомъ и малорусскими говорами. Мы нисколько не склонны переоцѣнивать это обстоятельство, но предостерегаемъ и отъ легкомысленнаго отношенія къ нему. Ясно, что для Юго-Западнаго края, гдѣ говоръ и самъ по себѣ засоренъ полонизмами, появленіе украинской брошюры или школьной хрестоматіи съ ихъ польско-жаргонной мовой будетъ прямымъ мостомъ, ведущимъ грамотнаго малоросса въ объятія польской литературы и *разговорной* рѣчи. Если унія религіозная направляла и направляетъ къ Риму, то у н і я я з ы к о в а я легко пере-

шагнетъ отъ штучной украинской мовы къ культурному польскому языку и, рядомъ съ упадкомъ русской школьной дисциплины, будетъ несомнѣнно способствовать ополяченію населенія.

„У. Д.“ 543—552. § 84. **Будущее украинства въ Австріи.** Галицкому украинству приходится бороться съ польской культурой. Восточная Галиція насчитывала, по послѣдней перепеси, $5^1/_3$ милліоновъ населенія; изъ этого числа 62% приходится на русскій элементъ, 25% на поляковъ и 12% на евреевъ. Разговорной своею рѣчью объявили польскій языкъ 40% населенія, въ томъ числѣ всѣ поляки, всѣ евреи и часть червоноруссовъ. Принимая во вниманіе безусловную гегемонію польской культуры въ городахъ и мѣстечкахъ края, несравненно лучшую оборудованность этой культуры средствами и силами, а также учитывая несамостоятельную эволюцію украинской культуры и ея лингвистически-подражательный характеръ по отношенію къ старѣйшей польской культурѣ, мы склонны думать, что даже подъ крылышкомъ у Вѣны, даже при „подмогѣ“ отъ закордонныхъ земляковъ-малороссовъ, украинская культура въ Галиціи будетъ, попрежнему, развиваться если и не черепашьимъ шагомъ, то во всякомъ случаѣ во много кратъ медленнѣе польской.

Статистика Восточной Галиціи за послѣднія 40 лѣтъ показываетъ, что галичане медленно, но неудержимо ополячиваются, что часто бываетъ сопряжено и съ переходомъ изъ уніи въ католичество (изъ хлопской въ панскую вѣру). Сравнивая *успѣхи* латинизаціи, т. е. *ополяченія* населенія, по десятилѣтіямъ, мы убѣждаемся, что эти успѣхи *идутъ* прямо *пропорціонально* съ украинизаціей галицкой школы и духовенства, *съ гоненіями* на церковно-славянскій языкъ и *на русскую культуру*. Опольщенію В. Галиціи способствуютъ также интензивная эмиграція галичанъ (въ Америку) и иммиграція поляковъ изъ западныхъ уѣздовъ области. Слѣдуетъ отмѣтить и слабый естественный приростъ захудалаго галицкаго элемента по сравненію съ приростомъ болѣе зажиточныхъ элементовъ—польскаго и еврейскаго.

Крупный, но не смертельный ударъ церк.-славянскому языку былъ нанесенъ введеніемъ въ школьные учебники фо- См. § 20.
нетическаго правописанія. Этого показалось мало. Злой геній галичанъ, львовскій уніатскій митрополитъ А. Шептицкій сталъ изгонять ц.-сл. языкъ даже изъ молитвенниковъ, вводя въ молитвы слова и обороты на украинско-польскомъ жаргонѣ.

Поддерживаемое правительствомъ, украинское движеніе въ Галиціи беретъ верхъ надъ русскимъ движеніемъ, загнаннымъ въ глухую карпатскую деревню и поставленнымъ въ нелегальное положеніе; дѣятели русскаго движенія изнемогаютъ подъ ударами украинской партіи и австрійской жандармеріи. Оно (какъ и православіе) объявлено здѣсь внѣ закона; но въ этомъ движеніи, отвѣчающемъ на стихійные запросы народа и охватывающемъ не менѣе трети сельскаго духовенства, кроется источникъ искусственности украинскаго движенія въ Галиціи, претендующаго на роль выразителя галицкихъ національныхъ идеаловъ, и источникъ слабости украинской культуры, которая, по признанію „Дзвона“ (№ 2), тамъ еле дышетъ (ледві животіе).

Учитывая все сказанное, мы утверждаемъ, что соперничество украинской культуры съ польской закончится раньше или позже полнымъ пораженіемъ первой, а украинскую литературу ни украинскій университетъ, имѣющій быть во Львовѣ съ 1918 года, ни друзья изъ Россіи не спасутъ отъ второстепенной и подражательной роли. При нынѣшнемъ положеніи силъ, украинская литература въ Восточной Галичинѣ не можетъ остановить полонизаціи русскаго населенія.

Маленькая Буковина имѣетъ 800 тысячъ жителей; относительное большинство принадлежитъ малороссамъ (300 тысячъ); за ними идутъ молдаване (румыны) въ числѣ около 275 тысячъ. Апостолами украинства здѣсь были членъ парламента Василько и проф. Смаль-Стоцкій (сотрудникъ Грушевскаго по легализаціи львовской фонетики). Работа украинской партіи въ Буковинѣ повлекла за собою усиленную румынизацію малороссовъ, которая происходитъ на почвѣ успѣшной конкурренціи молдаванской школы со школой украинской. Во многихъ деревняхъ со смѣшаннымъ населеніемъ украинская школа пустуетъ, а молдаванская переполнена малорусскими дѣтьми. Въ цѣломъ рядѣ чисто-малорусскихъ селъ появились недавно молдаванскія школы и работаютъ успѣшно. Родители-малороссы негодуютъ на украинскую школу, откуда мальчикъ выходитъ послѣ многолѣтняго ученья, не умѣя читать псалтири. Помимо оскорбляемаго такими явленіями религіозно-нравственнаго чувства родителей, вступаютъ въ игру практическія соображенія: украинская грамотность малопримѣнима въ культурномъ обиходѣ страны. Возмущаетъ буковинскихъ грамотѣевъ и навязываемая имъ школой фонетическая ороографія.

Прошлый годъ лидеры украинства въ Буковинѣ ознаменовали крупными хищеніями народныхъ сбереженій изъ

„Селянской Кассы", являющейся союзомъ райффейзеновскихъ сберегательныхъ кассъ, и изъ субсидируемаго правительствомъ экономическаго „Совѣта областной культуры". Хищенія эти, по словамъ „Дзвона", превысили 15 милліоновъ кронъ, т. е. 6 милліоновъ рублей; пополненіе растраты производится путемъ усиленія податного обложенія крестьянъ, чѣмъ вызывается сильное раздраженіе ихъ противъ „украинскихъ патріотовъ" и паническая эмиграція за океанъ, преимущественно въ Канаду.

Массовое бѣгство буковинцевъ изъ области—крупный козырь для румынизаторовъ, но украинская пресса не обращаетъ вниманія на это грозное явленіе. Мало того, редакторъ украинско-патріотической газеты „Нова Буковина" В. Кушниръ, стоявшій рядъ лѣтъ во главѣ вѣнскаго журнала „Ukr. Rundschau", взялъ недавно эмиграціонную агентуру „Канадо-Тихоокеанской ж.-д. Компаніи", колонизующей канадскіе пустыри жертвами „украинскаго" гешефтмахерства.

См. § 30.

Полмилліона Закарпатскихъ угроруссовъ отвергли всѣ попытки галицкихъ „сознательныхъ украинцевъ" привить здѣсь украинскую идею. Покойный Драгомановъ, посѣтивъ Угорскую Русь въ 70-хъ годахъ, не нашелъ подходящей почвы для своей пропаганды и отмѣтилъ тамъ стремленіе къ русскому національзму („москвофильству"). Угро-русскій *націонализмъ*, говоритъ М. Драгомановъ, долженъ былъ принять москвофильскія формы собственно потому, что онъ *былъ и есть націонализмъ чистый*, безъ соціальной подмѣси. Такой націонализмъ всегда тяготѣетъ къ государству, а не къ народу, и такъ какъ „держави україньско-руськоі нема, а московско-петербургська есть", то *архинатурально*, что угрорусскіе націоналисты направили свои мысли къ этой (послѣдней) державѣ.

Культурная судьба горсти угроруссовъ не имѣетъ какого-либо значенія для реальной политики Россіи; но ихъ признанные Драгомановымъ опредѣленные культурные идеалы таятъ въ себѣ смертный приговоръ для націоналистической идеологіи украинства. Въ самомъ дѣлѣ. Если угорскіе *малороссы,* говорящіе отъ дѣда--прадѣда по-малорусски, *проявляютъ* „архинатуральный" и „чистый" *націонализмъ*, *обнаруживая тяготѣніе къ русскому языку,* то не значитъ ли это, что малорусское племя—неотдѣлимая по духу и крови часть русскаго народа? Если среди угорскихъ малороссовъ, способныхъ къ націонализму „безъ соціальныхъ подмѣсей", нѣтъ ни одного интеллигента украинофила, а на нашемъ

Югѣ и въ Галичинѣ таковые имѣются, то не слѣдуетъ ли отсюда, что украинство и его идеологія—плодъ соціально-политическихъ построеній, что оно облыжно рядится въ тогу націонализма и является движеніемъ политическимъ?

Глава XVI.

Борьба съ украинствомъ.

§ 85. **Охрана единства русской культуры.** По словамъ незабвеннаго П. А. Столыпина, „національное и политическое стремленія настолько тѣсно связаны между собою въ украинскомъ движеніи, что разграниченіе ихъ является совершенно невозможнымъ". Скажемъ болѣе: политическая программа партіи въ послѣднее время ею тщательно держится въ тѣни, заслоняемая отъ чужого глаза культурничествомъ. Поэтому, борьба съ украинскимъ движеніемъ должна состоять въ борьбѣ съ отщепенствомъ на полѣ культуры. „У. Д." 277. 555—557.

Само собою разумѣется, однако, что всякія проявленія политическаго сепаритизма должны быть пресѣкаемы и караемы. Сюда относятся манифестаціи, подчеркивающія братанье украинской партіи въ Россіи съ таковою же въ Галиціи, употребленіе сине-желтаго цвѣта, знаменующаго „національную" эмблему будущей Соборной Украины, символическое сопоставленіе на одномъ рисункѣ (или транспарантѣ) герба г. Львова съ гербомъ г. Кіева и т. п.

Русская и, въ первую очередь, малорусская интеллигенція должна во имя блага народнаго вести идейную борьбу противъ людей съ извращеннымъ національнымъ чувствомъ. Этимъ призывомъ мы могли бы ограничиться, если бы украинское движеніе не дѣлало попытокъ идти со своимъ міровоззрѣніемъ и со своимъ „научно-практическимъ" арсеналомъ въ темную безпомощную деревню, если бы оно не ставило своею задачей перевоспитать южнорусскій народъ по особому шаблону, облюбованному дѣятелями этого движенія. Такъ какъ, однако, стремленіе украинства навязать некультурному люду новую, нерусскую культуру не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, то ограничиваться идейной борьбой мы не вправѣ, чтобы не уподобиться повару изъ крыловской басни.

Въ борьбѣ съ украинской партіей и несомой ею доктриной должны придти обществу на помощь наши законодатели и правительство. Тѣмъ масштабомъ, съ которымъ современное

правительство и представительныя палаты могутъ приступить къ діагнозу симптомовъ украинскаго движенія и къ оцѣнкѣ ихъ абсолютной или относительной вредности, является мнѣніе Сената о культурномъ сепаратизмѣ на Югѣ Россіи, пріемлемое для всѣхъ друзей культуры, какова бы ни была ихъ національность и политическіе взгляды. По Указу же Правит. Сената отъ 28 іюля 1908 г. за № 9120, въ планѣ дѣятельности „украинскихъ" просвѣтительныхъ обществъ (Просвитъ) усматривается стремленіе къ обособленію интересовъ малорусскаго населенія, долженствующее вызвать вредныя послѣдствія. Законъ долженъ твердо и опредѣленно сказать, что малорусское племя рядомъ съ другими двумя вѣтвями русскаго народа есть народъ-строитель современной русской державы, государственнаго языка и государственной культуры. Всякое стремленіе причислить это племя въ Россіи къ инородцамъ, изображать его порабощеннымъ народомъ, не распоряжающимся свободно своей этнографической территоріей, расходится съ исторической правдой и съ современнымъ положеніемъ вещей; такія ложныя увѣренія скрываютъ за собой преступную цѣль ослабить историческую внутреннюю связь между племенами русскаго народа.

„У. Д." 391—395. 561—567. § 86. **Южнорусская школа.** Наибольшаго вниманія и попеченія со стороны общества, органовъ самоуправленія, правительства и законодательства требуетъ наша южнорусская народная (начальная) школа въ смыслѣ незыблемости русскаго преподаванія въ ней и охраны ея отъ украинской литературы и отъ „украинскаго" языка въ устахъ преподавателя.

Неудобопонятность всякаго книжнаго языка для сельскаго школяра на первыхъ ступеняхъ обученія усугубляется для малорусскаго ребенка присутствіемъ въ русскомъ книжномъ языкѣ новыхъ для него лексическихъ, по преимуществу, элементовъ. Это— ясно, но мы не пойдемъ за той партіей, которая хочетъ прививать на нашемъ Югѣ польско-украинскій жаргонъ и украшенную его прелестями литературу. Мы скажемъ, что *лексика* мѣстнаго народнаго говора является весьма желательнымъ пособіемъ для разъясненія начинающимъ малорусскимъ школярамъ отдѣльныхъ непонятныхъ словъ русскаго книжнаго языка, притомъ—средствомъ, которое еще съ 1906 года легализовано нашимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. При этомъ, для пользы дѣла необходимо: 1) чтобы учитель понималъ мѣстный народный говоръ; 2) чтобы онъ, объясняя отдѣльныя слова при помощи этого говора, говорилъ правильнымъ русскимъ языкомъ, да и въ этихъ вспомогательныхъ словахъ, переходилъ возможно скорѣе на русскую фонетику и морфологію (напр., „куркѣ", а не „курци"; „въ житѣ", а не „въ жити"; „пивню",

а не „пивневи“ и т. п.); 3) чтобы учитель, говоря съ учениками, объяснялъ *новыя* для нихъ понятія и слова исключительно русскимъ, а не львовскимъ искусственнымъ языкомъ.

Современныя *учебныя пособія* начальной южнорусской школы (букварь, священная исторія, хрестоматія, ариѳметическій задачникъ, таблицы нагляднаго обученія) *совершенно непригодны для дѣла.* Обучая данному предмету, пособія эти должны постепенно и безъ рѣзкихъ толчковъ знакомить учениковъ съ русскою книжною рѣчью. Народный великорусскій элементъ, на первыхъ порахъ (первый годъ или полугодіе), въ такихъ пособіяхъ вовсе не допустимъ; позднѣе онъ можетъ вводиться туда, но лишь въ мѣру крайней необходимости и гомеопатическими дозами. Такъ, напр., при изученіи азбуки по рисункамъ слѣдуетъ давать такія изображенія, какъ: борона, ведро, груша, дыня, желудь, заяцъ, корова, мышь, носъ, рыба, сани, часы, шапка. Совершенно неумѣстны такіе рисунки, какъ арбузъ (кавунъ), утка (качка), лукъ (цыбуля), глазъ (око) и т. п. Такая же осторожность необходима при выборѣ словъ и составленіи фразъ для первоначальнаго чтенія и для прописей. Подписи подъ таблицами для нагляднаго обученія должны быть въ потребныхъ мѣстахъ снабжены малорусскимъ переводомъ непонятныхъ словъ; надобность въ этомъ встрѣтится тѣмъ рѣже, чѣмъ болѣе рисунки будутъ приспособлены къ мѣстному быту. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно выбора темъ для математическихъ задачъ: ихъ нужно на всемъ протяженіи сельской школы приближать по возможности къ обыденнымъ интересамъ. Изъ книгъ для чтенія (для первыхъ группъ) нужно удалить все чуждое малорусскому быту. Народные разсказы Гоголя и незабвеннаго художника слова Л. Н. Толстого можно широко использовать при составленіи южнорусскихъ хрестоматій (съ малорусскимъ переводомъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ). Слѣдуетъ пользоваться и умѣлыми переводами на русскій языкъ народныхъ разсказовъ Гребенки, Стороженка и Кулиша.

Изученіе Закона Божія и грамматики можетъ быть начинаемо *по книгѣ* лишь тогда, когда школяры освоились съ русской книжной рѣчью. Переводъ или объясненіе незнакомыхъ словъ, конечно, неизбѣженъ и въ этихъ учебникахъ.

Въ устныхъ отвѣтахъ школяровъ, а также пересказахъ прочтеннаго, рѣшеніи задачъ можно допускать, на первыхъ порахъ, нѣкоторый процентъ малорусскаго лексическаго багажа, выправляя лишь фонетико-морфологическіе малоруссизмы. Такая мѣра позволитъ ученику лучше сосредоточиться на сущности даваемаго отвѣта. Съ теченіемъ времени, русская книга и, *непремѣнно,* русская рѣчь учителя изгонятъ у школяра изъ употребленія остатки малорусской лексики.

Нужно озаботиться, чтобы въ преподаватели и руководители учительскихъ школъ всѣхъ вѣдомствъ не могли попадать лица, сочувствующія или потворствующія украинской пропагандѣ, не говоря уже объ активныхъ членахъ укр. партіи. Необходимо *объединеніе программъ* всѣхъ этихъ заведеній Юга въ смыслѣ усиленія программы русскаго и церк.-

славянскаго языка, какъ фундамента для ознакомленія со взаимоотношеніями всѣхъ восточно-славянскихъ нарѣчій. Только такимъ путемъ можно выяснить будущимъ педагогамъ филологическую безпочвенность и вздорность украинской идеи, а также обличить наличность фальшивыхъ нотъ въ эволюціи такъ наз. украинскаго языка. На урокахъ исторіи будущіе педагоги должны быть основательно ознакомлены съ историческими гипотезами Духинскаго и Грушевскаго; изложеніе предмета необходимо поставить въ рамки полной объективности, но съ указаніемъ на спорность гипотезъ и на безспорность исторической общности въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ.

Педагогическіе курсы для народныхъ учителей являются продолженіемъ и дополненіемъ къ курсу учительской школы. Странно было бы, если бы на повторительныхъ курсахъ для земскихъ врачей имъ стали проповѣдывать гомеопатію. Не менѣе дико, если въ культурныхъ русскихъ центрахъ устраиваютъ для народныхъ учителей выставки украинскихъ учебниковъ, читаютъ исторію по Грушевскому или собираются пускать мыльные пузыри, называемые исторіей украинской литературы. Такіе курсы должны вестись по опредѣленному плану, въ основѣ котораго непремѣнно должно лежать убѣжденіе, что народныя школы—государственное дѣло, и что только тотъ учитель, дѣйствительно, служитъ дѣлу народнаго образованія, который не преслѣдуетъ въ школѣ никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ педагогическихъ. Ясно, полагаемъ, что детальная программа такихъ курсовъ, какимъ бы частнымъ, общественнымъ или земскимъ учрежденіемъ они ни устроялись, должна быть фиксирована министерствомъ народн. просв., и его же органами должно контролироваться выполненіе этой программы.

Степень образовательнаго ценза кандидата въ народные учителя еще не гарантируетъ его пригодности къ участію въ дружной работѣ по развитію русской культуры, и если онъ, по истеченіи перваго года своей службы, не найдетъ возможнымъ подтвердить добровольно и сознательно (въ письменной формѣ) свою солидарность со взглядами правительства на задачи южнорусской школы и на способъ педагогическаго выполненія этихъ задачъ, то такому учителю должна быть предоставлена полная возможность продолженія своей дѣятельности въ губерніяхъ съ немалорусскимъ неселеніемъ. Пребываніе такихъ педагоговъ-украиномановъ, по оставленіи

учительской службы, въ малорусской деревнѣ—весьма вредно; пристраиваясь къ мѣстному кооперативу, учрежденію мелкаго кредита, читальнѣ, церковному хору, такой дѣятель переноситъ пропаганду на взрослыхъ крестьянъ, критерій которыхъ въ вопросахъ культуры почти не возвышается надъ дѣтскимъ.

Народнымъ учителямъ должно быть возбранено не только участіе, но и какая-либо прикосновенность къ малорусскимъ спектаклямъ и литературно-декламаціоннымъ вечеринкамъ; мѣстомъ для этихъ развлеченій, если они устраиваются въ селахъ, не должно служить школьное помѣщеніе. Съ другой стороны правительство и земство должны всячески поощрять инициативу сельскихъ учителей по постановкѣ простонародныхъ пьесъ на русскомъ языкѣ, по устройству русскихъ чтеній, популярныхъ лекцій и т. п.

Попутно съ заботами о качественномъ улучшеніи русскаго народно-учительскаго персонала на Югѣ и объ отметеніи изъ его среды распропагандированныхъ украинской партіей экземпляровъ, подтачивающихъ подобно шашели продуктивность просвѣтительной работы, необходимо готовиться, путемъ увеличенія количества народныхъ педагоговъ, къ скорѣйшему введенію на Югѣ всеобщей обязательной начальной школы. Здѣсь нужда въ такой школѣ еще болѣе настоятельна, чѣмъ въ Великороссіи, ибо здѣсь всеобщая грамотность послужитъ дезинфекціоннымъ средствомъ противъ жаргонно-польскихъ культурныхъ сѣмянъ, пускаемыхъ нынѣ въ обращеніе подъ громкимъ именемъ „національной“ украинской культуры. Не ожидая введенія всеобщаго обученія, должны быть приняты мѣры къ увеличенію числа учащихся *женскаго* пола въ сельскихъ школахъ. Русская грамотность будущихъ матерей явится могучимъ проводникомъ культурности въ крестьянскую семью и дастъ дѣтямъ сѣмена русской грамоты уже въ дошкольномъ возрастѣ.

Программа русскаго языка въ сельскихъ школахъ Юга должна быть расширена. Не менѣе важно предохранить школяровъ отъ доступа къ нимъ украинскаго перевода Св. Писанія, который можетъ вредно вліять на ихъ русскую грамотность не только наличностью въ немъ придуманныхъ (ненародныхъ и нерусскихъ) словъ, но и, главнымъ образомъ,—своей фонетической ороографіей. При обученіи хоровому пѣнію часть репертуара должна быть отведена на малорусскія народныя пѣсни, но текстъ послѣднихъ въ школьныхъ пособіяхъ не долженъ быть облеченъ въ фонетическую мозаику.

На библіотеки при народныхъ школахъ (ученическія и учительскія), къ какому бы вѣдомству эти школы ни принадлежали, должны быть распространены цѣлесообразныя правила организаціи и контроля, установленныя съ прошлаго учебнаго года для школъ М. Н. П.

„У. Д.“ 558—559. 567. § 87. **Внѣшкольное народное просвѣщеніе.** Кромѣ народныхъ учителей и сельскаго духовенства, къ дѣятелямъ народнаго просвѣщенія должны быть причислены соприкасающіеся съ населеніемъ спеціалисты: земскіе инструкторы, санитарный персоналъ, руководители сельскихъ кооперативовъ и т. п. Всякія проявленія антирусской дѣятельности со стороны этихъ лицъ, напр., выполненіе ими роли украинскихъ лекторовъ или коммивояжеровъ украинской прессы, должны быть не только пресѣкаемы, но, по возможности, и предупреждаемы. Чтенія и лекціи, предлагаемыя малорусскому простолюдину частными лицами, педагогами, инструкторами и т. п., должны вестись на русскомъ языкѣ, въ общедоступной формѣ и съ допущеніемъ, въ цѣляхъ объясненія, отдѣльныхъ малорусскихъ, *чисто-народныхъ* словъ и выраженій. Весьма желательно, чтобы такой порядокъ былъ установленъ распоряженіями епархіальнаго начальства и относительно церковной проповѣди въ селахъ. Брошюры и плакаты съ наставленіями для народа по агрономіи, санитаріи, ветеринаріи и. т. п. должны быть составлены по-русски, но съ допущеніемъ перевода отдѣльныхъ словъ на народное нарѣчіе.

Систематическая борьба правительства съ украинскимъ движеніемъ должна выразиться въ предохраненіи южнорусской деревни отъ современной „украинской“ литературы, т. е. отъ книжнаго „украинскаго“ языка и фонетическаго правописанія. Произведенія печати на украинскомъ (малорусскомъ) языкѣ, отклоняющіяся въ смыслѣ орѳографіи отъ общепринятаго въ государствѣ для русскихъ книгъ этимологическаго (историческаго) правописанія, не должны быть вовсе допускаемы въ библіотеки-читальни для простонародья и при учебныхъ заведеніяхъ (кромѣ высшихъ). Правило это должно распространяться на *всѣ* библіотеки-читальни въ селахъ. Изъ городскихъ библіотекъ этому правилу должны быть подчинены библіотеки низшихъ и среднихъ школъ, а также народныя библіотеки-читальни, устроенныя на средства городскія, земскія, попечительствъ о народной трезвости, благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществъ. Правило это необходимо распространить на устроенные за городской или земскій счетъ

склады для продажи книгъ въ городахъ и на *всѣ* мѣста продажи книгъ и газетъ въ селахъ. Украинскія (малорусскія) произведенія печати, находящіяся нынѣ въ означенныхъ книгохранилищахъ и не удовлетворяющія требованіямъ русской орѳографіи, не могутъ быть допущены къ обращенію въ населеніи.

Соблюденіе этимологическаго правописанія въ малорусскихъ печатныхъ произведеніяхъ недостаточно гарантируетъ ихъ безвредность для русской грамотности населенія. Правительство должно заботиться также о возможной чистотѣ малорусскаго книжнаго языка въ предназначаемой для народа духовной пищѣ и о свободѣ его отъ „украинскихъ" прелестей: новоиспеченныхъ полонизмовъ, кабинетныхъ неологизмовъ и зарубежныхъ галицизмовъ. Для этой цѣли при министерствѣ народнаго просвѣщенія долженъ существовать междувѣдомственный постоянный комитетъ, имѣющій задачей разсматривать представляемыя издателями произведенія малорусской популярной литературы на предметъ допущенія таковыхъ въ перечисленныя выше книгохранилища. Публикуемые комитетомъ періодическіе каталоги малорусской письменности послужатъ руководствомъ при организаціи, пополненіи и ревизованіи упомянутыхъ складовъ, читаленъ и библіотекъ.

Правительственные органы, земства и муниципалитеты не должны оказывать матеріальной или моральной поддержки малорусскому издательству, а путемъ объявленія конкурсовъ, должны озаботиться созданіемъ популярной *русской* литературы, доступной для малоросса-простолюдина по языку и формѣ изложенія и предназначенной для народныхъ библіотекъ-читаленъ и для народной аудиторіи.

§ 88. **Очаги украинства.** Украинскія Просвиты, уже по смыслу сенатскихъ разъясненій, не могутъ быть въ Россіи разрѣшаемы, а существующія должны быть закрыты. Нужно помнить, что каждый шагъ ихъ дѣятельности есть уродованіе культурной жизни народа, что неотразимымъ обвинителемъ этихъ учрежденій является уже самая программа ихъ работы. Безусловному и немедленному закрытію подлежатъ, конечно, и тѣ отдѣленія и учрежденія (читальни) Просвитъ, которыя работаютъ въ селахъ и рабочихъ поселкахъ. Долженъ быть выработанъ законъ, контролирующій издательскую дѣятельность всякихъ, работающихъ для деревни издательствъ, не исключая и т. наз. товариществъ на вѣрѣ. „У. Д." 560—561.

Украинскіе клубы и научныя общества должны вести

свое дѣлопроизводство въ той его части, которая подлежитъ вѣдѣнію и контролю администраціи,—на государственномъ языкѣ и съ соблюденіемъ общепринятаго правописанія. Чтеніе докладовъ, лекцій, рефератовъ и пренія по таковымъ могутъ имѣть мѣсто на любомъ языкѣ (а, слѣдовательно, и на украинскомъ) только въ собраніяхъ закрытыхъ (гдѣ присутствуютъ лишь члены учрежденія). Въ собраніяхъ же, куда допускаются гости (постоянные или разовые), либо сторонняя публика, украинскій языкъ употребляемъ быть не можетъ. Относящіяся къ публичнымъ собраніямъ оповѣщенія, афиши и программы должны быть составляемы на русскомъ языкѣ. Публичныя собранія, устраиваемыя украинскими обществами, не могутъ быть посѣщаемы воспитанниками низшей и средней школы, а равно и народными учителями.

Профессіональныя труппы и любительскіе кружки, устраивающіе малорусскіе спектакли, литературно-вокальные вечера и т. п. на территоріи съ преобладающимъ малорусскимъ населеніемъ въ слободахъ, станицахъ, мѣстечкахъ, селеніяхъ и рабочихъ поселкахъ, могутъ пользоваться лишь репертуаромъ, вошедшимъ въ каталоги вышеупомянутаго комитета при М. Н. Пр., который разрѣшаетъ къ постановкѣ малорусскія пьесы, вѣрныя бытовой или исторической правдѣ, гдѣ сфера малорусскаго языка ограничена бытовымъ и племеннымъ положеніемъ героевъ. Изъ пьесъ переводныхъ допускаются, поэтому, только пьесы, рисующія деревенскій бытъ, гдѣ малорусскій языкъ, извѣстный нашему народу, удовлетворяетъ кругозору дѣйствующихъ лицъ и ихъ обиходнымъ бесѣдамъ. Комитетъ обращаетъ вниманіе, кромѣ чистоты языка, и на правописаніе пьесъ. Съ особой рачительностью оцѣниваетъ комитетъ (по языку и правописанію) сборники пьесъ для декламаціи и пѣнія.

„У. Д.“ 572. § 89. **Выводы.** Заканчивая настоящій трудъ, мы считаемъ нелишнимъ повторить главнѣйшіе выводы, вытекающіе изъ нашего изслѣдованія:

I. *Украинскій языкъ малопригоденъ для созданія родной малороссамъ областной литературы.*

II. *Южнорусская народная школа не нуждается въ малорусскихъ учебникахъ и преподаваніи; учебники же и книги для нея на языкѣ украинскомъ не только безполезны, но и вредны.*

III. *Націонализація малорусскихъ народныхъ училищъ, какъ указано М. Драгомановымъ, необходима для федера-*

ціоннаго распада Россіи, для уничтоженія единства и сплоченности русскаго народа, какъ великодержавной единицы въ Европѣ.

IV. *Наличность въ малорусской или украинской популярной литературѣ своеобразной (фонетической) ороографіи является факторомъ, вредящимъ народной грамотности и тормозящимъ культуру Юга Россіи.*

V. *Всякой малорусской книгѣ или газетѣ, печатанной безъ соблюденія общерусской ороографіи, правительство немедленно должно преградить доступъ въ деревню: въ библіотеки и кооперативы.*

VI. *Въ Западной Руси украинскій книжный языкъ—плоть отъ плоти языка польскаго—обезпечиваетъ украинскому движенію поддержку и сочувствіе полонизаторовъ.*

§ 90. **Заключеніе.** Мы не претендуемъ на полноту сдѣланнаго нами перечня средствъ самообороны русской культуры и государственности отъ язвы украинства. Наше скромное желаніе заключается лишь въ томъ, чтобы поднять вопросъ объ истинной подоплекѣ украинскаго движенія, ведущаго походъ на самыя драгоцѣнныя сокровища русскаго народа: его историческую традицію и его современную культуру. Мы желаемъ и желаемъ горячо, чтобы наши законодательныя учрежденія отмежевали украинской партіи такое мѣсто, какого она заслуживаетъ по своему внутреннему содержанію. Мы желаемъ, чтобы отношеніе къ украинскому движенію русскаго правительства и высшихъ представительныхъ учрежденій не только приняло болѣе опредѣленныя очертанія, но и отлилось въ незыблемыя формы, чтобы дѣятелямъ украинства указали, чтó можно, и чего нельзя. Въ послѣдующихъ мѣропріятіяхъ не должно быть обнаруживаемо колебаній въ сторону строгости либо снисходительности. Все, что выступитъ за предѣлы *правовой* нормы, должно быть пресѣкаемо желѣзной рукой закона. „У. Д.“ 570—571.

Мы ждемъ, что самодѣятельность общества выразится въ изданіи популярной литературы, въ устройствѣ по селамъ и въ рабочихъ казармахъ народныхъ чтеній, вечернихъ классовъ для взрослыхъ и русскихъ воскресныхъ школъ.

Многія задачи русской культуры будетъ несомнѣнно выполнять сама будничная, дѣловая и трудовая жизнь, нивеллирующая и шлифующая изо дня въ день, изъ года въ годъ, „особыя примѣты“ костромича, могилевца и полтавца, какъ морской прибой шлифуетъ и перемѣшиваетъ мелкіе

прибрежные камушки. Смѣется море надъ утлыми загражденіями рукъ человѣческихъ, а гладкіе валуны хлопотливо шумятъ, согрѣтые ласками небесной и морской лазури.

Тебѣ, родной красавецъ-Кіевъ, посвящаемъ мы послѣднюю страницу нашего труда. Было время, когда ты платилъ дань хозарамъ, какъ продолжаешь ее платить и нынѣ ихъ единовѣрцамъ, но это не мѣшаетъ тебѣ расти и богатѣть. Было время, когда ты стоналъ подъ пятой латинскихъ бискуповъ и польскихъ каштеляновъ, а теперь ты залѣчилъ свои раны и оказываешь широкое русское гостепріимство ихъ потомкамъ, именующимъ себя только... польской колоніей. Было время, когда пришельцы съ востока, дикари-кочевники жгли тебя до основанія, а ты оживалъ и становился каждый разъ краше прежняго. Теперь подъ твоей тысячелѣтней кольчугой свили черное гнѣздо пришельцы съ запада, полуополяченныя дѣти подъяремной Галицкой земли, которыя, вмѣстѣ со здѣшними ренегатами отъ русскаго имени, одурманиваютъ темный людъ лжепросвѣщеніемъ и лжепророчествами. Но не промѣняешь ты своего имени—Матери городовъ русскихъ—на имя „Неньки“ сознательнаго украинства. Въ этомъ будетъ намъ порукою ставшій сегодня у вратъ твоего магистрата монументъ русскаго витязя Петра Аркадьевича Столыпина.

Содержаніе.

стр.

Къ читателю 3

Глава I. Населеніе Южной Руси и его языкъ народный и книжный до возсоединенія Малороссіи съ Москвой.

§ 1. Русскія племена и ихъ говоры 5
§ 2. Малорусское нарѣчіе 6
§ 3. Языкъ западно-русской письменности 9

Глава II. Польская интрига въ возсоединенной Малороссіи.

§ 4. Литовско-польская Русь и Переяславская рада . . . 11
§ 5. Поляки и польскіе клевреты 13
§ 6. Чарторійскій, Чацкій и Духинскій 18
§ 7. Масоны и „Братство народовой службы“ 19

Глава III. Украинофильство въ Россіи.

§ 8. Этнографическое украинофильство 21
§ 9. Украинофильскій псевдо-федерализмъ кирилло-мефодіевцевъ 22
§ 10. Украинофильское народничество 27
§ 11. Польскій мятежъ 1863 года 30
§ 12. Кіевская Громада . . . . —
§ 13. Цензурныя правила 1876 и 1881 гг. 32
§ 14. Малорусская литература конца XIX вѣка 33
§ 15. „Кіевская Старина“ и школа Антоновича 34

Глава IV. Народничество и украинофильство въ Восточной Галиціи.

§ 16. Полонизація русскаго населенія и галицкое народничество 35
§ 17. Украинофильство во Львовѣ 37
§ 18. Ростъ русской культуры въ Галиціи и ея разгромъ 39

Глава V. Украинство въ Галиціи.

§ 19. Бадени и Антоновичъ. Бисмаркъ и „Правда“ . . . 40
§ 20. Новый языкъ 41
§ 21. Реформа южнорусской исторіи 45
§ 22. М. Грушевскій—политикъ 47
§ 23. Сѣчи, сокола́ и культъ ирредентизма 49

Глава VI. Походъ украинства на державную Русь.

§ 24. Пособничество академіи наукъ 51
§ 25. Появленіе украинской прессы 54
§ 26. Агитація львовскаго гастролера . . . . —
§ 27. Натискъ на русскую школу 55

Глава VII. Современная пресса украинской партіи въ Россіи.

§ 28. Повременныя изданія на украинскомъ языкѣ 56
§ 29. Двуязычная пресса 60
§ 30. Русская и иноязычная пресса . . . . —
§ 31. Неперіодическая печать 61
§ 32. „Кобзарь“ Шевченка и сочиненія Кулиша 62
§ 33. Украинскіе учебники для малороссовъ 64

Глава VIII. Украинскій языкъ въ Россіи.

§ 34. Встрѣча съ русской культурой 67
§ 35. Врожденные пороки украинскаго языка 69
§ 36. Причины искусственности украинскаго языка 71
§ 37. Благопріобрѣтенные пороки украинскаго языка . . . —

Глава IX. Фонетическое правописаніе.

§ 38. Галицкая фонетика на родинѣ 72
§ 39. Сущность фонетическаго правописанія 73
§ 40. Пересадка фонетики въ Россію 74
§ 41. Опасность фонетики для малороссовъ 76

Глава X. Подкопъ подъ русскую школу.

§ 42. Народный учитель Гринченко 77
§ 43. Доводы за украинизацію школы 79
§ 44. Историческая традиція 80
§ 45. Научные авторитеты 82
§ 46. Критика русской школы 83
§ 47. Подтасовка статистики 85
§ 48. Аппетиты украиномановъ 88
§ 49. Совращеніе народныхъ учителей 89
§ 50. Лѣтніе курсы 91
§ 51. Учительскія демонстраціи 92
§ 52. Внѣклассная работа учителей 93
§ 53. Выводы 94

Глава XI. Организаціи и пути пропаганды.

§ 54. Просвиты 95
§ 55. Клубы („громады“) и кружки („гуртки“) 98
§ 56. Студенческія организаціи 99
§ 57. Научныя и политическія общества 100
§ 58. Народныя библіотеки и лекторіи 102
§ 59. Сельскіе кооперативы 103

§ 60. Украинскіе спектакли и концерты 104
§ 61. Партійныя демонстраціи 105
§ 62. Государственный украинскій флагъ 107

Глава XII. Лицо и изнанка украинства.

§ 63. Обскурантизмъ украинофильства 109
§ 64. Программа украинства 110
§ 65. Политическая программа 111
§ 66. Культурническая программа 112
§ 67. Лжестихійность украинства 114
§ 68. Лжепрогрессивность украинства 116
§ 69. Руссофобство и мазепинство . . . . —
§ 70. Лжефедерализмъ 118

Глава XIII. Ягеллонская идея.

§ 71. Украинофильство современныхъ поляковъ 120
§ 72. Отъ слова къ дѣлу 123
§ 73. Полонофильство „сознательныхъ украинцевъ“ . . . 125

Глава XIV. Режиссеры и кредиторы украинства.

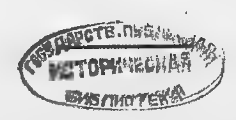
§ 74. Австрія 127
§ 75. Украинскій университетъ 130
§ 76. Великая Австрія и Украинское королевство 134
§ 77. Пруссія и всенѣмцы 135
§ 78. Прусскія марки 137
§ 79. Вильгельмовскій юбилей 138

Глава XV. Судьба украинства.

§ 80. Пособники и защитники украинства . . . . —
§ 81. Адепты украинства 140
§ 82. Плюсы и минусы . . . . —
§ 83. Автономическая трехвостка 142
§ 84. Будущее украинства въ Австріи 144

Глава XVI. Борьба съ украинствомъ.

§ 85. Охрана единства русской культуры 147
§ 86. Южнорусская школа 148
§ 87. Внѣшкольное народное просвѣщеніе 152
§ 88. Очаги украинства 153
§ 89. Выводы 154
§ 90. Заключеніе 155



ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	Строка.		Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
2	14	сн.	литературно-украинскаго	литературно-общественнаго
10	15	св.	этомъ	этотъ
16	19	„	оказанные	оказанныя
36	11	сн.	Варгилевичемъ	Вагилевичемъ
37	4	„	котолической	католической
45	3–4	„	дандыми	данными
53	17	св.	произвище	прозвище
64	5	сн.	въ книги	въ книгѣ
64	3	„	не точности	неточности
73	10	„	тебе	тэбэ
87	4–5	„	преподованіи	преподаваніи
99	8	св.	обстоятельствво	обстоятельство
101	17	„	куппо	купно
128	4-5	„	попавшія	попавшіе
144	7	„	перепеси	переписи